

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2017 Том 17 № 4

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2017 Volume 17 No. 4

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, Directory of Open Access Journals (DOAJ).

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socjournalrudn@rudn.university.

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, Directory of Open Access Journals (DOAJ).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (*Committee on Publication Ethics*) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socjournalrudn@rudn.university.

Подписано в печать 20.10.2017. Выход в свет 05.11.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 24,65. Тираж 500 экз. Заказ № 1593. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., Университет Вены, Австрия. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., РУДН, Россия. E-mail: narbut_np@rudn.university

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., РУДН, Россия. E-mail: trotsuk_iv@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаришвили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель декана факультета глобальных процессов МГУ им. В.М. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Иванов В.Н., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

Маркович Д., доктор философских наук, профессор Белградского университета (Сербия)

Назарова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Татарова Г.Г., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН

Хагендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбалшкова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Щербина В.В., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socjournalrudn@rudn.university

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Haerpfer C., University of Vienna, Austria. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut_np@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk_iv@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD in Philosophy, Associate Professor, Deputy Dean of Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation of Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus of Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor of School of Political Sciences and Sociology of Complutense University of Madrid (Spain)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor of Russian Academy of Sciences (Russia)

Marković D., D.Sc (Philosophy), Professor of Belgrade State University (Serbia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Professor, Head of Analytical Center of National Research University "Higher School of Economics" (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD in Philosophy, Associate Professor of Sociology Chair of RUDN University Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociological Laboratory of RUDN University Faculty of Humanities and Social Sciences (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research of Belorussian State University (Belorussia)

Scherbina V.V., D.Sc (Sociology), Professor, Senior Researcher of Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Szafraniec K., D.Sc (Sociology), Professor of Chair of Sociology of Education and Youth of Institute of Sociology of Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Tatarova G.G., D.Sc (Sociology), Professor, Senior Researcher of Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Čambáliková M., PhD in Sociology, Professor, Researcher at Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences, Head of Sociology and Social Psychology Chair of Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD in Sociology, Professor, Head of Historical Sociology Chair of Faculty of Humanities of Charles University (Czech Republic)

Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socjournalrudn@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Кравченко С.А., Перова А.Е.** «Новый катастрофизм» и будущее: востребованность нелинейного знания (на англ. яз.) 449
- Данилов А.Н.** Неусвоенные уроки новейшей истории 460
- Никулин А.М., Троцук И.В.** Колхоз в исследованиях А.Н. Челинцева и Н.П. Макарова 468

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Киселев А.Г., Шилина С.А.** Модели государственного реформирования сельского хозяйства: прошлое и настоящее 481
- Орлова И.В., Перфильев Ю.С.** Типологизация регионального политического режима Иркутской области 491
- Маршак А.Л.** Культура как основа современной российской идеологии: проблемы и перспективы 503
- Кумса Э.** Борьба Южного Судана за независимость и ее влияние на судьбы Африки (на англ. яз.) 513

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

- Шарков Ф.И., Понеделков А.В., Воронцов С.А.** О проблемах современной российской политической элиты и возможных направлениях их разрешения 524
- Розанова Н.Н.** Приоритетные ценностные характеристики персонального бренда губернатора (на примере Смоленской области) 542
- Назарова И.Б., Зеленская М.П.** Репродуктивные установки студенческой молодежи: ценностный аспект (обзор эмпирических исследований) 555
- Акулич М.М., Батырева М.В., Голованова Ю.И.** Каучсёрфинг как социальная практика 568
- Подойницына И.И., Петров С.Г., Федорова А.А., Яковлев П.И.** Кросс-культурные эксперименты как способ адаптации к иноэтничной среде 578

ЭССЕ И РЕЦЕНЗИИ

- Панкова А.В.** Образ свободного человека в российском обществе середины XIX — начала XX века: социологический анализ костюма 592
- Ссора как «модель» повседневности: неформальные практики сельской России в историко-этнографической перспективе. Рецензия на книгу:** Кушкова А.Н. Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности: по материалам европейской части России второй половины XIX — начала XX века. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2016 613

«Свобода в хоре», или из двух зол... Рецензия на книгу: Аблеев С.Р., Золкин А.Л., Кузьминская С.И., Марченя П.П. <i>Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии.</i> М.: ИПЛ, 2017	628
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Бреславский А.С. <i>Время изучать пригороды</i>	636
НАШИ АВТОРЫ	645

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Kravchenko S.A., Perova A.E.** “New catastrophism” and the future: The demand for non-linear knowledge 449
- Danilov A.N.** Unlearned lessons of the contemporary history 460
- Nikulin A.M., Trotsuk I.V.** Collective farms in the works of A.N. Chelintsev and N.P. Makarov: 1951—1966 468

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Kiselev A.G., Shilina S.A.** Models of state reforms in agriculture: Past and present 481
- Orlova I.V., Perfiljev I.S.** Types of political regimes in the Irkutsk Region 491
- Marshak A.L.** Culture as a basis of contemporary Russian ideology: Challenges and prospects 503
- Kumsa A.** South Sudan struggle for independence, and its implication for Africa 513

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

- Sharkov F.I., Ponedelkov A.V., Vorontsov S.A.** Challenges for today’s Russian political elite, and ways to address them 524
- Rozanova N.N.** Priority value characteristics of the governor’s personal brand (on the example of the Smolensk Region) 542
- Nazarova I.B., Zelenskaya M.P.** Reproductive attitudes of the student youth (a review of empirical studies) 555
- Akulich M.M., Batyreva M.V., Golovanova Y.I.** Couchsurfing as a social practice 568
- Podoyunitsyna I.I., Petrov S.G., Fedorova A.A., Yakovlev P.I.** Cross-cultural experiments as an adaptation strategy 578

ESSAYS AND REVIEWS

- Pankova A.V.** The image of a free man in the Russian society in the middle of the XIX — early XX century: Sociological analysis of the costume 592
- Quarrel as a ‘model’ of everyday life: Informal practices of rural Russia in the historical-ethnographic perspective. Review of the book:** Kushkova A.N. *Krest'janskaja ssora: opyt izuchenija derevenskoj povsednevnosti: po materialam evropejskoj chasti Rossii vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka* [Peasant Quarrel: A Study of Rural Everyday Life Based on the Data from European Russia in the Second Half of the XIX — Early XX Century]. Saint Petersburg: Izd-vo EUSPb; 2016 613

“Freedom in the choir”, or From two evils... Review of the book: Ableev S.R., Zolkin A.L., Kuzminskaja S.I., Marchenya P.P. <i>Tsyvilizatsyonnyi suverenitet Rossii: problemy i diskussii</i> [Civilizational Sovereignty of Russia: Challenges and Debates]. Moscow: IPL; 2017	628
SCIENTIFIC LIFE	
Breslavsky A.S. It’s time for suburban studies	636
AUTHORS	645

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-449-459

“NEW CATASTROPHISM” AND THE FUTURE: THE DEMAND FOR NON-LINEAR KNOWLEDGE*

S.A. Kravchenko, A.E. Perova

Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University)
prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia
(e-mail: sociol7@yandex.ru, aeperova@yandex.ru)

Abstract. The article analyzes the phenomenon of ‘new’ catastrophes determined by the specifics of contemporary vulnerabilities, i.e. the growing structural dysfunction of the complex system of society and/or techno-natural system. The authors show that this dysfunctionality is caused by both human activities and the system’s internal reflexivity; it depends on system’s ability to bear external and internal burdens of emergent and turbulent nature, which implies the uncertainty of catastrophes. The article emphasizes that the majority of ‘new’ disasters manifest in ‘liquid’ forms, which leads to the growth of permanent uncertainties in all spheres of life, while there are obvious limitations in the use of modern scientific knowledge for managing complex vulnerabilities. Many scientific innovations within the paradigm of ‘new catastrophism’ aim to study the emerging social-natural realities to find ways to minimize vulnerabilities. The authors show such ways on the example of new sociological approaches to the analysis of climate changes, ‘dead land’, ‘dead water’, and ‘normal accidents’. The efficiency of such approaches is determined by the integration of social and natural sciences achievements and by interdisciplinary efforts to develop principles of non-linear knowledge. However, the weakness of these approaches is determined by the focus on principles of formalism and pragmatism that limit the potential of the humanities. The authors call for a humanistic turn that would combine scientific, social and humanitarian knowledge, and allow to overcome ideology and practices of anthropocentrism so as to ensure a new humanism necessary to minimize consequences of ‘new’ catastrophes and to develop the humanistic strategy for the future.

Key words: ‘new catastrophism’; vulnerability; ‘liquid’ catastrophes; ‘normal’ accident; climatic turbulence; future; non-linear knowledge; scientific ‘non-knowledge’; anthropocentrism

To define the possible future we are to consider such realities as ‘new’ catastrophes. The term ‘new catastrophism’ was introduced in the natural sciences in the 1970s, when researchers predicted ‘suspended’ catastrophes caused by the drift of continents, shifts of tectonic plates, an earthquakes [18. P. 43–48]. Later these ideas entered sociology due to the development of the complex social-natural reality and ‘rediscovery’ of space

* © S.A. Kravchenko, A.E. Perova, 2017.

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 16-18-10411.

and time, nature and society, as well as the future. J. Urry said: “I examine a new trend in thinking about the future of societies, which I term the ‘new catastrophism’” [28. P. 36]. The essence of this trend is in the increase of potential catastrophes within complex systems that “generally do not move towards equilibrium”, although “the equilibrium models are dominant in most economic system analyses”. Minor actions within a complex society can cause avalanche-like consequences: “systems are characterized by a lack of proportionality, or ‘non-linearity’ between apparent ‘causes’ and ‘effects’”; “movement from one stage to another may be rapid, with almost no stage in between”; “food and water security are increasingly significant” [28. P. 41—43]. Traditional threats are limited in space and time, their tragic consequences, according to P. Sorokin, are ‘educators’ for there are always sufficiently effective means to overcome them [26]; ‘new’ catastrophes manifest themselves globally and in “timeless time” [7. P. xl]. And what is most important — scientists have just begun to understand the ways to manage them and minimize their consequences. Thus, it is obvious that it is necessary to apply non-linear knowledge including the emerging scientific ‘non-knowledge’ [5. P. 115].

VULNERABILITIES OF COMPLEX SYSTEMS AS CHALLENGES

In the most general sense, a vulnerability means an increasing structural dysfunction of a society’s complex system (social-cultural order) and/or the techno-natural system (nuclear power plants, climate, water systems, atmosphere) that under the influence of *external* activities of people (that may seem ‘inconsequential’) can reveal its internal causality, its own ‘will’, a sort of reflexivity that is destructive for society. In real life, this phenomenon manifests itself in a potential threat of a catastrophe, sometimes on a global scale, or social fears about emerging uncertainties [16. P. 150]. A vulnerability presupposes the catastrophe’s uncertainty in time and space, as it may happen or not. It is impossible to determine spatial and temporal scale of the disaster for everything depends on lots of factors including the system’s ability/inability to bear external and internal burdens of emergent and turbulent nature. The majority of ‘new’ catastrophes manifest themselves in ‘liquid’ forms [1] as vulnerable complex systems with evident and latent consequences. These consequences are acute today and will be such in the future if the current pragmatic trend of social development persists.

‘New’ catastrophes are most evident in the vulnerabilities of complex social and techno-natural systems, whose functionality implies nonlinearity between possible (external and internal) causes of a potential catastrophe and its consequences. Ch. Perrow metaphorically named today’s vulnerabilities ‘normal accidents’, i.e. accidents and disasters caused not by ineffective management, but by everyday functioning of complex technical systems that periodically fail ‘normally’: serious incidents are inevitable even with the best management and full attention to safety [21]. In the book *The Next Catastrophe: Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*, he argues that vulnerabilities are becoming more complex: “concentrations of hazardous materials, populations, and economic power in our critical infrastructure make us more vulnerable to natural disasters, industrial/technological disasters, and terrorist attacks” [22. P. vi]. At the same time, Perrow stresses that there are potential catastrophes, not

accidents caused by human errors: “Normal Accident Theory (NAT) argued that if we had systems with catastrophic potential that might fail because of their sheer complexity and tight coupling, even if everyone played as safe as is humanly possible, these systems should be abandoned” [22. P. xxii]. Perrow is concerned with the population growth in ecologically and technologically dangerous areas, where the industrial extraction of natural resources is combined with the development of agriculture, fisheries, social and cultural infrastructure. A significant part of the population lives in houses that do not meet the standards for hazardous areas. People do not have an opportunity to evacuate in case of a disaster and often do not have information about potential catastrophes.

Perrow insists on minimizing the threats and consequences of vulnerabilities by developing new approaches to the management of emerging complex systems, such as dispersal of power and population in the areas of ‘normal accidents’, coordination and co-operation of intelligence services to deal with security issues and to prevent terrorist threats by closing “all the holes in our open society” [22. P. 127]. However, it is impossible to eliminate all ‘normal accidents’ for they are attributes of complex social-technical systems: “We are not safe. Nor can we ever be fully safe, for nature, organizations, and terrorists promise that we will have disasters evermore. Let us minimize their consequences by minimizing the size of our vulnerable targets” [22. P. 325]. It is not a ‘bright’ future, but obviously there are no simple solutions to complex problems; the main challenge of ‘normal accidents’ is not in the catastrophes they are, but in their liquid nature which ‘liquid fears’ [3].

The liquidity of ‘new’ catastrophes is obvious in climate and atmosphere vulnerabilities, such as global warming, periods of abnormal heat, sharp frosts, and the so-called ‘extreme weather events’ (floods, droughts, storms, tropical cyclones, tornadoes, devastating fires, strong snowfalls). A good example is hurricane Katrina, which struck New Orleans and other US coastal settlements in 2005, when the dams protecting the city (70% of them were below sea level) were destroyed. But it was not a ‘traditional’ flood: the water carried pesticides, oil, fertilizers and other pollutants. Thus, a group of scientists initiated the *Sociology of Katrina* as a “perspective on a modern catastrophe” [6]. In particular, they note that ‘new’ catastrophes lead not only to negative natural but also social consequences, i.e. to the emergence of a ‘damaged community’ with a loss of trust and social capital, with fragmented social groups and broken social relations, both personal and institutional [27. P. 405]. In addition, the ozone layer in the stratosphere is constantly changing, with its area decreasing/increasing under the temperature fluctuations. The greenhouse effect is associated with the ocean acidification caused by the ingress of carbon dioxide into the seawater from the atmosphere that determines chemical reactions, which leads to liquid degradation of corals and mollusks, as well as water pollution by algae.

The most obvious indicator of the vulnerability of the climate system is global warming. This phenomenon has long been a controversial issue for scientists and the public. In 2016, the World Meteorological Organization (WMO) confirmed this vulnerability: the warming continued with a new temperature record set at 1.1 °C compared to the pre-industrial period; the melting of ice caps at the poles leads to the global sea level rise (since the beginning of the XX century it rose by 20 cm) [30. P. 8]. Hence, the floods at coastal lands and deltas are inevitable. Ch. Perrow points out that water-

related disasters are the most persistent, they reproduce ‘normal accidents’: “great rivers and coasts have the most temperate climates, the fisheries, and the transportation... We keep the water away with human constructions, such as dams and dikes and levees, and when these fail there is a disaster. But it is unrealistic to expect to keep the people from water; salt or fresh, it is lifeblood for most of the people on the earth. But we can limit the concentrations and thus defend them better” [22. P. 15].

J. Urry proposed an interpretation of global warming as “a simplifying term since what may happen in different parts of the world may be very different, with possibly significant cooling occurring in some places. Indeed the problem of the term ‘warming’ stems from the sheer difficulty in predicting long-term future climates” [28. P. 23]. It seems that this is a sociological interpretation of the vulnerabilities of the climate system for it emphasizes turbulence, unpredictability of climate changed and possible unintended consequences of innovative human activities. Urry also notes the interdependence of climate changed and the future of humankind, and calls to the study of complex causes of vulnerabilities in the climate system that “make ‘climate’ the key category of the twenty-first century” [28. P. 24].

‘New’ catastrophes have also emerged in the food system. Therefore, it is important to control the nutrition determined by global agribusiness, whose functionality is predisposed to ‘normal accidents’ in the form of an increasing production of genetically modified products. To minimize the potential catastrophes we should reject the obsolete dogma: more food — the better. The main thing is quality of nutrition: it should ensure physical and spiritual health and empower people with energy to overcome the emerging vulnerabilities [35. P. 249]. In the XX century, the distribution of traditional food began to change rapidly. For instance, in China, where most families did not eat meat and milk for centuries, meat and dairy products are becoming common. In the country with billions of people, this trend means significant changes in the food market and certain deterioration of the environment for cattle breeding has the most indubitable effect on greenhouse gas emissions (cows are the main source of methane).

Vulnerabilities of food are pre-conditioned and determine ‘new’ catastrophes in the planet’s key resources — soil and water [25]. The ‘dead land’ is soil saturated with chemicals, the water becomes ‘dead’ due to the lack of oxygen determined by a variety of contaminants. The possibilities of biosphere to renew land and water are huge, but they are shrinking due to the “collateral damage” of the extensive innovative activities that Z. Bauman calls “existential insecurity, those ubiquitous accompaniments of life in the ‘liquid modern’ world” [2. P. 62]. The growing need for land accompanied by the extermination of flora and fauna to develop plantations and mineral deposits ‘allows’ to consider fertile lands as spaces that should be used for the man’s benefits. In the same way, water is also ‘dying’ — rapidly and a liquid manner. The evidences of ‘dead water’ can be found on an area exceeding 245,000 km² (the area larger than the UK). Water resources become vulnerable due to hypoxia, i.e. the lack of oxygen necessary to sustain life, slowing down the cycle necessary to renew water and enrich it with oxygen. About two thirds of the world population (about 4 billion) already suffer from a serious shortage of clean water at least a month a year, half of them live in India and China [20]. Only 0.007% of global water supplies are suitable for agriculture and human life though about 70% of the Earth is covered with water [10]. Water is a serious geo-

political resource, ‘white oil’ or ‘blue gold’, and the security of many countries depends on external water resources, the import of water or the division of common river basins [14. P. 132—135].

The ‘collateral damage’ plays a key role in producing ‘new’ water disasters. People discharge industrial waste into water resources, ‘kill’ water with plastic in the world ocean. S. Sassen mentions massive oceanic cycles that became the meeting place for most of the waste in the ocean. All kinds of fluid pollution of soil and water are also associated with a garbage culture — “a form of culture of the universal risk society” [31. P. 217], in which the production of waste or garbage becomes a predominant form of production — informational and technical. There are discourses on vulnerable existential security that “systematically form the objects about which they speak” [8. P. 112]. As a result, a controlled disposal of garbage does not keep up with the dumps growing near megacities.

FUTURE THROUGH NON-LINEAR KNOWLEDGE

In Western culture, scientific rationality introduced the principles of formal rationality and pragmatism, which stimulated active and uncontrolled use of the planet’s resources for the sake of ‘universal prosperity’, primarily to satisfy the ever-increasing material needs of the people. These principles were based on the linear knowledge according to which the consumption growth determines its capabilities and trends for the future. However, by the 1970s the issue of sufficiency of resources, especially under the population growth, arose together with the ideas of ‘new’ catastrophes introduced by *The Club of Rome*, an international organization established to study global problems and their consequences for the future. After the report *Limits to Growth*, there were studies to give recommendations on how to overcome or at least to minimize the unintended negative consequences of social development [19].

At the beginning of the XXI century, it became clear that the consumer future as ‘full of wealth’ was an utopia, and that we need a fundamentally different knowledge, primarily because society and nature had already formed a unique and complex social-natural reality, and the linear idea ‘to take more from nature — to produce more — to increase consumption — to improve living’ had lost its functionality. J. Urry was among the first to lay the foundations for non-linear knowledge about the future by proposing “complexity and resource turns”. The new social-natural reality has brought new vulnerabilities, uncertainties and turbulence, which, however, does not involve general disorder: “Complexity authorizes ‘scientific’ accounts of unpredictable but nevertheless strangely ordered... For example, turbulent flows of water and air, which appear chaotic, are highly organized” [29. P. 19, 21]. In the new reality, there are non-linear correlations between the past, present and future: “Minor changes in the past are able to produce potentially massive effects in the present or future. Such small events are not ‘forgotten’. To express this point rather simply, there is no consistent relationship between the cause and the effect of some event. Rather, relationships between variables can be non-linear with abrupt switches occurring, so the same ‘cause’ can in specific circumstances produce quite different kinds of effect” [29. P. 23]. This implies that in the complex social-natural reality it is necessary to take into account the potential of even ‘insignificant factors’ to develop non-linear knowledge about ‘new’ catastrophes and their impact on the future.

Urry writes: “I embed society, and hence sociology, as a subject within the analyses of climate change, and more generally within a world of objects, technologies, machines and environments. A strong claim is made here that the social and the physical/material worlds are utterly intertwined and the dichotomy between the two is an ideological construct to be overcome”. It appears that a paradigm of knowledge is required in the form of “a post-carbon sociology and, much more importantly, a post-carbon society” [28. P. 8, 16]. This knowledge cannot prevent ‘new’ catastrophes, but it can lay foundations to study their nature and minimize their negative consequences. Urry realistically predicts that his ideas of a resource turn and post-carbon future will entail scientific and political conflicts with “very significant causes”: “carbon military-industrial complexes in many major industrial economies, especially the US” were formed; “there is no single ‘science’ of climate change... this fragmentation of science slowed down understanding of how climates worldwide could in fact be changing”; thus, he suggests “inter-connection of sociology with the various physical and environmental sciences” [28. P. 22, 23]. We also believe in a new interdisciplinary science that will combine efforts of scientists in search of ways to neutralize negative effects of ‘new’ catastrophes [17].

Urry mentioned that unlike previous catastrophes that did not actually affect the future, ‘new’ catastrophes assume non-linear development in space and time, which is expressed in gaps of continuity, interdependent multiple disasters in climate, food, water and energy systems. At the same time, “when change happens, it may not be gradual but occur dramatically, at a moment, in a kind of rush” [28. P. 42]. This involves taking into account both specifics and interdependence of ‘new’ catastrophes in different spheres of life to understand the fragility of the chosen strategy for the future.

We should emphasize that the resource turn focuses on social and natural consequences of ‘new’ catastrophes and is crucial for developing non-linear knowledge about complexity of social vulnerabilities. In particular, they can be caused by environmental inequalities associated with changes in the status of nature as acquiring societal character (it becomes man-made). Such processes divide people into those who live in environmentally friendly settings, and those who are forced to live in the health vulnerable environment [13]. Most such places previously were suitable for people, but changed ecologically under the influence of “collateral damage”. M. Foucault considers modern enclaves “places without a place, that exist by themselves, that are closed in on themselves” [9. P. 26]. Such a “place without a place” becomes one of the ‘new’ catastrophes. Thus, without a study of environmental inequalities it is impossible to develop a strategy for the possible and attractive future.

An important contribution to the non-linear knowledge theory was made by A. Giddens: he believed that the pending hazards for the future did not arise suddenly or spontaneously, as it may seem at first sight, but were a result of pragmatic, mercantile activities of people who exploited nature for a considerable period of time without taking into account its environmental sensitivity. He provides an interpretation of these man-made dangers as a “Giddens’s paradox”, according to which the “end of nature” has come — the material world is no longer external for a man; the traditional division of natural and social environment lost its sense. When there was no single social-natural

reality, the natural challenges/dangers affected the normal course of life only in the present. Now the situation has radically changed, as the challenges come mainly from the people and take a form of pending hazards that non-linearly affect the future of the social-natural reality as a whole. However, linear thinking and linear knowledge survived, which leads to the distorted perception of contemporary challenges: “people find it hard to give the same level of reality to the future as they do to the present” [11. P. 2]. It concerns both everyday and global environmental problems: economic and political elites are well aware of possible negative consequences of their policy regarding nature, but mercantile considerations stop them from changing their usual behavioral patterns. The outdated linear knowledge is dangerous for the future as it latently produces climatic changes that are possibly irreversible.

According to U. Beck, non-linear knowledge includes scientific non-knowledge. For instance, during the Chernobyl disaster, “the nuclear explosion was accompanied by an explosion of non-knowledge... What used to count as knowing is becoming non-knowing, and non-knowing is acquiring the status of knowledge” [5. P. 116]. Such explosions of non-knowledge occur more or less regularly not only in natural or technical, but also in social sciences: previously ‘universal’ knowledge in the form of a ‘true’ paradigm is “becoming obsolete”. However, scientific non-knowledge is not an ignorance, it is acceptance of the fact that we do not know much about the complex social-natural reality and ‘new’ catastrophes. O.N. Yanitsky notes that we live in the social-bio-technosphere with unclear laws [32]. Today’s scientists have to be creative innovators to choose data and to consider non-knowledge — all sorts of unusual situations within complex systems, taking into account that real life is even more complex, and there are even hypothetically non-predictable situations.

Beck develops the ideas of scientific non-knowledge in *Metamorphosis of the Modern World*. He believes in possible transition to another path of development of human civilization and to another future. This possibility is still unclear, but can be summarized as follows: in today’s world, there are more and more non-linear transformations in the form of metamorphosis that cannot be conceptualized in terms of change, evolution, revolution, etc., previously used in social sciences. Metamorphoses radically destabilize the social-natural reality and cause shocks that undermine the anthropological constants of our existence and understanding of the world and its future: what yesterday was unthinkable is a reality today and an opportunity in the future. For instance, climate change is an agent of the metamorphosis: “rising sea levels are creating new landscapes of inequality — drawing new world maps whose key lines are not traditional boundaries between nation-states but elevations above sea level. It creates an entirely different way of conceptualizing the world and our chances of survival within it... ‘What world are we actually living in?’ My answer is: in the metamorphosis of the world” [4. P. 14—15].

Beck emphasizes the non-linearity of knowledge even in relation to his own theorizing: “The theory of metamorphosis goes beyond theory of world risk society: it is not about the negative side effects of goods, but about the positive side effects of bads” [4. P. 15]. At the same time, Beck introduces the idea of ‘emancipating catastrophism’, which takes into account “positive side effects of global risks”, and criticizes the pessi-

mism of traditional approach to disasters. “We all know that the caterpillar will be metamorphosed into a butterfly. But does the caterpillar know that? That is the question we must put to the preachers of catastrophe. They are like caterpillars, cocooned in the worldview of their caterpillar existence, oblivious to their impending metamorphosis. They are incapable of distinguishing between decay and becoming something different. They see the destruction of the world and their values, whereas it is not the world that is perishing, but their image of the world. The world is not perishing, as the preachers of catastrophe believe, and the rescue of the world, as invoked by the optimistic advocates of progress, is not imminent either. Rather, the world is undergoing a surprising, but understandable, metamorphosis through the transformation of the reference horizon and the coordinates of the action” [4. P. 26]. Finally, Beck describes the future of mankind in the ‘metamorphic’ world: “It would be no less misguided to equate the metamorphosis of the world with a change for the better. Metamorphosis of the world says nothing about whether a given transformation is for the better or the worse. As a concept, it expresses neither optimism nor pessimism about the course of history. It does not describe the decline of the West, nor does it suggest that all will be for the best. It leaves everything open and points us towards the significance of political decisions” [4. P. 29].

What are these important scientific and political decisions about the future? We believe that synthesis of natural, social and humanitarian knowledge would result in a humanistic turn in the form of a humanistic paradigm for the analysis of new complex social, technical and natural realities [15]. The representatives of the Enlightenment, in contrast to religious humanism as ‘imperfect’ and ‘outdated’, introduced secular humanism asserting the self-worth of worldly existence and the dominant role of reasoning and rationality. They claimed the need to overcome all forms of ‘unfreedom’ for an individual was ‘the yardstick of all things’ whose omnipotence of intelligence should produce goodness and morality. Rational and pragmatic principles of the humanism of the Enlightenment (largely preserved so far!) latently set the grounds for anthropocentrism and ‘new’ catastrophes. Anthropocene in the broadest sense is not only the influence of man on nature, but also an inevitable change in the environment of the man, which affects the conditions of human life. First, it reveals itself in the deterioration of the quality of life in cities in terms of environment. The so-called ‘end of nature’ or ‘post-natural era’ is embodied in anthropogenic violence caused not only by human activities, but also by the development of technologies [23]. ‘New’ catastrophes change the face of the planet liquidly destroying and undermining the established ecological and social balances. This process has developed since the beginning of the anthropocene, and now turns into an uncontrolled one. However, its consequences are not always extremely destructive for the process is ambivalent: disasters can teach, provide valuable experience to scientists, help to unite efforts of the society, make people think about the future of our planet. For example, the *Rio Declaration on Environment and Development* adopted at the United Nations conference in 1992, calls for the sustainable development through education and collective responsibility for the ecosystem of the planet [24].

We believe that it is time to rediscover humanism from the standpoint of principles adequate to the current social-natural realities and non-linear knowledge. The humanistic turn rejecting the ideas and practices of anthropocentrism claims the need to reconsider

problems of interaction and competition of humanistic systems. In some cases, there is a rapprochement, even intersection and interference of certain humanistic views and practices. However, there cannot be linear trends — only borrowing of minor principles. Thus, attempts to integrate Russian and Western humanistic systems in the form of “reunification with the civilized humanity” undertaken in the 1990s, cannot be considered successful: “it became clear that the West stands for not only a household comfort and a kind of pacified well-being, but also for a certain view of things, which in the light of the Russian experience often seems superficial, inadequate, insincere, and in recent years to a large extent absurd. The Russian society has disagreed with it on many key issues, primarily such as understanding freedom, the meaning of life, the essence and purpose of democracy, gender roles, multiculturalism, etc.” [12. P. 129—130]. Today the country is reviving its own humanistic system as a backbone basis of the Russian civilization. It can become a significant factor in managing ‘new’ catastrophes and shaping the strategy for the future. At the same time, both Russians and global community have to organize humane life forms reflecting the new complex social-natural realities.

REFERENCES

- [1] Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press; 2000.
- [2] Bauman Z. *Collateral Damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge; 2011.
- [3] Bauman Z. *Liquid Fear*. Cambridge; 2006.
- [4] Beck U. *The Metamorphosis of the World*. Cambridge; 2016.
- [5] Beck U. *World at Risk*. Cambridge; 2010.
- [6] Brunsma D.L., Overfelt D., Picou J.S. (eds). *The Sociology of Katrina. Perspectives on a Modern Catastrophe*. Lanham; 2010.
- [7] Castells M. *The Rise of the Network Society*. Oxford; 2010.
- [8] Foucault M. *Arheologija znanija* [The Archaeology of Knowledge]. Saint Petersburg, 2004 (In Russ.).
- [9] Foucault M. Of other spaces. *Diacritics*. 1986; 16 (1).
- [10] Freshwater crisis. <http://www.nationalgeographic.com/freshwater/freshwater-crisis.html>.
- [11] Giddens A. *The Politics of Climate Change*. Cambridge; 2009.
- [12] Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (ed.). *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and Challenges of the Time]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [13] Hannigan J. *Environmental Sociology*. London and New York; 2014.
- [14] Hoekstra A.J., Chapagain A.K. *Globalization of Water: Sharing the Planet's Freshwater Resources*. Oxford; 2008.
- [15] Kravchenko S.A. Vostrebovannost' gumanisticheskogo povorota v sociologii [The need for the humanistic turn in sociology]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2013; 1 (In Russ.).
- [16] Kravchenko S.A. *Sociologija riska i bezopasnosti* [Sociology of Risks and Safety]. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [17] Kravchenko S.A., Salygin V.I. Novyj sintez nauchnogo znanija: stanovlenie mezhdisciplinarnoj nauki [A new synthesis of scientific knowledge: The development of interdisciplinary science]. *Sociologicheskie issledovanija*. 2015; 10 (In Russ.).
- [18] Marriner N., Morhange Ch., Skrimshire S. Geoscience meets the four horsemen? Tracking the rise of neocatastrophism. *Global and Planetary Change*. 2010; 74 (1).
- [19] Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J. *Beyond the Limits*. Chelsea Green; 1992.
- [20] Mekonnen M., Hoekstra A.Y. Four billion people facing severe water scarcity. *Science Advances*. 2016; 2 (2).

- [21] Perrow Ch. *Normal Accidents: Living with High Risk Technologies*. New Brunswick; 1999.
- [22] Perrow Ch. *The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton University Press; 2011.
- [23] Preston Ch.J. Framing an ethics of climate management for the Anthropocene. *Climatic Change*. 2015; 130 (3).
- [24] Report of the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, 3—14 June 1992. New York; 1993.
- [25] Sassen S. *Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy*. Cambridge; 2014.
- [26] Sorokin P.A. *Man and Society in Calamity: the Effects of War, Revolution, Famine, Pestilence upon Human Mind, Behavior, Social Organization and Cultural Life*. New Brunswick; 2010.
- [27] Thomas D.S.K., Phillips B.D., Lovekamp W.E., Fothergill A. (eds.) *Social Vulnerability to Disasters*. Boca Raton; 2013.
- [28] Urry J. *Climate Change and Society*. Malden; 2011.
- [29] Urry J. *Global Complexity*. Cambridge; 2003.
- [30] World Meteorological Organization Statement on the State of the Global Climate in 2016. http://library.wmo.int/opac/doc_num.php?explnum_id=3414.
- [31] Yanitsky O.N. *Ekologicheskie katastrofy: strukturno-funkcionalnyj analiz* [Ecological disasters: Structural and functional analysis], <http://www.isras.ru/publ.html?id=2794> (In Russ.).
- [32] Yanitsky O.N. Sociobiotechnicheskie sistemy: novyj vzgljad na vzaimodejstvie cheloveka i prirody [Sociobiotechnical systems: A new interpretation of the interaction of man and nature]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2016; 3 (In Russ.).
- [33] Yanitsky O.N. Sociology of critical areas. *Open Journal of Social Science Research*. 2014; 2 (3).
- [34] Zarubina N.N., Kravchenko S.A. (eds.) *Sociologija pitanija: tradicii i transformacii* [Sociology of Food Consumption: Traditions and Transformations]. Moscow; 2017 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-449-459

«НОВЫЙ КАТАСТРОФИЗМ» И БУДУЩЕЕ: ВОСТРЕБОВАННОСТЬ НЕЛИНЕЙНОГО ЗНАНИЯ*

С.А. Кравченко, А.Е. Перова

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия
(e-mail: sociol7@yandex.ru, aeperova@yandex.ru)

В статье рассматривается характерный для современности феномен — так называемые «новые» катастрофы, суть которых авторы видят в специфике нынешних уязвимостей, трактуемых как нарастание структурной дисфункциональности сложной общественной модели и/или техноприродной системы. В статье показано, что данная дисфункциональность обусловлена как внешней деятельностью человека, так и внутренней рефлексивностью самой системы, а потому зависит от множества факторов, включая потенциальную способность системы выдерживать внешние и внутренние нагрузки эмерджентного и турбулентного толка, что и детерминирует неопределенность

* © Кравченко С.А., Перова А.Е., 2017.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, грант № 16-18-10411.

нынешних катастроф. Авторы утверждают, что большинство «новых» катастроф проявляется в «текучих» формах, что ведет к возрастанию уровня неопределенности во всех сферах человеческой жизнедеятельности, при этом существенно сокращаются и возможности использования современного научного знания для управления и контроля сложных уязвимостей. Тем не менее, многие научные новации последних десятилетий нацелены на изучение становящихся сложными социально-природных реалий, нахождение путей минимизации уязвимостей, что авторы подтверждают примерами новейших социологических подходов к анализу климатических турбулентностей, роста масштабов регионов с так называемой «мертвой землей» и «мертвой водой», а также «нормальных катастроф». Сила этих новых подходов — в интеграции достижений социальных и естественных наук, в стремлении ученых на междисциплинарной основе разработать принципы нелинейного знания. Однако у них есть и ограничения, и главная их слабость — в чрезмерной фокусировке на принципах формализма и прагматизма, в умалении возможностей гуманитарного знания. В связи с этим авторы выступают за гуманистический поворот, предполагающий синтез естественнонаучного, социального и гуманитарного знания, который позволит преодолеть доминирующую идеологию антропоцентризма и дать новый импульс развитию гуманизма, столь необходимый для минимизации эффектов «новых» катастроф и выработки гуманистической стратегии будущего.

Ключевые слова: «новый катастрофизм»; уязвимость; «текучесть» катастроф; «нормальная» катастрофа; климатические опасности; будущее; нелинейное знание; научное «незнание»; антропоцентризм

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-460-467

НЕУСВОЕННЫЕ УРОКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ*

А.Н. Данилов

Белорусский государственный университет
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Республика Беларусь
(e-mail: a.danilov@tut.by)

В статье рассматривается сложная геополитическая ситуация, сложившаяся в глобальном мире на исходе второго десятилетия XXI века, связанная с последствиями распада Советского Союза и формированием нового мирового порядка. Кто сегодня определит его содержание, по чьим лекалам он будет строиться, что станет основой новых геополитических реалий, базой нравственной солидарности человечества, духовной основой будущей цивилизации? Новые вызовы рождают отчаянную борьбу за свой вариант построения счастливой жизни на Земле. К тому же не ясно, какой идеал будущего мира поддерживается и берется за ориентир развития. Признание за эталон модели развития и образа жизни сильнейшего становится реальной угрозой новой цивилизации, сдачей суверенными государствами своих национальных интересов, потерей самостоятельного будущего. В настоящее время идет активный поиск новых теорий, концепций, которые могли бы адекватно объяснить современные мировые процессы. В данном тематическом контексте автор среди прочего формулирует основные уроки, не усвоенные мировой властной элитой. Первый урок: новые государства рождаются не на пустом месте, а их совместное недавнее прошлое является большим преимуществом, открывая, в частности, перспективы для дальнейшего развития форм межгосударственной кооперации. Второй урок: повсеместно получают распространение фальсификации истории, негативным образом влияющие на национальную, культурную и социально-групповую идентичность в трансформирующихся обществах. Третий урок: с распадом СССР оказалось разрушено послевоенное равновесие сил, уничтожена сложившаяся система сдержек и противовесов в мировой политике, какую представляла собой биполярная модель мира. Четвертый урок: в периоды радикальной социальной трансформации наблюдается девальвация корпуса нравственных ценностей населения, оборачивающаяся многочисленными кризисными последствиями.

Ключевые слова: революция; новый мировой порядок; уроки распада СССР; постсоветский мир; системная трансформация; ценности; цивилизация; неусвоенные уроки перемен

Сегодня можно много спорить о том, был ли крах Советского Союза и всей социалистической системы злым умыслом или естественным процессом, революцией или эволюцией... и как лучше называть начавшиеся после события: переходным обществом, обществом травмы, транзитом или системной трансформацией. По своим последствиям — это, безусловно, революция. Однако общество не может постоянно находиться в состоянии трансформации или травмы, рано или поздно выстраивается новая реальность. Осмысление этого очень важного для истории этапа затягивается, и на протяжении четверти века говорить только о переходности состояния, не замечать серьезного влияния этого события на весь ход мировой истории, не пытаться разобраться, куда и по каким правилам движется мир, представляется неправильным.

* © Данилов А.Н., 2017.

Основной результат распада Красной империи, одной из двух сверхдержав на планете, ведет к формированию нового мирового порядка. Но кто определит его содержание, по чьим лекалам он будет строиться, что станет основой новых геополитических реалий, базой нравственной солидарности человечества, духовной основой будущей цивилизации? Вот что сегодня, на мой взгляд, выходит на передний план социологического анализа. Новые вызовы рождают отчаянную борьбу за свой вариант объяснения счастливой жизни, и поражение в «холодной» войне вчера еще ни о чем не говорит сегодня. Мир теряет стабильность, устойчивость своего развития, недавние образцы для подражания буквально на глазах теряют былую привлекательность. Так получается, что в каждой стране накопилось большое количество нерешенных проблем, и нет сегодня тех идеалов, к которым хотели бы стремиться другие. «Сам идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития, когда приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традицию, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно ее трансформируют» [3].

Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через раскрытие сложной развивающейся ценностной системы, где неизбежным компонентом выступает ценностный конфликт. Причем изменение менталитета напрямую связано с процессом социализации в новых условиях. Современное развитие показывает, что трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание и социализация, которые были приобретены в течение долгой жизни, не могут подвергнуться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и могут в процессе приспособления к новым требованиям вызывать кризис человека и системы. В частности, М.К. Горшков отмечает: «За годы реформ наши сограждане настолько погрузились в свои проблемы, а государство (в первое десятилетие кардинальных преобразований) настолько самоустранилось из сферы целеполагания развития нации, что россияне постепенно стали утрачивать характерную для них в прежние исторические периоды энергетику „большой цели“. А ведь она позволяла им неоднократно совершать, казалось бы, невозможное — достаточно вспомнить индустриализацию страны, восстановление ее экономики после Великой Отечественной войны, прорыв в космос и многое другое, чем до сих пор справедливо гордятся россияне» [1. С. 259—260]... «на смену „большой цели“ и высоким идеалам еще в советские времена, точнее — в их последние десятилетия, пришла идея, которая никогда не провозглашалась официально „идеологией большинства“, но фактически именно такой и стала — это идея частной жизни» [1. С. 260—261]... «хотя жизнь россиян за последнее десятилетие в материальном плане улучшилась, их представления об устройстве общества, когда от усилий самого человека мало что зависит, а главную роль играет наличие у него нужных связей и везение, не изменились в лучшую сторону. Можно даже говорить о нарастании разрыва между собственными усилиями людей и материальными результатами этих усилий, по крайней мере, в массовом восприятии населения. Вот почему немало рос-

сиян настроены достаточно скептически по части своих возможностей реализации жизненной мечты в обществе, в котором они живут, считая его несправедливым и „неправильным“» [1. С. 280].

Корень многих современных трудностей видится в возведении в некий культ фундаментальных принципов организации современной рыночной экономики, которая напрямую сориентирована исключительно на постоянный рост потребления. В общественном мнении отношение к богатству резко колеблется от его полного неприятия и осуждения до возведения в культ. Найти здесь золотую середину — насущная задача для устойчивого функционирования общества будущего. Более четверти века функционирования постсоветского мира показывают, что новые страны по-разному ведут себя в выборе новых приоритетов, и чем дальше — тем больше их пути расходятся. В наступившем вселенском хаосе приоритет чаще отдается на откуп исключительно выгоде — никакой идеологии, исторического и духовного родства, общности ценностей или традиций. Главенствует прагматизм, экономический и военный потенциал, т.е. сила в современной геополитической игре. В таких условиях если и возникают новые интеграционные образования, то по большей части в интересах защиты своего суверенитета, национального и культурного своеобразия. Хотя капитуляция перед сильным — реальная угроза утраты национальной идентичности, формирование искаженной, фальсифицированной матрицы ценностей, потеря самостоятельного будущего.

В ситуации поиска будущего очень многое зависит от ответственности политиков и ученых-гуманитариев. Когда в мире неспокойно от глобальной нестабильности и несправедливости, то в чем-то оправдано, что наши социальные и гуманитарные науки начинают испытывать все большую методологическую недостаточность в осмыслении современности и научного обоснования действительности, — хотя бы на ближайшую перспективу. Много вреда нанесли и продолжают наносить политическое невежество, имитация деятельности, сопровождавшие распад бывшего Союза. Сейчас налицо симптомы глубокого мировоззренческого кризиса, что проявляется в недоверии, растерянности, парадоксальности проявления человеческого сознания. Поэтому распад Советского Союза — не вопрос истории, а актуальность сегодняшнего дня.

Исторически так сложилось, что и в советский и постсоветский периоды уже в суверенных государствах значение теории для адекватного понимания и объяснения современности явно недооценивалось. Остаются непрочитанными по сути фундаментальные труды российских ученых по проблемам системной трансформации постсоветского мира (В.Н. Кудрявцев, Т.И. Заславская, В.А. Ядов, Ж.Т. Тощенко, М.К. Горшков, В.К. Левашов, С.Г. Кирдина и др.). Хотя в ситуации, когда западные теории оказались бесплодными в объяснении и предвидении развития событий на постсоветском пространстве, следовало бы больше внимания уделять разработкам отечественных ученых. Без новых теоретических идей становится все труднее интерпретировать новый опыт государственного строительства, данные прикладных исследований, адекватно воспринимать и оценивать чужие идеи.

До сих пор социально-гуманитарные науки не могут выбраться из методологического тупика, в котором они оказались на рубеже XX—XXI вв. Практически в настоящее время невозможно назвать ни одной теории, которой бы отдавался приоритет учеными, занимающимися проблемами перехода к новым стратегиям цивилизационного развития. Ощущается отсутствие единого, общепринятого социологическим сообществом методологического подхода к определению современной эпохи. Происходит зачастую ничем не оправданное расширение предметной области социологии, размываются четкие границы социологической науки, возникает большое число новых парадигм, изначально сконструированных в отрыве от действительности, хотя и предназначенных для понимания и прогнозирования процессов системной трансформации современного социума. Не используются в должной мере возможности междисциплинарного социологического знания, что нередко снижает возможности новых теоретико-методологических обобщений, обедняет полученные результаты для познания действительности, лишь дублирует общеизвестное. Оказалось довольно сложной проблемой перенесение на постсоветскую почву и переосмысление целого ряда теорий модернизации, которые в начале XXI в. получили развитие на постсоветском пространстве.

Рассматривая актуальные проблемы развития социологии в контексте необходимости общепринятого социологическим сообществом методологического подхода к определению современной эпохи, следует отметить набирающий силу процесс смены парадигм как закономерности развития науки и новые повороты в развитии социологии. Возможно, социология «вновь подходит к очередной точке бифуркации, новой эпистемологической реконструкции ее концептов и средств научного познания, соответствующей нынешнему состоянию науки и культуры, определенному типу рациональности. В любом случае нормы и идеалы научного познания в социологии развиваются в тесной связи с общим развитием науки на конкретном этапе исторического развития общества» [4. С. 50—51].

В этом отношении нельзя сбрасывать со счетов парадигмы социологии, получившие широкое распространение в эпоху глобализации и позволяющие отчасти диагностировать современность: общество риска (Э. Тоффлер, Э. Гидденс, У. Бек, С. Лэш и др.), постмодерн как текучая современность (З. Бауман), макдональдизация общества (Дж. Ритцер), мир-системная парадигма (И. Валлерстайн). Не теряют своей актуальности для построения научно обоснованных прогнозов идеи диагноза времени Ю. Хабермаса, реальности симулякров Ж. Бодрийяра, столкновения цивилизаций С. Хантингтона и др.

Как уже отмечалось выше, внедрение «западной модели» модернизации не привело постсоветские страны к ожидаемому процветанию. Новым суверенным странам пришлось каждой в отдельности пройти свой путь осознания случившегося, испытать на собственном опыте все трудности системной трансформации. В настоящее время идет активный поиск макроэкономических концепций, которые могли бы иначе объяснить мировые процессы. Тем не менее, зарубежные концепции могут десятилетиями иметь хождение в социологии, пока их полная оторванность от нашего контекста или появление более адекватных западных концеп-

ций не изменит ситуацию. Неверие в собственные возможности, созидательный потенциал отечественной науки еще далеко не преодолено.

Что же реально несли перемены? Не были ли переоценены их последствия? Или, напротив, они открывали простор для цивилизационного развития? Как правило, процесс трансформации продолжается до утверждения неких новых основ, которые закрепляются конституционным актом суверенной страны, а далее уже начинается формирование, становление и укоренение новой государственности. Этот процесс может протекать молниеносно, быть быстрым, а может быть и достаточно продолжительным. Он может носить мирный характер, а может сопровождаться вооруженными стычками, протестами, вплоть до гражданского неповиновения, войн и непримиримого сопротивления. Сам процесс трансформации не может быть бесконечным. Все за ним последующее — уже будет называться совсем по-другому. Проблема определения момента завершения очередного этапа системной трансформации остается до сих пор не проясненной «из-за ее многокритериальности» [6. С. 76]. Мне представляется оправданным считать трансформационный этап развития завершенным, когда достигнута основная цель и решены задачи, которые выдвигались инициаторами перемен и нашли свое закрепление в конституционном акте страны, стали основой внутренней и внешней политики суверенного государства.

Какие же уроки, на мой взгляд, оказались неувоенными современной властной элитой новых независимых государств и так ли уж обязательно вновь и вновь наступать на одни и те же грабли, чтобы не повторять ошибок недавнего прошлого? *Во-первых*, надо понимать, что новые государства рождаются не на пустом месте, и совместная недавняя судьба — это большое преимущество. И не надо так легко от него отказываться. Укоренение государственности, осознание собственного суверенитета населением, выстраивание национальной идентичности — время больших испытаний, связанных с предвкушением новой ответственности, стремлением утвердить свое национальное родство, пройти тест на идентичность, ощутить отличие от недавнего прошлого. И соблазнов здесь очень много, чтобы не впасть в крайность национализма, фальсификации истории, в предъявление взаимных претензий к некогда единой исторической судьбе, соседям, переоценку недавних общих достижений, побед и поражений, дележку мудрецов, гениев и народных героев. Поэтому «...предметом практически всех исследований в современной социологии было, есть и, уверен, будет изучение состояния и тенденций изменения жизненного мира, воплощенного в реально функционирующем общественном сознании, в реальном деятельностном поведении в условиях определенной социальной среды» [5. С. 8].

У новых государств должна быть объединяющая большинство населения консолидирующая цель в виде идеи, теории, смысла, нравственного примера. И обязательно — практика целеустремленной группы людей, их заразительный пример, подвижнический, в чем-то счастливый своей жертвенностью образ жизни, традиции, которые передаются из поколения в поколение, и счастье в повседневном бытии. Распад же начинается с сомнения, неверия, переходящего в нигилизм, борь-

бы за национальную исключительность. Революции чаще начинаются с внутренних противоречий. Сегодня можно спорить — насколько неотложными были в конце 1980-х гг. столь кардинальные перемены всего и вся... Сейчас мы видим, что были слепцами, что поверили обещаниям, которые так и остались обещаниями, а жизнь, увы, — для подавляющего большинства людей лучше не стала. Собственно, как оказалось, созидать никто и не собирался. К власти пришли популисты, без внятной стратегии развития, программы модернизации... более того — которые только, что и могли, так это — клеймить, разоблачать и грабить. И оказалось всего этого вполне достаточно, чтобы добиться своего.

Во-вторых, страшен народ, потерявший память. Фальсификация прошлого обрекает его на новые трагедии, бессмысленные сражения и никому не нужные жертвы. За подобным беспамятством чаще всего стоят преступные действия конкретных людей, чинивших государственные перевороты, сеющих зло, раздор, ненависть, насилие и смерть невинных жертв. Сегодня — это действия по десоветизации, сносу памятников советским воинам — победителям Второй мировой войны, фальсификация совместной истории. На их фоне в начале XXI в. существенно изменились формы и методы внешнего влияния на государства, не принимающие современного варварства. Нынешние революции стали более изощренными и разнообразными: на смену вооруженному экспорту революции и грубому давлению пришла «мягкая сила» — влияние через культуру, ценности, образ жизни и т.д. Появились социальные сети, разного рода общественные, просветительские и благотворительные фонды и объединения, в т.ч. живущие на иностранные гранты. Как долго можно радужными и заманчивыми лозунгами обманывать своих граждан, время покажет. Но почему-то ... все получается. Если же не срабатывают механизмы цветных революций, осуществляется открытая агрессия сильнейшего, с согласия или даже без согласия Совета безопасности ООН (как это было в Югославии, Иране, Афганистане, Ливии). В последнее время усиливаются нападки на легальные международные организации, обвинения их в малой эффективности. Следует максимально содействовать работе этих организаций, но становиться в позицию критиканства — последнее дело, и совершенно неперспективное. Только вместе с международными организациями, и прежде всего — ООН, признавая правоту народа, поддержав живущее в нем стремление к справедливости, можно не только уберечь страну от потрясений, но и сделать новые шаги вперед в своем развитии.

В-третьих, с распадом СССР оказалось разрушено послевоенное равновесие сил, уничтожена сложившаяся система сдержек и противовесов в мировой политике, какую представляла собой биполярная модель мира. Мир постепенно стал скатываться в хаос, а основным регулятором, мировым судьей в глобальном масштабе вновь становится военная сила. Тем самым были созданы идеальные условия для возникновения крупных международных террористических организаций. Сегодня терроризм — главный вызов XXI в., — воспользовавшись хаосом, возникшим с распадом Красной империи, пустил глубокие корни по всему миру и за относительно небольшой отрезок времени создал разветвленную сеть своих

структур. Эти мировые террористические и экстремистские организации, идеология которых строится на религиозном и националистическом фанатизме, пытаются возродить средневековые нормы и ценности, создать свое отдельное государство. И никакой «управляемый хаос» здесь не поможет. Получилось очень сильное и разрушительное оружие со своим жизненным миром, людьми, не желающими жить по законам человеческой цивилизации.

В-четвертых, духовное состояние общества после распада чаще всего находится на грани полного морального оскудения. Как точен великий русский писатель Леонид Леонов, записавший в своих дневниках: «Падение Рима. Пришлось срыть храмы, убить мудрых, осквернить память святых, растлить молодых — ради какой там крупницы впереди? Трудно было лишь сперва, пока не надломили хребет личного достоинства, — дальше все пошло гораздо легче» [2. С. 643—644]. «Крупница впереди» оказалась очередным блефом... скачком в пропасть. Страна, где преобладают люди, ничего не знающие о своей истории и литературе, не увлеченные величию собственной культуры, которые не в состоянии что-то отстаивать или защищать, — такая страна обречена прозябать на обочине цивилизации. Вывод прост, но трудно исполним в жизни: меньше личностных амбиций властей предержащих, не нужно бояться прослыть консерватором, необходимо иметь гражданское мужество, чтобы говорить правду о прошлом, настоящем и будущем.

Крушение Красной империи и последовавшая вслед за ним трансформация государств, образовавшихся на его обломках, — явление глобального исторического порядка, вызвавшее гигантские геополитические смещения, и новый облик мир обретет не скоро. В нынешнее, переломное для всей цивилизации время особенно важно взглянуть в глубинную суть процессов трансформации — от них зависит будущее мирового общества. Задуманные Западом как средство закрепления победы над распавшимся Советским Союзом трансформационные перемены должны органически вписаться в новый облик мира, каким он рисуется воображению и прогнозам главных «архитекторов» перемен. Но насколько этот новый, возникающий мир органичен? Насколько он жизнеспособен во всех своих частях и принесет ли те преимущества, надежда на которые побудила народы поверить новым претендентам на власть и влияние? На эти вопросы ответит новейшая история...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. Т. 1. М.: Новый хронограф, 2016.
- [2] Леонов Л.М. Из дневников. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М.: Терра, 2013.
- [3] Степин В.С. XXI век — радикальная трансформация типа цивилизационного развития. Доклад на XVII Лихачевских чтениях // http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2017/dokladi/StepinVS_plen_rus_izd.pdf.
- [4] Титаренко Л.Г. Современная западная социология: реконструкция парадигм. Минск: БГУ, 2015.
- [5] Тоценко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- [6] Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2006.

UNLEARNED LESSONS OF CONTEMPORARY HISTORY*

A.N. Danilov

Belarusian State University
Kalvarijskaja St., 9, Minsk, 220004, Republic of Belarus
(e-mail: a.danilov@tut.by)

Abstract. The article considers the complex geopolitical situation in the global world at the end of the second decade of the 21st century as determined by the consequences of the collapse of the Soviet Union and by the new world order. The author seeks to answer the questions who will define the current geopolitical situation, whose aims it will reflect, what will become the basis of new geopolitical realities, the basis of moral solidarity of humankind, and the spiritual basis of future civilizations. The new challenges give rise to a desperate struggle for different scenarios for building a happy life. Moreover, it is not clear which ideal of the future world will be widely supported as a development guideline. The recognition as such of the standard of living and development of the strongest ones becomes a real threat to the new civilization for it leads to the loss of national interests of sovereign states, and to the loss of an independent future. Today, there is an active search for new theories and concepts that will adequately explain contemporary global processes. In this thematic context, the author identifies main lessons not learned by the world political elites. The first lesson: new states are not born in an empty place, their common history is a great advantage ensuring prospects for the further development of interstate cooperation. The second lesson: the widespread falsification of history has a negative impact on national, cultural and social-group identity in transforming societies. The third lesson: after the collapse of the Soviet Union, the post-war balance of power was destroyed together with the system of checks and balances in world politics (a bipolar model of the world). The fourth lesson: under radical social transformations, the moral system of the population devaluates with numerous crisis consequences.

Key words: revolution; new world order; consequences of the collapse of the USSR; post-Soviet world; system transformation; values; civilization; unlearned lessons of change

REFERENCES

- [1] Gorshkov M.K. *Rossijskoe obshchestvo kak ono est (opyt sociologicheskoy diagnostiki)* [Russian Society as It is: A Sociological Diagnosis]. Vol. 2. No. 1. Moscow: Novyj hronograf; 2016 (In Russ.).
- [2] Leonov L.M. *Iz dnevnikov* [From the Diaries]. *Sobr. soch.* In 6 vols. Vol. 4. Moscow: Terra; 2013 (In Russ.).
- [3] Stjopin V.S. *XXI vek — radikalnaja transformacija tipa civilizacionnogo razvitija* [21st century — a radical transformation of the type of civilizational development]. *Doklad na XVII Likhachjovskih chtenijah*. http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2017/dokladi/StepinVS_plen_rus_izd.pdf (In Russ.).
- [4] Titarenko L.G. *Sovremennaja zapadnaja sociologija: rekonstrukcija paradigim* [Contemporary Western Sociology: A Reconstruction of Paradigms]. Minsk: BGU; 2015 (In Russ.).
- [5] Toshchenko Zh.T. *Sociologija zhizni* [Sociology of Life]. Moscow: Unity-Dana; 2016 (In Russ.).
- [6] Yadov V.A. *Sovremennaja teoreticheskaja sociologija kak konceptualnaja baza issledovanija rossijskih transformacij* [Contemporary Theoretical Sociology as a Conceptual Basis for the Study of Russian Transformations]. Saint Petersburg: Intersocis; 2006 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-468-480

**КОЛХОЗ В ИССЛЕДОВАНИЯХ А.Н. ЧЕЛИНЦЕВА
И Н.П. МАКАРОВА***А.М. Никулин¹, И.В. Троцук^{1,2}¹Центр аграрных исследований Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
*просп. Вернадского, 82, Москва, Россия, 119571*²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
(e-mail: nikulin@ranepa.ru; trotsuk_iv@pfur.ru)

В отечественной и зарубежной литературе часто встречается утверждение, что школа А.В. Чаянова не внесла существенного вклада в исследование колхозной экономики, а изучала мелкие семейные крестьянские хозяйства. В узком смысле к школе Чаянова, помимо него самого, принято относить шесть аграрников первой половины XX века: А.Н. Челинцева, Б.Д. Бруцкуса, Н.П. Макарова, А.Н. Минина, А.Н. Рыбникова и Г.А. Студенского; в широком смысле — множество экономистов и агрономов, следовавших традициям земской статистики даже в рамках научных, образовательных, агрономических и плановых учреждений Советской России. В частности, репрессированные, но выжившие в 1930-е годы коллеги Чаянова Александр Николаевич Челинцев (1874—1962) и Николай Павлович Макаров (1888—1980) в 1940-е годы смогли продолжить исследования сельского хозяйства: колхозный строй якобы победил окончательно и бесповоротно, но даже официальная наука признавала, что у колхозной экономики было много проблем. В 1950-е годы Челинцев и Макаров обращаются к экономике колхозов, ставших главным институциональным звеном советской аграрной системы. Челинцев сосредоточился на отстающих колхозах — в советской науке теме непопулярной и политически небезопасной. Рекомендации Челинцева не нашли своего воплощения в колхозной экономике 1950-х годов, но сегодня позволяют лучше понять некоторые системные характеристики слабого коллективного хозяйства. Макаров подытожил свои колхозные штудии на взлете косыгинских реформ в 1966 году, раскрыв значение колхозов для советского сельского хозяйства и рассмотрев альтернативные варианты развития колхозов через предоставление им большей самостоятельности и вовлечение в межхозяйственную кооперацию. Своими работами 1950-х и 1960-х годов Челинцев и Макаров обеспечили советской аграрной науке высочайший методологический уровень, характерный для социально-экономических исследований 1920-х годов, подтверждая тем самым, что и в экономический анализ колхозной системы, а не только крестьянских домохозяйств, школа Чаянова привнесла массу оригинальных идей.

Ключевые слова: колхоз; организационно-производственная школа; А.Н. Челинцев; Н.П. Макаров; слабые и сильные коллективные хозяйства; хрущевские аграрные реформы; косыгинская пятилетка; советская аграрная наука

В российской и зарубежной науке немало работ, авторы которых считают, что организационно-производственная школа мало что сделала для понимания экономики колхозного хозяйства, поскольку Чаянов и его коллеги изучали мелкие семей-

* © Никулин А.М., Троцук И.В., 2017.

ные крестьянские хозяйства, а не крупные аграрные предприятия, тем более в коллективной форме. Это утверждение не соответствует действительности: представители организационно-производственной школы признавали значение крупной аграрной экономики и коллективного земледелия, настаивали на необходимости гибкого сочетания разных по размеру производственных единиц в каждой отрасли и подчеркивали естественность сосуществования многообразных социальных институтов и экономических форм. Однако представители школы сомневались в том, что колхоз должен стать магистральным направлением аграрного развития, и поэтому не разделяли надежд большевистского правительства на повсеместное торжество крупного коллективного производства, что сыграло роль в трагической судьбе школы — репрессии 1930-х годов ее уничтожили: А.В. Чайнов был расстрелян в 1937 году, А.Н. Минин — в 1938-м, в том же году умер за границей Б.Д. Бруцкус, а выжившие коллеги Чайнова А.Н. Челинцев и Н.П. Макаров только во второй половине 1940-х годов получили возможность публиковаться и провели исследования колхозов в годы хрущевских реформ и косыгинской пятилетки.

ОТСТАЮЩИЕ КОЛХОЗЫ В РАБОТАХ АЛЕКСАНДРА ЧЕЛИНЦЕВА: 1951—1961

Арестованный по делу Трудовой Крестьянской партии А.Н. Челинцев в начале 1930-х годов был отправлен в политическую ссылку в Воронеж, откуда был возвращен в Москву в середине 1930-х годов, но не реабилитирован. Он неприметно работал старшим научным сотрудником в учреждениях наркомата земледелия СССР, Арало-Каспийской научной экспедиции Академии наук СССР, НИИ Северного зернового хозяйства, ВНИИ консервной промышленности, иногда публикуя свои прикладные исследования. С выходом на пенсию в 1950 году в возрасте 76 лет Челинцев не оставил научных занятий, и в последнее десятилетие жизни создал ряд обобщающих работ по колхозному районированию и интенсификации земледелия в колхозах вообще и в отстающих особенно. К этому времени он накопил огромный эмпирический опыт изучения колхозов Нечерноземья, особенно Подмосковья, в качестве научного сотрудника НИИ Северного зернового хозяйства.

Послевоенная нечерноземная колхозная деревня представляла тягостное зрелище, о котором в те годы нельзя было отзываться так открыто, как в постсоветское время писала Т.Н. Заславская: «Нечерноземная деревня являла собой картину опустошения и вымирания. Повсюду были нищета и скудость, почти отсутствовала молодежь, будущее людей выглядело беспросветным. Часть женщин пыталась находить утешение в религии, а большинство населения — в пьянстве... Все это производило гнетущее впечатление: у десятков миллионов людей, составлявших колхозное крестьянство, были отняты все права и свободы, все самые скромные радости жизни и, по сути дела, украдена жизнь. И хотя горожане в те времена тоже испытывали немало лишений, по сравнению с селянами их жизнь была раем» [9. С. 60].

В начале 1950-х годов деликатную попытку разобраться с несправедливостью колхозного строя предприняли в письме И.В. Сталину учителя Заславской А.В. Санина и В.Г. Венжер, например, предлагая продать технику МТС колхозам. Вскоре после смерти Сталина сентябрьский Пленум ЦК КПСС сформулировал ряд эффективных мер экономического стимулирования колхозного производства, значительно повысив закупочные цены практически на все виды сельскохозяйственной продукции, предоставив колхозам некоторую свободу маневра и особое внимание уделив развитию животноводства (будто бы спустя двадцать лет отреагировав на последнюю безымянную брошюру А.В. Чайнова о животноводстве) [16]. Во второй половине 1950-х годов Венжер и Заславская стали одними из первых после коллективизации учеными, поставившими задачи (фактически рыночного) стимулирования колхозной экономики [2; 3; 8].

Впрочем, 1950-е годы не стали исключением в противоречивой аграрной политике советской власти: некоторые решения того времени были направлены, наоборот, на усиление бюрократизации управления сельским хозяйством, ограничение колхозных ЛПХ и поспешную трансформацию колхозов в совхозы. Так, в мае 1950 года было принято постановление ЦК КПСС «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле»: по сравнению с 1940 годом количество колхозов сократилось с 237 тысяч до 124, особенно радикально укрупнялись мелкие колхозы Нечерноземья — как неспособные эффективно использовать машинную технику. Лидером в деле укрупнения колхозов стала Московская область, где за 1950 год их число сократилось с 6069 до 1668 — почти в 4 раза [15. С. 275—276]. Будущий президент Академии ВАСХНИЛ А.А. Никитин критически отзывался о реализации постановления: «Использованием техники и достижений науки долго будет оправдываться укрупнение хозяйств. Потери же общности, управляемости, утрату возможности созыва общих собраний с заменой их конференциями представителей никто в расчет не принимал. Подход, таким образом, технократический, но не социально ориентированный... В единый массив земли сводили, несмотря на то, что они часто были разъединены реками, озерами, лесами и другими естественными преградами» [15. С. 278].

Укрупнение колхозных территорий сопровождалось усилением колхозных организаций партийной номенклатурой — как местной, районной, так и присылаемой из столиц в качестве своеобразной шефской помощи. Иногда новые руководители не имели сельского опыта работы и жизни — на новые должности в укрупненных колхозах назначались районные заведующие сберегательными кассами, инспекторы пожарной охраны или управленцы среднего звена со столичных предприятий, НИИ и министерств.

Впрочем, порой квалифицированная и энергичная шефская помощь из центра, подкрепленная материально, оказывала положительное воздействие на укрупненные колхозы. Так, в архивах РГАЭ, в личном фонде Челинцева, сохранилась уникальная коллекция документов по истории создания и работы укрупненного колхоза имени Сталина в Теряевском сельсовете Волоколамского района Московской области. Здесь представлен обширный и информативный доклад некоего товарища

Мельникова — сотрудника Центрального НИИ черной металлургии (возглавляемого академиком И.П. Бардиным) — о проделанной шефской работе, где положительно оценивается роль Челинцева и чувствуется дух начала 1950-х годов: «Кажется здравомыслящему человеку должно быть понятно, что без правильно составленного и хорошо продуманного плана севооборота, развития животноводства и плана агротехнических мероприятий, нельзя правильно вести хозяйство в укрупненном колхозе. Это узкое место в развитии сельского хозяйства в подшефном колхозе прежде всех заметил директор ЦНИИЧМ акад. Бардин Иван Павлович. Он принял самые рациональные меры к устранению основного недостатка в работе колхоза... Для практического осуществления этой задачи Иван Павлович Бардин попросил профессора Челинцева Александра Николаевича — это высококвалифицированный специалист по сельскому хозяйству, имеющий стаж по этой отрасли хозяйства около 50 лет... Познакомившись лично с тов. Челинцевым и с работой, которую он проводит, я уверенно могу сказать, что и подборе специалиста И.П. Бардин не ошибся, порученное ему дело находится в надежных и умелых руках, этому делу он отдает все свои силы и знания... Проф. А.Н. Челинцев в тесной взаимосвязи и содружестве ученых специалистов с практиками сельского хозяйства, обменявшись опытом с местными организациями и колхозниками, приступит к окончательной доработке пятилетнего плана развития колхоза...» [23].

Далее в докладе описываются трудности шефской помощи, например, выбытие агронома в укрупнившемся колхозе, нелегкие поиски нового агронома, борьба за трудовую дисциплину, отправка специалистов ЦНИИЧМ — плотников, слесарей, шоферов — на работу в колхоз, выделение строительных материалов для нового колхоза. В архивном деле есть и благодарственное письмо председателя колхоза, товарища Сурина, директору Института черной металлургии, в котором старый председатель благодарит маститого академика за шефскую помощь, особенно с агрономом и планом севооборотов (как будто сталелитейщики лучше разбирались в земледелии, чем колхозники).

В деле имеются и рекомендации Челинцева по совершенствованию севооборотов и агрономической работы — это пример многообразных его трудов с 1946 по 1958 годы по исследованию более сотни колхозов Волоколамского, Верейского, Наро-Фоминского и Талдомского районов Московской области, по результатам которых в 1958 году он подготовил рукопись «Анализ и улучшение наличной системы колхозов (в помощь отстающим колхозам)». На основе этой рукописи все 1950-е годы неутомимый Челинцев писал письма в органы Московского и Центрального комитета партии [21], на которые, как правило, получал вежливые ответы, что его предложения приняты к сведению, будут рассмотрены, и, возможно, учтены.

Суть аграрно-экономических предложений Челинцева сводилась к требованию соблюдать и развивать «агротехминимум», или «агроминимум» — это понятие он сформулировал накануне коллективизации в конце 1920-х годов и связывал с ним большие надежды на протяжении 1930-х. В 1940-е годы это понятие стало забываться, но в 1950-е в письмах партии и правительству Челинцев вновь реко-

мендовал не забывать агротехминимум — систему агро- и зоотехнических мероприятий, подлежащих осуществлению в колхозах в целом, по конкретным отраслям и культурам (пшеница, лен, картофель и т.д.) и по циклам сельскохозяйственных работ, например, по сверххранному севу, борьбе с сорняками и т.д. (агроминимумы по отдельным культурам или циклам работ сводились в расширенный агроминимум). Следует отметить драматическую судьбу передового изобретения агроминимума (своеобразного предвестника «зеленой революции») российскими аграрниками в конце 1920-х годов и упрямое его отторжение колхозной системой в 1930-е годы, несмотря на упорные призывы партии непременно его внедрять [13].

Фактически Челинцев призывал вернуться к неусвоенным урокам прошедших колхозных десятилетий. Приведем с сокращениями одно из последних его писем-предложений в ЦК КПСС в разгар соревнования Н.С. Хрущева с США в сельском хозяйстве: «...При укрупнении ныне отсталых колхозов была допущена ошибка в даче им севооборотов. Севообороты нарезаны без учета средств производства и рабочей силы этих колхозов. Отсталые колхозы не могут выполнить нужный агротехминимум в данных севооборотах. Получается большой пропуск зяби, запаздывание и срыв весенних работ. Таким образом снижаются урожаи всех культур... Выход: ...планирующим органам пересмотреть севооборот (пропорцию культур) для каждого отстающего колхоза по его посильности соблюдать агротехминимум... Изменение пропорции культур севооборота — оставив клевер на дополнительные годы вместо овса и яровых хлебов — дает прямую выгоду за счет животноводства, у колхоза появляются средства (за 2—3 года) не только для сдачи государству, но больше и в неделимый фонд и для авансирования колхозников... Это один из способов использования внутренних резервов, замена яровых хлебов (овса) дополнительным клевером с выращиванием телят и подсвинков пастбищным способом...» [19]. В приложении к письму Челинцев на десятках страниц на конкретных примерах втолковывал ЦК КПСС, как, соблюдая правила агротехминимума, можно преодолеть колхозную отсталость без дополнительных вложений.

В ЦК КПСС поблагодарили Челинцева за письмо, пообещали учесть его рекомендации, но запретили печатать его рукопись «Анализ и улучшение наличной системы колхозов (в помощь отстающим колхозам)». Причиной отрицательного заключения стало бдительное вменение партийным рецензентом Челинцеву непреодоленного греха приверженности чаяновской модели трудо-семейного крестьянского хозяйства [20]. Напрасно Челинцев пытался возражать, что «...в нашей науке объяснение размещения колхозного сельского хозяйства в административном районе, области, государстве по обеспеченности их работниками и средствами производства на единицу площади признается многими учеными». Челинцев пришел к горестному выводу: «„азарт“ доказать негодность моей работы привел к пропуску рецензентом ее сущности» [20].

Но Челинцев не сдавался: в мае 1961 года, за несколько месяцев до смерти, он направил в сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС рукопись новой книги «Сельскохозяйственные районы СССР 1956—1959 гг. и сопоставление их с сель-

скохозяйственными районами 1925—1938 гг.» [22]. Рукопись осталась неопубликованной, некоторые ее отрывки удалось напечатать в виде статьи «Сельскохозяйственные районы СССР», где Челинцев вновь стремился обосновать принципы рационального сельскохозяйственного районирования, но уже не отдельных группировок нечерноземных колхозов, а всех сельскохозяйственных предприятий Советского Союза, используя сравнительные статистические данные, характеризующие аграрные системы разных районов по предпосылкам и уровню эффективности. Челинцев выделил в СССР 25 сельскохозяйственных районов и подрайонов по пяти природным полосам, обнаружив с востока на запад тенденцию нарастания интенсивности производства и утверждая, что между освоенностью территории, обеспеченностью сельского хозяйства рабочей силой и показателями интенсивности производства обнаруживаются взаимосвязи, подтверждаемые влиянием сельскохозяйственного рынка на интенсивность агропроизводства района. Фактически Челинцеву удалось адаптировать свою модель районирования 1910—1920-х годов к сельскохозяйственной ситуации в СССР конца 1950-х годов.

Конечно, челинцевские занятия агроминимумом и районированием для советских колхозов могут показаться трагикомической архаикой по мотивам 1920—1930-х годов на фоне новых идей и публикаций о развитии товарно-денежных отношений в период хрущевской оттепели. Видимо, Челинцев в своих рекомендациях старался не затрагивать денежно-экономические вопросы, подчеркнуто занимаясь лишь колхозным микрорайонированием. С другой стороны, искусство сельскохозяйственного микрорайонирования в 1950-е годы находилось в глубоком упадке (так и не реализовав свой изначальный потенциал), хотя экономически было по-прежнему востребованным и актуальным, о чем свидетельствует, например, серия публицистических очерков о жизни нечерноземных колхозов вокруг Ростова Великого в 1950—1960-е годы и о противоречиях местного регулирования севооборотов и навязываемого колхозам сверху бюрократического плана [6]. В 1960-е годы советское руководство поставило задачу комплексного развития аграрной экономики для ликвидации затянувшейся колхозной отсталости и неэффективности.

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР КОЛХОЗНО-СОВХОЗНОЙ ЭКОНОМИКИ В РАБОТАХ НИКОЛАЯ МАКАРОВА: 1966

Макаров, в 1950-е годы вернувшийся к исследованию сельских предприятий степных зон СССР (Восточной Украины и сибирской целины), в 1966 году, будучи единственным оставшимся в живых профессором организационно-производственной школы, выпустил капитальный учебник «Экономические основы организации производства в колхозах и совхозах» (в 1920-е годы у него также вышел пятисотстраничный учебник «Организация сельского хозяйства», выдержавший в 1920-е годы три издания). Оба учебника представляют собой систематизацию аграрно-экономического знания в методологии организационно-производственной школы и комплексное аналитическое обозрение основных проблем сельского хозяйства,

а также имеют схожую структуру — начинаются с изложения базовых понятий, затем следуют разделы об организации отдельных отраслей земледелия и животноводства.

Более всего книги отличаются заключительными частями: в учебнике 1920-х годов последняя глава называется «Доход», где, дав определение данного понятия и перечислив способы его измерения и условия, на него влияющие, в последнем параграфе «Качество хозяина» Макаров подчеркивает: «Личность хозяина является той силой, которая собирает воедино положительные условия для дохода и отстраняет отрицательные. Лучший хозяин... при конкуренции со своими соседями добьется лучшей земли, у него будут лучшие постройки, лучший инвентарь, лучший скот. Он сумеет лучше использовать землю, дать лучшую ей обработку, лучше подобрать полевые культуры, лучше организовать труд и т.д.» [11. С. 562].

Последний параграф книги 1966 года называется «Заключение (о теоретических основах организации производства в социалистических сельскохозяйственных предприятиях)». В книге не упоминается хозяин, речь идет об организаторе, который занимается наукой организации социалистических сельскохозяйственных предприятий — «это наука о творческом подходе организатора к каждому колхозу и совхозу, где необходимой предпосылкой является глубокое знание основных закономерностей научно обоснованной, рациональной организации хозяйства в условиях реальной действительности» [12. С. 506]. Следует признать, что замена конкретного хозяина сельхозпредприятия абстрактным организатором колхоза-совхоза выглядит схоластично, что не удивительно: драматическая разница двух книг связана с прогрессом сельского хозяйства, но в большей степени с трансформацией советской идеологии и аграрного обществоведения.

Книга 1920-х годов адресована прежде всего агроному-экономисту, работающему среди крестьян, учитывает обширный международный аграрный опыт, пестрит ссылками на исследования ведущих экономистов-аграрников Германии и США, сосредоточена на семейном крестьянском хозяйстве и не рассматривает сельскохозяйственные артели — колхозы. В книге 1966 года, цитирующей исключительно советские источники и приводящей примеры лишь из социалистической аграрной экономики, абстрактный организатор строит модель хозяйства или его производственного подразделения, обосновывая ее научной иерархией закономерностей естественноисторических, технических, организационных и социально-экономических, главными из которых являются закономерности интенсификации производства.

Написанная в разгар косыгинских реформ книга Макарова уделяет пристальное внимание экономическим категориям хозрасчета, цены, рентабельности, связанных с концентрацией и специализацией производства и совершенствованием государственного планирования сельского хозяйства. Колхоз здесь — одна из ключевых организационных форм, полностью подчиненная критериям плановой экономики: «Организация сельскохозяйственного производства осуществляется в каждом колхозе, как социалистическом кооперативном производственном предприятии, в соответствии с народнохозяйственным планом на основе хозяйст-

венного расчета... В колхозе организация производства осуществляется силами членов сельскохозяйственной артели на земле, принадлежащей государству и закрепленной за колхозом... Высшим органом управления артели является общее собрание ее членов» [12. С. 5].

Далее эти почти официозные характеристики колхоза Макаров стремится рассмотреть в разнообразии, приближенном к сложностям сельскохозяйственной действительности. Например, используя статистику по 51 хозяйству из разных географических зон СССР, собранную несколькими сельскохозяйственными НИИ и вузами, и рассматривая планы организации колхозов, Макаров выделил 12 производственных типов на основе сходных характеристик: природно-экономических условий, специализации, интенсивности и концентрации производства, систем производства в основных отраслях и экономических результатах. Он тактично подчеркивал несоответствие советской аграрной реальности предлагаемой типологии: «Далеко не всегда фактическое состояние колхоза или совхоза представляет собой производственный тип как рациональную систему производства. Нередко ту модель предприятия, которая должна быть типичной, нельзя найти в сегодняшнем фактическом состоянии хозяйства. Ее надо искать в перспективном организационно-хозяйственном плане, обеспечивающем рациональную организацию производства» [12. С. 59].

На протяжении всей книги, обосновывая и уточняя несколько абстрактные рационально-типологические характеристики колхозов и совхозов, Макаров неоднократно отмечает расхождение идеальной модели социалистических аграрных предприятий и действительности. Например, «хозяйственный расчет — основной метод ведения социалистических сельскохозяйственных предприятий», систематического сопоставления затрат и результатов в натуральном и денежном выражении, но, «несмотря на исключительную важность хозрасчета, он еще недостаточно внедряется в работу совхозов и колхозов» [12. С. 71]. Признавая, согласно официальной идеологии, совхозы высшей формой социалистического аграрного производства по сравнению с колхозами, Макаров отмечает, что процесс преобразования колхозов в совхозы в конце 1950-х — начале 1960-х годов «...местами принял широкий и недостаточно обоснованный размах» [1966: 76]. Признавая концентрацию сельскохозяйственного производства делом прогрессивным, он считал, что «нельзя забывать о тех факторах и условиях, от которых зависит ее эффективность. Опыт 1928—1932, 1950—1951, а также 1958—1960 годов сигнализирует, что чрезмерное укрупнение... не приводит к положительным результатам. Необходимо стремиться к рациональному укрупнению и оптимальным размерам производства с учетом условий каждого отдельного сельскохозяйственного предприятия» [12. С. 21].

Старый кооператор Макаров позитивно оценивал развитие в советской аграрной экономике межколхозных и колхозно-совхозных предприятий — они «представляют собой социалистические кооперативные предприятия второго порядка, ...расширяют сферу деятельности и взаимосвязи совхозов и колхозов, как социалистических кооперативных предприятий первого порядка... Ряд артелей участво-

вали в 2—3 кооперативных объединениях. Наряду с этим создаются и работают союзы таких предприятий. Это кооперативные предприятия третьего порядка, как союзы союзов, в большинстве случаев с охватом территории области или края» [12. С. 80]. С другой стороны, он подчеркивает значение первичного, низового уровня колхозной организации — звена и бригады, отмечая позитивное воздействие денежного, хозрасчетного стимулирования на труд колхозников. В то же время, будучи заклеянным певцом «отсталой» экономики семейного хозяйства, Макаров не рассматривает значение ЛПХ в советской экономике.

В целом книга Макарова является глубоким и современным курсом по организации сельскохозяйственного производства в русле рыночных реформ косыгинской пятилетки. Несмотря на взвешенную идеологическую осторожность формулировок, внимательный читатель обнаружит в основах систематизации Макарова перспективы для предоставления большей хозяйственной самостоятельности колхозам, т.е. для кооперированного неогосударственного сельского хозяйства. С другой стороны, в книге описан системный каркас государственного планового хозяйства, который в условиях бюрократизированной советской экономики заблокировал аграрные реформы по предоставлению большей свободы сельской кооперации. Десять лет спустя, в 1976 году, Макаров опубликовал свою последнюю книгу в форме учебного пособия «Индустриализация социалистического сельского хозяйства в СССР». В отличие от «оттепельного» учебника десятилетней давности пособие вполне соответствовало духу брежневского застоя. В нем приведена масса статистической информации о бесконечной индустриализации советского сельского хозяйства в неуклонно укрупняющихся формах, но почти ничего не говорится о низовом уровне колхозной самоорганизации, столь важном для аграрных реформ 1960-х годов.

И все же 1966 год оказался чрезвычайно урожайным и многообещающим для формирования новых и переоткрытия старых идей аграрного развития. В то время в СССР, почти одновременно с книгой Макарова, выходят книги молодых ученых-аграрников — И.Н. Буздалова [1], Л.В. Никифорова [14], Л.Н. Кассирова [10], А.М. Емельянова [7] и др. Тогда же группа историков под руководством В.П. Данилова подготовила критически правдивую книгу об истории сталинской коллективизации [5], а в Англии вышла книга А.В. Чаянова «Организация крестьянского хозяйства» [24]. К сожалению, синтеза новейших идей советского колхозного развития с наследием организационно-производственной школы не произошло, и в Советском Союзе не обнаружилось политической воли к серьезному переосмыслению и реформированию основ колхозного строя. Наоборот, после 1968 года и до перестройки превалировала ортодоксальная стагнация бюрократического агропрома в науке и политике.

ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО КОЛЛЕКТИВНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Исследования колхозов, предпринятые представителями организационно-производственной школы, помогают реконструировать логику развития коллективно-земледелия в России первой половины — середины XX века, причем Чаянов

и его коллеги часто первыми формулировали насущные вопросы коллективного земледелия. Так, Минин фактически первым предложил идею колхоза для объединения сельской бедноты в аграрно-перенаселенных черноземных регионах еще Российской империи, оппозиционную самому духу проводившихся тогда столыпинских реформ. Чайнов первым разработал реалистическую модель колхоза, указав его системно слабые организационно-производственные элементы. Бруцкус одним из первых среди экономистов критически проанализировал политику сталинской коллективизации и ее возможную эволюцию (впоследствии многие его идеи получают подтверждение и развитие в работах С.С. Маслова, Н.М. Ясного, А.Д. Билимовича, М. Левина и В.П. Данилова). Челинцев был первым и, кажется, единственным советским экономистом, написавшим монографию об отстающих колхозах с предложениями по агрономической помощи в преодолении колхозной отсталости. Наконец, Макаров одним из первых среди советских аграрников 1960-х годов предложил системное видение советского сельского хозяйства, где проблемы колхозной экономики были представлены подробно и всесторонне. Необходимо подчеркнуть гражданское мужество ученых организационно-производственной школы, которые, несмотря на обрушившиеся на них клевету, угрозы и репрессии, стремились выполнить свой научный долг до конца, продолжая систематически и добросовестно исследовать проблемы колхозного строя.

Безусловно, важно упомянуть и ограничения подхода организационно-производственной школы: она стремилась исследовать колхоз как экономическую организацию, упорно абстрагируясь от его социальных характеристик. Сегодня мы, конечно, осознаем, что колхоз никогда не был исключительно рациональным экономическим предприятием, а являлся своеобразным территориальным сообществом и даже политической организацией [4; 17; 25]. Но ученые чайновской школы рассматривали колхоз как экономисты, избегая политологических и антропологических сюжетов, которые все же проступают в их работах сквозь экономическую логику анализа. Кроме того, Чайнов и его коллеги почти не уделяли внимания центральной экономической проблеме колхоза — взаимодействию крупного производства с домохозяйствами колхозников. Когда ее еще можно было открыто изучать в 1920-е годы, для колхозов она была не вполне актуальна, а когда после коллективизации она стала нервом колхозной системы, то говорить и писать о симбиозе общественного и личного внутри колхоза стало небезопасно. И все же, даже с учетом перечисленных объективных ограничений, в изучении коллективного земледелия организационно-производственная школа оставила глубокое и обширное интеллектуальное наследие, помогающее всесторонне осмысливать особенности и последствия социалистического аграрного строя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Буздалов И.Н. Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производства. М., 1966.
- [2] Венжер В.Г. Товарное производство при социализме и сельскохозяйственная артель // Вопросы экономики. 1958. № 8.

- [3] *Венжер В.Г.* Использование закона стоимости в колхозном производстве. М., 1959.
- [4] *Виноградский В.Г.* Российский крестьянский двор // Мир России. 1996. № 3.
- [5] *Данилов В.П.* Главы из рассыпанного типографского набора коллективного труда «История коллективного сельского хозяйства в СССР» // История крестьянства России в XX веке. М., 2011.
- [6] *Дорош Е.Я.* Дождь пополам с солнцем. Деревенский дневник. М., 1990.
- [7] *Емельянов А.М.* Методологические проблемы накопления и рентабельности в колхозах. М.: Экономика, 1965.
- [8] *Заславская Т.И.* Оплата труда и принцип материальной заинтересованности в колхозах. М., 1958.
- [9] *Заславская Т.И.* Страницы творческой биографии // Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50—80-х годов и современная реформа в сельском хозяйстве. Люди. Идеи. Факты. М., 2000.
- [10] *Кассиров Л.Н.* О некоторых показателях государственных заданий колхозам и совхозам // Вопросы экономики. 1966. № 1.
- [11] *Макаров Н.П.* Организация сельского хозяйства. Труды научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии. М., 1927.
- [12] *Макаров Н.П.* Экономические основы организации производства в колхозах и совхозах. М., 1966.
- [13] *Мерль Ш.* Как удалось Сталину воспрепятствовать «зеленой революции» в России? К вопросу о торможении аграрно-технического прогресса (1927—1941) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 10. М., 2015.
- [14] *Никифоров Л.В.* Венжер В.Г. Колхозный строй на современном этапе. М., 1966.
- [15] *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России: XVIII—XX вв. М., 1995.
- [16] *Никулин А.М.* Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М., 2014.
- [17] *Никулин А.М.* Кубанский колхоз — в холдинг или асьенду? // Социологические исследования. 2002. № 1.
- [18] РГАЭ, Фонд 771, опись 1, дело 67. Челинцев А.Н. К обоснованию мероприятий по колхозному сельскому хозяйству Волоколамского района в соответствии с постановлением пленума партии в сентябре 1953 года. Л. 29—37.
- [19] РГАЭ, Фонд 771, опись 1, дело 231. В Центральный комитет КПСС (для Пленума ЦК КПСС 22.12.1959) от проф. Челинцева А.Н. Как поднять без дополнительных средств в малые сроки (2—3 года) отсталые колхозы нечерноземной полосы. Л. 1—49.
- [20] РГАЭ, Фонд 771, опись 1, дело 232. В ЦК КПСС, Отделение экономики и организации сельского хозяйства от проф., пенсионера науки Челинцева Александра Николаевича, 85 лет. Л. 17—43.
- [21] РГАЭ, Фонд 771, опись 1, дело 235. В редакцию газеты «Правда» предложения о программе КПСС. Л. 1—5.
- [22] РГАЭ, Фонд 771, опись 1, дело 237. Извлечения из работы: Челинцев А.Н. Сельскохозяйственные районы СССР // Вопросы народного хозяйства СССР: К 85-летию С.Г. Струмилина. М., 1962. Л. 1—2.
- [23] РГАЭ, Фонд 771, опись 1, дело 67. Докладная записка Заместителю директора ЦНИИЧМ тов. Мурзину И.И., секретарю парторганизации ЦНИИЧМ тов. Осипову А.И. о работе в подшефном колхозе имени Сталина Теряевского сельсовета, Волоколамского района, Московской области с 26/1 по 20/6 1951 года. 17.8.1951. Л. 31—32.
- [24] *Chayanov A.V.* The Theory of Peasant Economy. Homewood, 1966.
- [25] *Lindner P.* Der Kolchoz-Archipel im Privatisierungsprozess: Wege und Umwege der russischen Landwirtschaft in die globale Marktgesellschaft. Bielefeld, 2008.

COLLECTIVE FARMS IN THE WORKS OF A.N. CHELINTSEV AND N.P. MAKAROV (1951—1966)*

A.M. Nikulin¹, I.V. Trotsuk^{1,2}

¹Center for Agrarian Studies
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, Russia, 119571

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198
(e-mail: nikulin@ranepa.ru; trotsuk_iv@pfur.ru)

Abstract. The article presents a part of the intellectual legacy of the Chayanov's school that is often considered as consisting exclusively of the studies of peasant economy and its cooperative development. Such an interpretation overlooks the school's contribution to the study of large-scale agrarian production within the establishing soviet system of collective farms. The authors provide another interpretation of the intellectual legacy of Chayanov and his colleagues, and focus on the works of A.N. Chelintsev (1874—1962) and N.P. Makarov (1888—1980), who survived the repressions of the 1930s and since the 1940s returned to the studies of economic organization of collective farms, which had become the main institutional form of the soviet agrarian system. Chelintsev studied lagging collective farms, which were unpopular and even dangerous subject in the soviet agrarian science. Chelintsev's recommendations were not followed in the collective farms' economy of the 1950s. However, today they help to understand some system features of weak collective farms. Makarov summarized the results of his collective farms studies at the rise of the Kosygin's reforms in the monograph published in 1966; it emphasized both the importance of collective farms in the soviet agriculture and alternative strategies of collective farms development by granting them more independence and involving in inter-farm cooperation. With such works, Chelintsev and Makarov ensured the highest methodological level of social-economic research typical for the 1920s' soviet agrarian science, thus confirming that the Chayanov's school introduced many original ideas in the study of peculiarities of the economic organization of both peasant households and large-scale collective farms, which determines the necessity of reevaluating the intellectual legacy of the organizational-production school to understand better the phenomenon of Russian collective farming in the XX century.

Key words: collective farm; organizational-production school; A.N. Chelintsev; N.P. Makarov; weak and strong collective farms; Khrushchev's agrarian reforms; Kosygin's five-year plan; soviet agrarian science

REFERENCES

- [1] Buzdalov I.N. *Ekonomicheskaja effektivnost intensivifikacii sel'skhozajstvennogo proizvodstva* [Economic Efficiency of Agricultural Production Intensification]. Moscow; 1966 (In Russ.).
- [2] Venzher V.G. *Tovarnoe proizvodstvo pri socializme i sel'skhozajstvennaja artel'* [Commodity production under socialism, and the agricultural artel']. *Voprosy ekonomiki*. 1958; 8 (In Russ.).
- [3] Venzher V.G. *Ispol'zovanie zakona stoimosti v kolhoznom proizvodstve* [Application of the law of value in collective farm production]. Moscow; 1959 (In Russ.).
- [4] Vinogradsky V.G. *Rossijskij krest'janskij dvor* [Russian peasant household]. *Mir Rossii*. 1996; 3 (In Russ.).
- [5] Danilov V.P. *Glavy iz rassypannogo tipografskogo nabora kollektivnogo truda "Istorija kollektivnogo sel'skogo hozjajstva v SSSR"* [Chapters from the scattered typographic set of the collective work "History of Collective Agriculture in the USSR"]. *Istorija krest'janstva Rossii v XX veke*. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [6] Dorosh E.Ya. *Dozhd' popolam s solncem. Derevenskij dnevnik* [Rain with Sunshine. A Village Diary]. Moscow; 1990 (In Russ.).

* © A.M. Nikulin, I.V. Trotsuk, 2017.

- [7] Emeljanov A.M. *Metodologicheskie problemy nakoplenija i rentabel'nosti v kolhozah* [Methodological Problems of Accumulation and Profitability at Collective Farms]. Moscow; 1965 (In Russ.).
- [8] Zaslavskaya T.I. *Oplata truda i princip material'noj zainteresovannosti v kolhozah* [Salary and the Principle of Material Interest at Collective Farms]. Moscow; 1958 (In Russ.).
- [9] Zaslavskaya T.I. *Stranicy tvorcheskoj biografii* [Pages of the creative biography]. *Teoreticheskoe nasledie agrarnikov-ekonomistov 50—80-h godov i sovremennaja reforma v sel'skom hozjajstve. Ljudi. Idei. Fakty*. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [10] Kassirov L.N. O nekotoryh pokazateljah gosudarstvennyh zadanij kolhozam i sovhozam [On some indicators of state assignments to collective and state farms]. *Voprosy ekonomiki*. 1966; 1 (In Russ.).
- [11] Makarov N.P. *Organizacija sel'skogo hozjajstva. Trudy nauchno-issledovatel'skogo instituta sel'skohozjajstvennoj ekonomii* [Organization of Agriculture. Proceedings of the Agricultural Economy Research Institute]. Moscow; 1927 (In Russ.).
- [12] Makarov N.P. *Ekonomicheskie osnovy organizacii proizvodstva v kolhozah i sovhozah* [Economic Foundations of the Organization of Production at Collective and State Farms]. Moscow; 1966 (In Russ.).
- [13] Merl S. Kak udalos' Stalinu vosprepjatstvovat' "zelenoj revoljucii" v Rossii? K voprosu o tormozhenii agrarno-tehnicheskogo progressa (1927—1941) [How did Stalin manage to prevent the 'green revolution' in Russia? On the question of slowing down the agro-technical progress (1927—1941)]. *Krest'janovedenie: Teorija. Istorija. Sovremennost'. Uchenye zapiski*. Vyp. 10. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [14] Nikiforov L.V. *Venzher V.G. Kolhoznyj stroj na sovremennom etape* [Venzher V.G. Collective Farms System at the Present Stage]. Moscow; 1966 (In Russ.).
- [15] Nikonov A.A. *Spiral' mnogovekovoju dramy: agrarnaja nauka i politika Rossii: XVIII—XX vv.* [Spiral of the Centuries-Old Drama: Agrarian Science and Policy of Russia: XVIII—XX]. Moscow; 1955 (In Russ.).
- [16] Nikulin A.M. *Agrarniki vlast' i selo: ot proshlogo k nastojashhemu* [Agrarians, Power, and Village: From Past to Present]. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [17] Nikulin A.M. Kubanskij kolhoz — v holding ili as'endu? [Kuban collective farm — to holding or hacienda?]. *Sociologicheskie issledovanija*. 2002; 1 (In Russ.).
- [18] *Russian State Archive of Economics (RSAE), Fund 771, register 1, file 67*. Chelintsev A.N. K obosnovaniju meroprijatij po kolhoznomu sel'skomu hozjajstvu Volokolamskogo rajona v sootvetstvii s postanovleniem plenuma partii v sentjabre 1953 goda. L. 29—37 (In Russ.).
- [19] *RSAE, Fund 771, register 1, file 231*. V Central'nyj komitet KPSS (dlja Plenuma CK KPSS 22.12.1959) ot prof. Chelintseva A.N. Kak podnjat' bez dopolnitel'nyh sredstv v malye sroki (2—3 goda) otstalye kolhozy nechernozemnoj polosy. L. 1—49 (In Russ.).
- [20] *RSAE, Fund 771, register 1, file 232*. V CK KPSS, Otdelenie ekonomiki i organizacii sel'skogo hozjajstva ot prof., pensionera nauki Chelintseva Aleksandra Nikolaevicha, 85 let. L. 17—43 (In Russ.).
- [21] *RSAE, Fund 771, register 1, file 235*. V redakciju gazety "Pravda" predlozhenija o programme KPSS. L. 1—5 (In Russ.).
- [22] *RSAE, Fund 771, register 1, file 237*. Izvlechenija iz raboty: Chelintsev A.N. Sel'skohozjajstvennye rajony SSSR. Voprosy narodnogo hozjajstva SSSR: K 85-letiju S.G. Strumilina. Moscow, 1962. L. 1—2 (In Russ.).
- [23] *RSAE, Fund 771, register 1, file 67*. Dokladnaja zapiska Zamestitelju direktora CNIChM tov. Murzinu I.I., sekretarju partorganizacii CNIChM tov. Osipovu A.I. o rabote v podshefnom kolhoze imeni Stalina Terjaevskogo sel'soveta, Volokolamskogo rajona, Moskovskoj oblasti s 26/1 po 20/6 1951 goda. 17.8.1951. L. 31—32 (In Russ.).
- [24] Chayanov A.V. *The Theory of Peasant Economy*. Homewood; 1966.
- [25] Lindner P. *Der Kolchoz-Archipel im Privatisierungsprozess: Wege und Umwege der russischen Landwirtschaft in die globale Marktgesellschaft*. Bielefeld; 2008.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-481-490

МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ*

А.Г. Киселев¹, С.А. Шилина²

¹Редакция журнала «Президентский контроль»
ул. Малая Никитская, 19-1, Москва, Россия, 121069

²Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского
ул. Бежицкая, 14, Брянск, Россия 241036
(e-mail: alexandr.profession@yandex.ru, supershili2012 @yandex.ru)

Цель статьи — обозначив социально-экономические последствия коллективизации, сравнить данную политику государства с преобразованиями в сельском хозяйстве в 1990-е годы и рассмотреть возможности выхода российского сельского хозяйства из нынешнего кризисного состояния. Материалами для статьи послужили архивные данные по коллективизации и программа интенсификации сельского хозяйства и животноводства, которую разработала Академия высоких экотехнологий. Авторы полагают, что на тот период времени, когда проходила коллективизация, это был способ оптимизации сельского хозяйства: во многом благодаря проведенной, хотя с потерями и «перегибами», коллективизации отчасти переведенное на индустриальные рельсы сельское хозяйство обеспечивало страну продовольствием в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, гарантируя продовольственную безопасность советского государства. Принятая в ходе реформ 1990-х годов «экстренная» модель «возврата в цивилизацию» предполагала превращение колхозника в фермера или наемного работника, но подобная социальная «миграция», в условиях дикого рынка навязанная «сверху», деформировала не только сложившийся социальный слой, но и привела к серьезным экономическим проблемам. Сегодня перспективным авторам статьи представляется создание своеобразных неокolleхозов. Также рассматривается разработанная Академией высоких экотехнологий программа интенсификации сельского хозяйства и животноводства на основе широкого применения прогрессивных отечественных и зарубежных технологий с целью увеличения в ближайшие три-пять лет производства сельхозпродукции в несколько раз. В частности, для более эффективного использования земледельческих технологий и перерабатывающих производств программа предусматривает создание укрупненных организационно-хозяйственных структур — «агропромхозов».

Ключевые слова: коллективизация; крестьянство; сельское хозяйство; социальные последствия; экономические последствия; интенсификация

В аграрной России крестьянин и главное средство его производства — земля — на протяжении многих столетий являлись предметом неугасающих научных споров. О необходимости пристального внимания со стороны властных структур

* © Киселев А.Г., Шилина С.А., 2017.

к «крестьянскому вопросу» сказано во многих исследованиях, в том числе в работах авторов статьи [см., напр.: 2—5 и др.]. Очень важны работы о современном сельском хозяйстве таких авторов, как А.А. Куракин [9], А.М. Никулин и И.В. Троцук [11; 12], В.Н. Иванов [1], Т.Н. Ключникова [6], где рассматриваются неклассические сельскохозяйственные кооперативы, переход от «постколхоза» к «олигархозу», отношение россиян к частной собственности, форматы социального взаимодействия государства и общества и т.д.

Вопрос крестьянского обустройства был актуален на заре становления советской власти, не утратил он своей остроты и сегодня. В первые десятилетия советской власти марксистское учение было отправной точкой научных исследований, однако наиболее интересной представляется концепция организации крестьянского хозяйства, разработанная известным экономистом прошлого столетия А.В. Чаяновым [16; 17]. Мотивацию хозяйственной деятельности крестьянина он определяет «не как мотивацию предпринимателя, получающего в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а скорее как мотивацию рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы» [17]. В этой предпосылке, по сути, заключается «вся оригинальность теории организации крестьянского хозяйства, так как все остальные выводы и построения строго логически вытекают из этого основного предположения и увязывают весь эмпирический материал в довольно стройную систему» [17].

Мы не ставим перед собой цель рассмотреть идейные основания коллективизации, однако подчеркнем, что таковые, безусловно, составляли положения марксистской теории. В центре нашего внимания — социально-экономические последствия коллективизации сельского хозяйства. Иницилируя коллективизацию, лидеры большевиков стремились решить не только экономические задачи, но и искоренить частнособственническое начало в многомиллионном крестьянском сообществе, т.е. переделать в соответствии со своими идеологическими постулатами веками укоренявшуюся в данной социальной группе модель хозяйствования на земле. Сосредоточившись на идейных догмах и экономических проектах, реализуя революционную идею отчуждения крестьянина от частной собственности, а, значит, и от вековых традиций крестьянского бытия, реформаторы, как правило, не принимали во внимание те последствия, которые непременно дадут о себе знать.

В период становления советского государства, чтобы обеспечить выполнение производственных заданий, стоящих перед промышленностью, требовалось в таких же размерах подстегнуть темпы развития сельского хозяйства. Согласно плановым заданиям, сельское хозяйство к концу пятилетки должно было сделать огромный скачок в деле социалистического преобразования деревни. Планировалось «увеличить посевную площадь на 22%, урожайность — на 35%. Экономисты подсчитали, что рост сельскохозяйственного производства, способный обеспечить потребности промышленности, можно достичь при объединении 18—20% крестьянских хозяйств в колхозы, 85% — в кооперативы при дальнейшем развитии ин-

дивидуального крестьянского хозяйства. Однако уже в ноябре 1929 года была поставлена задача форсировать темпы социалистического преобразования сельского хозяйства, а в январе 1930 года был утвержден график коллективизации. В соответствии с ним к концу пятилетки в колхозах должно было находиться не 20%, а 80—90% крестьянских хозяйств» [14]. Естественно, достичь этого в столь короткие сроки можно было только путем насилия. Оторванные от реальности расчеты стали одним из важных аргументов для проведения массовой коллективизации, однако сельское хозяйство страны и в годы второй пятилетки продолжало оставаться в сложном положении и не смогло выйти из кризиса коллективизации. В эти годы завершался процесс сплошной коллективизации, хотя к началу второй пятилетки в деревне сохранилось около пяти миллионов единоличных хозяйств. Несмотря на значительный рост посевных площадей, главным образом в восточных районах страны, где раскулаченные крестьяне осваивали целинные и залежные земли, только к началу 1940-х годов удалось вывести сельскохозяйственное производство на уровень 1928 года, при этом продукция животноводства вышла на этот уровень лишь в начале 1950-х годов. Сельское хозяйство страны в годы второй пятилетки продолжало оставаться в сложном положении, в которое оно попало в результате непродуманных волонтаристских действий.

В социальном отношении коллективизация привела к тому, что социальная структура стала более однородной, а это отвечало доктринальным устремлениям большевиков. Возникшая в результате массовой коллективизации социальная однородность была итогом не естественно развивающихся социально-экономических процессов, а насильственных действий. На своей начальной стадии кампания по раскулачиванию затронула почти 15% сельского населения, причем раскулачиванию был подвергнут наиболее хозяйственный слой сельских тружеников. Агрессивное же наступление на кулака началось в конце 1927 года, и уже в 1929—1930 годах раскулачивание переросло в политику ликвидации кулачества как класса. Все кулачество делилось на три категории: «контрреволюционный актив» подлежал заключению; отнесенные ко второй категории богатые и влиятельные кулаки подлежали высылке в отдаленные местности, третья категория (остальные кулаки) расселялась на запольных участках или использовалась на строительных работах и добыче стройматериалов. Основной поток выселенных направлялся в Казахстан, часть — в Хабаровский край. Была осуществлена отправка 446 глав кулацких семей на Орско-Халиловский комбинат, следом за ними были отправлены их семьи. Раскулачивание и выселение продолжались в 1932 и 1933 годах, отдельные случаи наблюдались в 1934 и 1935 годах. В 1932—1935 годах в кулаки стали зачислять «вычищенных» из колхозов и единоличников, не справлявшихся с выплатой налогов. Высылаемые семьи направлялись на строительство Беломорско-Балтийского канала, на лесоразработки в Архангельскую область, Карелию, Западную Сибирь и т.д.

Политика подобной реорганизации сельского хозяйства привела не только к социальной однородности населения, но и к появлению маргинальных слоев — будучи оторваны от своей исконной культуры, они становились объектом мани-

пуляций властных структур, утрачивали культурно-нравственные, несомненно, полезные для коллективного хозяйствования на земле особенности крестьянства, в частности, общинность, артельность, приверженность патриархальным ценностям, которые формировались веками. Следует подчеркнуть, что среди заключенных, которые рассматривались как источник дешевой рабочей силы, было немало крестьян, оказавшихся в лагерях вследствие своего недовольства политикой, проводимой в деревне.

Таким образом, благие цели — посредством коллективизации сельского хозяйства установить новый строй в деревне, построить для крестьянства новую жизнь, которая давала бы возможность трудящемуся крестьянину улучшать свое материальное и культурное положение, — обернулись негативными социально-экономическими последствиями. На практике агитационные заклинания руководителей советского государства, декларирующих, что «при старом строе крестьяне работали в одиночку, работали старыми дедовскими способами, старыми орудиями труда, работали на помещиков и капиталистов, на кулаков и спекулянтов, работали, живя впроголодь и обогащая других, а при новом, колхозном строе, крестьяне работают сообща, артельно, работают при помощи новых орудий — тракторов и сельхозмашин, работают на себя и на свои колхозы, живут без капиталистов и помещиков, без кулаков и спекулянтов, работают для того, чтобы изо дня в день улучшать свое материальное и культурное положение» [15], были стремлением выдать желаемое за действительное. Тем не менее, во многом благодаря проведенной, хотя с определенными потерями и «перегибами», коллективизации отчасти переведенное на индустриальные рельсы сельское хозяйство худо-бедно, но обеспечивало страну продовольствием в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, гарантируя продовольственную безопасность страны.

Не меньшим потрясением, чем коллективизация в 1930-е годы, для сельского хозяйства стала приватизация земли и колхозной собственности в 1990-е годы. К сожалению, российское общество, не способное прокормить себя без продовольственного импорта, до сих пор продолжает бездумно проклинать колхозы и прославлять фермерство и частное землевладение, при котором треть сельскохозяйственных земель заросла лесом и бурьяном, а продуктовый импорт составляет 30—40% потребления. Принятая в ходе реформ 1990-х годов «экстренная» концепция «возврата в цивилизацию» предполагала через раскрестьянивание колхозника превращение его в фермера либо в сельского наемного работника. Подобная социальная «миграция», в условиях дикого рынка навязанная сельчанам «сверху», деформировала сложившийся социальный слой и привела к серьезным экономическим проблемам. Коренная трансформация российской деревни, нацеленная на повторение цивилизационного развития Запада, превращение землекормилицы в обычное средство производства, предмет купли-продажи, была несообразна приоритетам русского крестьянина, а потому реализация частнособственнической доктрины привела к кризису сельского хозяйства и серьезным демографическим проблемам.

Реформаторы, инициировавшие в 1990-е годы перестройку сельского хозяйства, игнорировали тот факт, что «это не только ключевая часть народного хозяйства», но и «системообразующий элемент российской цивилизации» [10]; не только производство сельхозпродукции, но и образ жизни (для 85% в начале XX века). Да и нынешнее российское общество совсем недавно «вышло из деревни». Так, на 1 января 2010 года в сельской местности проживало 38,21 млн человек, из них в трудоспособном возрасте — 23 млн. Согласно переписи 2002 года, в России было более 155 тысяч сельских поселений: в малых деревнях (до 200 жителей) проживало 4,5 млн человек, в крупных селах (более 2000 жителей) — 13 млн, около 21 млн — в селах среднего размера. Деревня с ее хозяйством и образом жизни — один из важнейших механизмов воспроизводства этнических общностей России, здесь неразрывно связаны производство и быт, что стало особенностью российского хозяйства в целом (включая промышленное производство). Сеть деревень является плацдармом, с которого было осуществлено «очеловечение» всего природного пространства России и ведется его непрерывное окультуривание и соединение с техносферой. Деревня — это место, где вызревал многоликий культурно-исторический тип — великорусский пахарь, воин, монах, землепроходец, казак, артельный работник, промышленный рабочий — который создавал страну на всех этапах ее развития. Роль такого социального «генератора» деревня исполняла и весь XX век.

Сегодня сельскохозяйственная отрасль пребывает в кризисном состоянии. Достаточно сказать, что по сравнению с 1991 годом численность работающих в сельском хозяйстве сократилась на 3 млн человек, в том числе механизаторов — на треть, животноводов — в два раза; количество специалистов уменьшилось на 340 тысяч (более чем на 30%). В результате периферийные пограничные территории российского государства оголяются [7], что связано с ухудшением экономического состояния удаленных регионов и демографическими причинами (отток населения, высокая смертность и т.п.). Например, плотность населения в северных и приравненных к ним территориях, а это 70% площади страны, составляет в среднем одного человека на квадратный километр, на остальных территориях — в 26 раз выше. Это объясняется и тем, что за последние пятьдесят лет сельское население сократилось на 45%, а оно определяет обжитость большинства районов страны.

Выходом из такой тревожной ситуации может стать создание неоколхозов, и сегодня разработано немало подобных проектов. Например, Академия высоких экотехнологий [8] предложила программу интенсификации сельского хозяйства и животноводства на основе широкого применения прогрессивных отечественных и зарубежных технологий с целью увеличения в ближайшие три-пять лет производства сельхозпродукции в несколько раз. Для эффективного использования земледельческой техники и перерабатывающих производств предусматривается создание укрупненных организационно-хозяйственных структур — так называемых «агропромхозов», объединяющих бывшие колхозы, совхозы, животноводческие фермы с их землями, техникой и сооружениями. Предполагается, что оптимальным будет агропромхоз, вобравший в себя до 20—25 тысяч гектаров пахотных

земель и работающий по принципу потребительского общества и самоуправления. Такая форма труда и производственных отношений обеспечит значительное снижение себестоимости продукции и повышение доходности всех тружеников, поэтому при решении чисто экономических и производственных задач будут одновременно решаться и социально-демографические проблемы.

Расчетная потребность в трудовых кадрах для обеспечения работ на всех производствах одного агропромхоза составляет около восьми тысяч человек. Для работы в агропромхозах могут быть привлечены военнослужащие, уволенные в запас и не имеющие жилья, но получившие государственные жилищные сертификаты на его приобретение. Однако только кадровых военнослужащих с жилищными сертификатами будет недостаточно, даже если все 375 тысяч их семей будут обеспечены работой и жильем в сельской местности. Существенным пополнением трудового ресурса могут стать бывшие военнослужащие из категории демобилизованных со срочной службы — ежегодно это более полумиллиона человек. Даже если не все, а только пятая часть данной общности пожелает поехать в село по договору, гарантирующему им работу и благоустроенное жилье, то это будет уже не 100 тысяч, а 150—200 тысяч, потому что все они обзаведутся женами, уменьшив тем самым отток российских девушек за границу на сомнительные заработки.

Другим резервом кадров для агропромхозов могут стать организованные переселенцы из северных районов, с нефтяных и газовых промыслов, имеющие средства на приобретение жилья — до 20 тысяч семей. Не стоит сбрасывать со счетов и лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы: благонадежные, имеющие специальность, желающие честно трудиться, но не имеющие жилья и постоянной работы вполне могут работать в агропромхозах (до 300 тысяч человек в год). Для повзрослевших детей-сирот работа в агропромхозах — реальная возможность начать самостоятельную жизнь в весьма комфортных условиях (но нужна программа мер их социальной поддержки). С помощью агропромхозов можно решить и проблему вынужденных переселенцев из бывших советских республик: русскоязычных бывших граждан СССР, желающих переехать в Россию и работать на селе, может набраться до 50 млн, из них до 15 млн способны не просто работать на производствах агропромышленного комплекса, но работать в тех сферах, где требуются высококвалифицированные специалисты.

Сделать жизнь и работу в агропромхозах привлекательной для перечисленных социальных категорий можно, создав для них комфортные условия проживания. Для обеспечения людей жильем программа планирует строительство нескольких компактных рабочих поселков усадебного типа с малоэтажными домами на 4—16 квартир и коттеджами на одну семью с земельными участками по 10—12 соток. Для молодежи, не имеющей семьи, можно использовать в качестве временного жилья общежития гостиничного типа. Строительство жилья планируется осуществить частично за счет стоимости жилищных сертификатов. Расположение поселков должно быть оптимальным по близости к перерабатывающим производствам с соблюдением санитарных (экологических) норм проектирования. В поселках предусматривается также строительство необходимых объектов социально-

бытового и культурного назначения (школы, больницы, магазины, столовые, дома культуры, спортклубы и спортплощадки, почта, Сбербанк, отделения полиции и пожарной охраны, гаражи и др.). На обслуживании этих объектов может быть занято до двух тысяч человек. При строительстве всех объектов предусматривается использование новых технологий и прогрессивных строительных материалов (в том числе разработанных Академией высоких экотехнологий), обеспечивающих снижение стоимости строительства на 25—40% и повышающих его качество.

Не вдаваясь в экономические аспекты программы, отметим лишь, что в ней отражены и финансовые вопросы ее реализации. Так, из приведенных в программе расчетов следует, что для обустройства 15 млн трудящихся, прибывающих на возращение заброшенных 33 млн гектаров земли, потребуются заемные средства в размере 50 млрд долларов США сроком на 10—12 лет, причем в первые пять лет средства будут расходоваться на строительство жилья и объектов общего пользования (по 10 млрд долларов в год), а на последующие 5—7 запланирован возврат этих средств за счет выкупа жилья владельцами и за счет прибылей от реализации продукции агропромхозов. На все другие работы по производству сельхозпродуктов и строительству потребуются значительные инвестиции на срок до пяти лет, но с шестого по восьмой годы реализации программы возможен возврат инвестиций за счет рентабельности созданных производств и прибылей от реализации продукции земледелия и животноводства. На приобретение сельхозтехники, создание перерабатывающих производств, закупку племенного скота и посевного материала также потребуются заемные средства в размере 80—90 млрд долларов США, сроком на 10—12 лет, из них по 15—20 млрд в первые пять лет, и возврат средств в последующие 5—7 лет за счет прибылей.

Через 12 лет с начала интенсификации работ на заброшенных землях ново-созданные 1300 агропромхозов будут приносить прибыль до 80 млрд долларов в год. А с учетом организации аналогичной формы хозяйствования на всех обрабатываемых ныне пахотных землях прибыль от сельскохозяйственного производства может быть в 3—5 раз выше. Товарной продукции планируется производить до 400 млрд долларов в год. При этом стоимость товаров потребления может ежегодно снижаться на 8—12%. При таких объемах производства продовольствия Россия обеспечит себе экономическую безопасность и сможет стать крупным поставщиком ряда продовольственных товаров в другие страны.

Реализация программы поможет и развитию промышленности, а с ее помощью может быть в определенной степени решена проблема безработицы горожан. Ведь интенсификация растениеводства и животноводства потребует резкого увеличения производства сельскохозяйственных машин и оборудования для переработки первичной продукции агропромхозов. Производство требуемой техники целесообразно организовать по иностранным образцам и проектам на наших машиностроительных предприятиях с участием иностранных инвестиций и специалистов. Также необходимо возродить и расширить имевшийся в России опыт конструирования экономичных силовых агрегатов универсального назначения,

способных работать с широким набором навесного оборудования. С другой стороны, поскольку российские пахотные земли нередко истощены, для восстановления плодородия почв потребуется значительное количество органических и минеральных удобрений. В наших условиях каждый килограмм удобрений, грамотно внесенный в землю, может увеличить на 25—40 килограммов урожайность зерновых культур. В России имеются неограниченные возможности для изготовления в условиях агропромхозов эффективных органических и минерально-органических удобрений, обеспечивающих высокую урожайность и выращивание экологически чистых пищевых продуктов. Исходным сырьем являются торф, сапрпель, отходы животноводства, мел, известняк. Но для этого тоже нужна специальная техника, которую также можно изготавливать на российских предприятиях.

Применительно к агропромхозам можно говорить и о том, что с их помощью отчасти можно решить задачу оздоровления нации и увеличения продолжительности жизни. Ведь по природно-климатическим условиям сельская местность, безусловно, является более благоприятной средой обитания по сравнению с городом, хотя и уступает ему по многим бытовым удобствам. Агропромхозы с комфортным жильем, хорошими социально-бытовыми условиями, но самое главное — привлекательной, доходной работой рядом с домом — это то, что отвечает запросам современного человека. «Российская земля может прокормить всех живущих на ней, а также обеспечить хорошие жизненные условия как для них, так и для последующих поколений» [8].

В заключение подчеркнем, что требование эффективно использовать землю в настоящее время приобрело статус социального заказа. Предлагаемые учеными и практиками программы совершенствования сельского хозяйства страны дополняют общую государственную стратегию их реализации. Подтверждением тому может быть, например, то, что на одном из заседаний Государственного Совета (9 октября 2012 года) Президент Российской Федерации В.В. Путин поручил группе специалистов разработать программу «Повышения эффективности управления земельными ресурсами в интересах граждан и юридических лиц», поскольку наш «земельный потенциал все еще реализуется малоэффективно» [13]. Действительно, эта сфера поддается реформированию крайне сложно и медленно, однако в последние шесть-семь лет ситуация стала меняться в лучшую сторону.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Иванов В.Н.* Частная собственность в общественном мнении россиян (по материалам исследования) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2008. № 3.
- [2] *Киселев А.Г.* Авторитет и сила власти // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2000. № 2.
- [3] *Киселев А.Г.* Региональная управленческая информация в государственном управлении: социологический анализ, опыт, проблемы. М., 2003.
- [4] *Киселев А.Г., Киричек П.Н.* Информация в периметре управления: алгоритмы реконструкции // *Социологическая наука и социальная практика*. 2016. № 1.
- [5] *Киселев А.Г., Шилина С.А.* Управленческий дискурс как социальная коммуникативная технология в системе отношений государства и социума. М., 2017.

- [6] *Ключникова Т.Н.* Каналы социального взаимодействия государства и общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2010. № 3.
- [7] *Комов Н.В.* Российская модель землепользования и землеустройства. М., 2001.
- [8] Концепция плана возрождения российского села // <http://www.kpe.ru/video-foto-materialy/seminary-po-kob-vystupleniya/1292-vozhrojdenye-rossyiskogo-sela>.
- [9] *Куракин А.А.* Неклассические сельскохозяйственные кооперативы Белгородской области: как власть учреждает кооперацию // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2012. № 4.
- [10] Национальная идея России. В 6 т. Т. I. М., 2012.
- [11] *Никулин А.М.* От постколхоза к олигархозу // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2011. № 2.
- [12] *Никулин А.М., Троцук И.В.* Сельское развитие Финляндии: взаимодействие государства, фермеров и науки (возможные уроки для России) // Мир России. 2014. № 3.
- [13] *Путин В.В.* О повышении эффективности управления земельными ресурсами в интересах граждан и юридических лиц // <http://professional.ru/Soobschestva/futurpolis/v-putin-o-povyshenii-effektivnosti-92674548>.
- [14] СССР в 1928—1941 гг. // http://studopedia.su/2_8486_ssr-v---gg.html.
- [15] *Сталин И.В.* Речь на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников // Сочинения в 16 тт. Т. 13 // <http://www.hrono.ru/libris/stalin/13-44.html>.
- [16] *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989.
- [17] *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства // Избранные труды. М., 1991.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-481-490

MODELS OF STATE REFORMS IN AGRICULTURE: PAST AND PRESENT*

A.G. Kiselev¹, S.A. Shilina²

¹Editorial Board of Presidential Control

Malaya Nikitskaya St., 19-1, Moscow, 121069, Russia

²Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky

Bezhitskaya St., 14, Bryansk, 241036, Russia

(e-mail: alexandr.profession@yandex.ru, supershili2012 @yandex.ru)

Abstract. The article outlines social and economic consequences of collectivization to compare this state policy with the changes in agriculture in the 1990s, and to estimate chances of the Russian agriculture to overcome the current crisis. The article is based on archive data on collectivization and on the program developed by the Academy of High Ecotechnologies. The authors believe that at the time of collectivization, it was a way to optimize agriculture: largely due to collectivization, though with all its losses and ‘extremes’, the soviet agriculture was partially industrialized and provided the country with food in the hardest years of the Great Patriotic War and in the post-war period, thus ensuring the food security of the Soviet state. The ‘emergency’ model of the so-called ‘return to civilization’ that was adopted under the reforms of the 1990s aimed at turning the collective farmer into an individual farmer or a rural waged worker, but such a social ‘migration’ strategy imposed ‘from above’ deformed the rural social stratum and determined serious economic problems. Today the authors consider the neo-collective farms as a promising perspective. They also support the program developed by the Academy of High Ecotechnologies for intensification of agricultural production on the basis of progressive domestic and foreign technologies, which will allow

* © A.G. Kiselev, S.A. Shilina, 2017.

to increase the agricultural production in the next three to five years by several times. In particular, for more effective use of agricultural technologies and processing industries, the program suggests developing the enlarged organizational-economic structures — ‘agropromkhozoes’.

Key words: collectivization; peasantry; agriculture; social consequences; economic consequences; intensification

REFERENCES

- [1] Ivanov V.N. Chastnaya sobstvennost v obschestvennom mnenii rossiyan (po materialam issledovaniya) [Private property in the public opinion of Russians (based on the survey results)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2008; 3 (In Russ.).
- [2] Kiselev A.G. Avtoritet i sila vlasti [Authority and power]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*. 2000; 2 (In Russ.).
- [3] Kiselev A.G. *Regionalnaya upravlencheskaya informatsiya v gosudarstvennom upravlenii: sotsiologicheskii analiz, opyt, problemy* [Regional Management Information in Public Administration: Sociological Analysis, Experience, Problems]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [4] Kiselev A.G., Kirichek P.N. Informatsiya v perimetre upravleniya: algoritmyi rekonstruktsii [Information in management: Reconstruction algorithms]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*. 2016; 1 (In Russ.).
- [5] Kiselev A.G., Shilina S.A. *Upravlencheskiy diskurs kak sotsialnaya kommunikativnaya tekhnologiya v sisteme otnosheniy gosudarstva i sotsiuma* [Management Discourse as a Social-Communicative Technology in the System of State-Society Relations]. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [6] Klyuchnikova T.N. Kanalyi sotsialnogo vzaimodeystviya gosudarstva i obschestva [Channels of State-Society Social Interaction]. *RUDN Journal of Sociology*. 2010; 3 (In Russ.).
- [7] Komov N.V. *Rossiyskaya model zemlepolzovaniya i zemleustroystva* [Russian Model of Land Use and Land Management]. Moscow; 2001 (In Russ.).
- [8] Kontseptsiya plana vozrozhdeniya rossiyskogo sela [The concept-plan for the revival of the Russian village]. <http://www.kpe.ru/video-foto-materialy/seminary-po-kob-vystupleniya/1292-vozrojdenye-rossiyskogo-sela> (In Russ.).
- [9] Kurakin A.A. Neklassicheskie selskohozyaystvennyie kooperativyi Belgorodskoy oblasti: kak vlast uchrezhdaet kooperatsiyu [Nonclassic agricultural cooperatives in the Belgorod Region: How local authorities establish cooperation]. *RUDN Journal of Sociology*. 2012; 4 (In Russ.).
- [10] *Natsionalnaya ideya Rossii* [Russian National Idea]. 6 vol. Vol. I. Moscow; 2012 (In Russ.).
- [11] Nikulin A.M. Ot postkolhoza k oligarhozu [From postkolkhoz to oligarkhoz]. *RUDN Journal of Sociology*. 2011; 2 (In Russ.).
- [12] Nikulin A.M., Trotsuk I.V. Selskoe razvitie Finljandii: vzaimodeystvie gosudarstva, fermerov i nauki (vozmozhnye uroki dlja Rossii) [Rural development of Finland: interaction of the state, farmers and science (possible lessons for Russia)]. *Mir Rossii*. 2014; 3 (In Russ.).
- [13] Putin V.V. O povyshenii effektivnosti upravleniya zemelnymi resursami v interesah grazhdan i yuridicheskikh lits [On increasing the effectiveness of land management in the interests of citizens and legal entities]. <https://professional.ru/Soobschestva/futurpolis/v-putin-o-povyshenii-effektivnosti-92674548> (In Russ.).
- [14] SSSR v 1928—1941 gg. [USSR in 1928—1941]. http://studopedia.su/2_8486_ssr-v-gg.html (In Russ.).
- [15] Stalin I.V. Rech na pervom Vsesoyuznom s'ezde kolhoznikov-udarnikov [Speech at the First All-Union Congress of Collective Farmers-Record-Setters]. *Sochineniya*. 16 vols. Vol. 13. <http://www.hrono.ru/libris/stalin/13-44.html> (In Russ.).
- [16] Chayanov A.V. *Krestyanskoe hozyaystvo. Izbrannyye trudy* [Peasant Economy. Selected Works]. Moscow; 1989 (In Russ.).
- [17] Chayanov A.V. Organizatsiya krestyanskogo hozyaystva [Organization of peasant economy]. *Izbrannyye trudy*. Moscow; 1991 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-491-502

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ*

И.В. Орлова¹, Ю.С. Перфильев²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 84, Москва, 119571, Россия
(e-mail: iksi02@rambler.ru, iv.orlova@migsu.ru)

²Российский государственный гуманитарный университет
Миусская площадь, д. 6, Москва, 125993, Россия
(e-mail: perfilyev.yuriy@gmail.com)

В статье рассматриваются современные западные и отечественные типологии политических режимов и их применимость для типологизации российских регионов. По итогам анализа существующих политологических концепций авторы останавливают свой выбор для использования при исследовании российских региональных политических режимов на традиционной типологии, основанной на электоральной конкуренции, а также на методологии выявления региональных сценариев, предложенной В.Я. Гельманом. Для исследования авторы используют кейс Иркутской области — региона с высокой внутренней конфликтностью элит, где за короткий период сменилось несколько глав региона. На основе данных по современной политической истории авторы проводят анализ регионального политического режима Иркутской области. Анализ проводится по следующим критериям: демократичность/авторитарность, консолидация/олигополия власти, компромиссные/силовые взаимоотношения правящей элиты. По результатам проведенного анализа в регионе обнаружено существование внутренней системы «сдержек и противовесов». Эта система ограничивает попытки сильных политиков монополизировать власть в регионе. Когда один политический игрок набирает слишком большой вес, против него объединяются другие центры силы и совместными усилиями возвращают ситуацию к положению status quo. Региональный политический режим Иркутской области характеризуется относительно высоким уровнем политической конкуренции, однако при этом является частью неконкурентного политического режима Российской Федерации, поэтому отнесен авторами к типу «гибридная демократия». Анализ внутриэлитных отношений в исследуемом регионе выявил высокую конфликтность с доминирующим сценарием взаимодействия региональной элиты в форме «война всех против всех».

Ключевые слова: политический режим; региональный режим; типология; Иркутская область; региональная элита; губернаторы; политический конфликт

В Российской Федерации с ее de facto ассиметричным федеративным устройством и самым большим в мире количеством административных единиц первого уровня региональная политика всегда вызывает интерес. Несмотря на рецентрализацию власти и унификацию законодательства в 2000-х гг., в российских регионах сохраняется большое разнообразие форм политической жизни. В одном государст-

* © Орлова И.В., Перфильев Ю.С., 2017.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-33-01034 (а2) «Факторы карьерной мобильности в политической деятельности в современной России».

ве сосуществуют такие разные регионы, как Республика Чечня и Томская область, Чукотский край и город федерального значения Москва, Ямало-Ненецкий автономный округ и Республика Тыва. Однако при принятии управленческих решений на федеральном уровне зачастую не учитываются различия в политическом функционировании регионов страны, т.к. отсутствует единая методология анализа внутривнутриполитической ситуации в субъектах Российской Федерации. В некоторых случаях управленческие и кадровые решения Центра могут нести для регионов деструктивные последствия. В целях улучшения качества принятия политических решений актуальной является работа по типологизации наиболее проблемных региональных политических режимов.

Для достижения этой цели мы используем современные концепции региональных политических режимов и применяем их для характеристики одного из российских регионов — Иркутской области в период 2000—2015 гг. Выбор Иркутской области в качестве объекта исследования объясняется интенсивностью политических перемен в этом регионе и частотой его появления в федеральной повестке: в 2006 г. в связи с объединением в один регион с Усть-Ордынским Бурятским автономным округом, в 2010 г. — победой на выборах мэра г. Иркутска оппозиционного кандидата и вновь в 2015 г. из-за нетипичного для современной России поражения на губернаторских выборах главы региона действующего губернатора С.В. Ерошенко. Выбор временного отрезка вызван переходом страны в качественно новый этап регионального развития, который был вызван административными и политическими реформами Президента В.В. Путина в начале 2000-х гг.

КОНЦЕПТ «РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ» И ЕГО ТИПОЛОГИИ

Наиболее употребляемым в политической науке является определение «политического режима», предложенное Г. О’Доннелом и Ф. Шмиттером, которые понимают его как «совокупность явных и скрытых моделей, которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристики акторов и используемых ими стратегий» [1]. В.Я. Гельман определяет «региональный политический режим» как совокупность акторов политического процесса в регионе, институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и удержание власти [3]. Однако в данном исследовании авторы будут использовать определение Р.Ф. Туровского, который описывает политический режим как «существующую на определенной территории взаимосвязанную совокупность политических акторов (с их методами властвования, ресурсами, целями и стратегиями) и институтов (понимаемых и как организации, и как нормы, правила игры)» [11. С. 79].

В политической науке существует много вариантов типологий политических режимов. Классическая типология представляет собой оценку демократичности режима и восходит к транзитологическим исследованиям Х. Линца, А. Пшеворского, А. Степана, Й. Шумпетера, А. Мельвиля и др. [1; 7]. В соответствии с ней политические режимы делятся на: демократические, авторитарные, тоталитарные, посттоталитарные и т.д. Г. О’Доннел предложил концепт «делегативной демокра-

тии» для государств, где при формальном наличии всех демократических процедур и институтов глава исполнительной власти не подотчетен никаким иным институтам, роль законодательной власти и неправительственных акторов снижена, а власть персонализирована в одном человеке, который является воплощением нации и главным интерпретатором ее интересов [16. С. 12]. Другими учеными разработаны похожие типологии политических режимов, не являющихся полными демократиями или автократиями. Такими концепциями являются: «режим-гибрид» Л. Шевцовой, «дефектная демократия» В. Меркеля и А. Круассана, «авторитарная демократия» Р. Саквы, «демократура» Ф. Шмиттера и др. [1. С. 69]. Для удобства пограничное состояние политического режима между демократией и авторитаризмом в этой работе мы будем называть «гибридным режимом».

Выше мы говорили про типологии национальных политических режимов, но каковы типологии региональных режимов? В России, которая, по мнению ряда исследователей, является квази-федеративным государством, региональный режим является территориально-административным продолжением национального режима [2. С. 18]. В таком случае региональный политический режим по характеристикам демократичности не может сильно отличаться от национального, поэтому если для страны характерен «гибридный режим», то и отдельно взятый регион будет в той или иной степени соответствовать этому типу. Однако заметные отклонения от ситуации «средней по стране» все же возможны, поэтому в целях плодотворного изучения кейса Иркутской области в нашем исследовании мы постараемся найти место исследуемого нами региона в общероссийской системе.

Р.Ф. Туровский предлагает методологию исследований региональных политических режимов в виде трех осей: «демократия — авторитаризм», «монополия — олигополия», «автономия — зависимость» [11]. Единицами анализа являются политические действия, на основе которых возможно построение типологий региональных политических режимов. Также актуальной, на наш взгляд, является типология, разработанная В.Я. Гельманом, и опирающаяся на соотношение ресурсов ведущих акторов в региональной политике и стратегию их взаимодействия [3]. Так, режим может иметь одного доминирующего актора или в нем может быть несколько сильных игроков. Двумя возможными стратегиями взаимодействия представителей региональной элиты между собой являются силовая и компромиссная.

Исходя из двух возможных типов распределения властных ресурсов и двух стратегий взаимодействия, В.Я. Гельман предлагает четыре возможных сценария развития регионального политического процесса:

1. «Война всех против всех». Отсутствие доминирующего актора и силовая стратегия взаимодействия элит.
2. «Победитель получает все». Наличие доминирующего актора, который предпочитает силовую стратегию.
3. «Сообщество элит». Наличие доминирующего актора, ориентированного на достижение компромисса с более слабыми представителями региональной элиты.
4. «Борьба по правилам». Отсутствие доминирующего актора при склонности региональной элиты к компромиссным договоренностям [3].

На практике любой из сценариев редко реализуется в чистом виде, но определить тип регионального режима все же возможно.

В данном исследовании мы применим подходы Р.Ф. Туровского и В.Я. Гельмана для определения места политического режима Иркутской области в 2000—2015 гг. в вышеупомянутых типологиях.

ОСЬ «ДЕМОКРАТИЯ — АВТОРИТАРИЗМ»

По оценкам ведущих мировых индексов демократичности Freedom House (несвободная страна), Polity IV (анократия) и The Economist Democracy Rating (авторитаризм) Россия попадает либо в категорию «авторитаризм», либо в близкую по смыслу категорию «гибридный режим» [14; 15; 17]. В экспертном рейтинге демократичности регионов Московского центра Фонда Карнеги Иркутская область в период 2001—2011 гг. стабильно находится в первой пятерке наиболее демократичных регионов страны вместе со Свердловской областью, Санкт-Петербургом и Республикой Карелия [8]. Рейтинг учитывает различные стороны региональной политической жизни: открытость/закрытость, независимость СМИ, соревновательность избирательных кампаний, коррупцию, плюрализм и сменяемость элит.

Коллективом исследователей в рамках работы Лаборатории методологии оценки регионального развития НИУ ВШЭ, в которой работал и один из соавторов данной статьи в 2015 г., разработан количественный Индекс электоральной демократии [10]. С помощью методологии рейтинга на основе электоральной статистики был вычислен Индекс электоральной демократии Иркутской области. На рисунке 1 представлено сравнение Иркутской области с общероссийским индексом электоральной демократии. По рисунку заметно, что динамика области следует общероссийской тенденции изменения электоральной демократии до 2010 г., но затем возрастает. Абсолютные показатели региона значительно превосходят общероссийские.

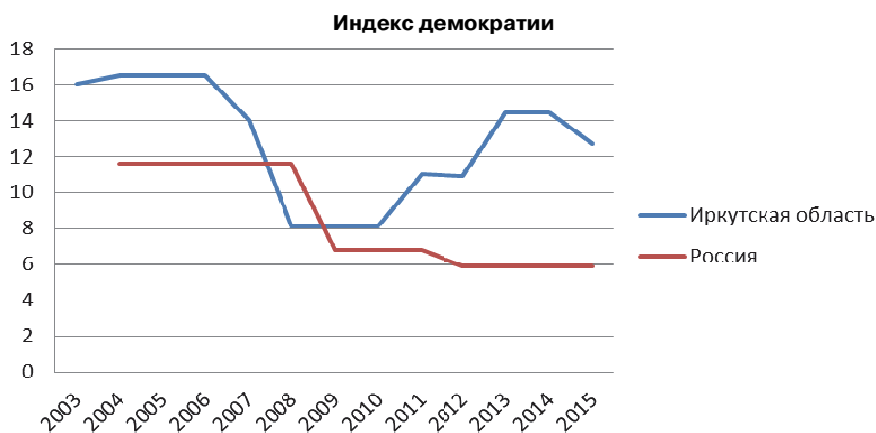

Рис. 1. Индекс электоральной демократии Иркутской области и России

Исходя из упомянутых рейтингов, построенных по абсолютно разным методологиям, мы можем сделать вывод о том, что по внутрироссийским меркам Иркутская область является одним из самых демократичных регионов, который имеет

относительно высокий уровень электоральной конкуренции и политического плюрализма. Учитывая балансирующий между «гибридным режимом» и «авторитаризмом» характер оценки демократичности России и статус Иркутской области как одного из самых демократичных регионов страны, мы отнесем исследуемый регион в категорию «гибридный режим».

ОСЬ «МОНОПОЛИЯ — ОЛИГОПОЛИЯ»

Вопрос о наличии властной монополии в региональной политике фактически сводится к определению ситуации, где вся власть сосредоточена в руках губернатора и его клиентелы, или же наличия в регионе других групп (как минимум еще одной), которые оказывают прямое влияние на принятие политических решений и не могут быть проигнорированы губернатором. Значимые акторы могут присутствовать как в среде законодательной власти региона (например, спикер регионального Законодательного собрания), в местном самоуправлении (например, мэр столицы региона) и федеральных органах власти в регионах (главы региональных управлений ФСБ, СК, МВД и т.д.). Ключевым является вопрос: может ли глава региона без согласования с другими акторами принимать ключевые кадровые и политические решения?

Начать изучение регионального режима Иркутской области следует с рассмотрения автономии законодательной власти от главы исполнительной власти и правительства. По состоянию на ноябрь 2015 г. Законодательное собрание Иркутской области по Уставу Иркутской области имеет следующие полномочия, связанные с контролем исполнительной власти региона: 1) право согласования назначения на должность первого заместителя губернатора Иркутской области — Председателя Правительства Иркутской области; 2) возможность назначения и освобождения от должности председателя Контрольно-счетной палаты Иркутской области, заместителя председателя Контрольно-счетной палаты Иркутской области, аудиторов Контрольно-счетной палаты Иркутской области; 3) назначение голосования по отзыву губернатора Иркутской области; 4) оформление решения о недоверии губернатору Иркутской области; 5) оформление результатов рассмотрения Законодательным собранием Иркутской области ежегодных отчетов губернатора Иркутской области о результатах деятельности Правительства Иркутской области [12]. Также региональный парламент вправе обходить отклоненный губернатором Иркутской области закон в ранее принятой редакции большинством не менее двух третей голосов от установленного числа депутатов Законодательного собрания [4].

Легислатура имеет широкий перечень полномочий и юридически способна ограничивать деятельность губернатора по ряду значимых вопросов, что нередко случалось в практике взаимодействия Законодательного собрания и губернатора на протяжении 2000—2015 гг. В этот период отношения двух ветвей власти зачастую были конфликтными, губернатор области налагал вето на решения парламента 8 раз, из которых 6 были преодолены парламентом [9. С. 201].

Анализ отношений местного самоуправления и исполнительной власти в Иркутской области позволяет утверждать, что муниципальные лидеры на протяжении 2000—2015 гг. постепенно лишались своей политической субъектности. По-

ложение муниципалитетов Иркутской области в финансовой составляющей не способствует их автономии в отношениях с губернаторами, т.к. более 70% муниципалитетов региона являются высокодотационными [13. С. 19].

В соответствии с Уставом Иркутской области губернатор имеет право совершать следующие действия: 1) вносить в Законодательное собрание Иркутской области проекты законов Иркутской области о роспуске представительных органов муниципальных образований Иркутской области; 2) отрешать глав муниципальных образований Иркутской области, глав местных администраций от должности; 3) принимать решение о временном осуществлении исполнительными органами государственной власти Иркутской области полномочий органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области; 4) единолично либо совместно с представительным органом муниципального образования Иркутской области, главой муниципального образования Иркутской области обращаться в Арбитражный суд Иркутской области с ходатайством о введении временной финансовой администрации в муниципальном образовании Иркутской области [12]. По Уставу Иркутской области губернатор имеет большие репрессивные полномочия по отношению к руководству органов местного самоуправления региона, однако в течение 2000—2015 гг. эти полномочия не применялись.

Тем не менее, в изучаемый нами период происходили случаи успешного оппонирования мэра Иркутска губернаторам. Оппозицию собиравшемуся идти на третий губернаторский срок Б.А. Говорину в 2004 г. возглавил мэр Иркутска В.В. Якубовский, которому удалось обеспечить на выборах в Законодательное собрание избрание ряда своих сторонников [9. С. 95]. Возникшая конфликтная ситуация побудила Президента не переназначать Говорина губернатором. Другой случай противостояния мэра и губернатора возник осенью 2015 г. после победы на губернаторских выборах С.Г. Левченко. Смененные новым губернатором министры регионального правительства были приняты на работу в администрацию города Иркутска мэром Д.В. Бердниковым, который занял оппозиционную и критическую к новому губернатору позицию. Таким образом, иркутские мэры обладают значительным политическим влиянием и способны ограничивать власть губернаторов.

Другим важным индикатором наличия или отсутствия в регионе властной монополии является способность губернатора и его сторонников принимать важные политические решения без учета позиций других властных групп. Губернатор Иркутской области с 1997 по 2005 г. Б.А. Говорин, несмотря на множество союзников в частном секторе и политике, не мог считаться обладателем монополии в региональной политике, что доказывается двумя показательными примерами. Первый пример связан с его проблемным избранием на второй срок в 2001 г., когда Говорин лишь на незначительное количество голосов обошел кандидата от КПРФ С.Г. Левченко во втором туре губернаторских выборов [6]. Определенно, действующий губернатор, который проходит через процедуру переизбрания лишь с минимальным перевесом в голосах, не является средоточием всей власти в регионе, т.к. в регионе существует еще, как минимум, одна политическая группировка, составившая сильную конкуренцию на проведенных выборах.

Вторым показателем наличия олигополии в региональной политике Иркутской области является неудача Б.А. Говорина в попытке организовать референдум по объединению Иркутской области с Усть-Ордынским Бурятским автономным округом в 2004 г. Губернатору не удалось преодолеть сопротивление объединению внутри региона, что стало возможной причиной его смены в 2005 г. [5. С. 125]. Исходя из этих двух важных кейсов эпоху губернаторства Б.А. Говорина можно определить как олигополию.

Пришедший на смену А.Г. Тишанин смог успешно реализовать референдум по объединению двух регионов, однако уже с конца 2006 г. начался его перманентный конфликт с региональной элитой, лидером которой стал спикер легислатуры В.К. Круглов. Первому иркутскому губернатору-«варягу» бескомпромиссностью удалось сплотить против себя большую часть региональной элиты. Тишанин стремился консолидировать власть, расставить на ключевые посты в администрации лояльных людей, зачастую также «варягов», но столкнулся с все возрастающим сопротивлением. В конце 2007 г. после обсуждения итогов социально-экономического развития Иркутской области Заксобрание признало работу губернатора неэффективной [5. С. 69]. В марте 2008 г. депутаты легислатуры написали коллективное письмо Президенту России с просьбой отправить в отставку А.Г. Тишанина. Менее чем через месяц он ушел в отставку. При таком исходе событий легко определить, что и в этот период регион сохранил олигополию власти.

И.Э. Есиповский пробыл губернатором области всего год, т.к. погиб, разбившись на вертолете в 2009 г. Следующий за ним губернатор-«варяг» Д.Ф. Мезенцев, пробывший на посту главы региона с 2009 по 2012 г., несмотря на более компромиссные отношения с региональной элитой, также не сумел сконцентрировать власть в своих руках. Признаком сохранения конкуренции в региональном режиме стали выборы мэра Иркутска в 2010 г. Д.Ф. Мезенцев поддерживал кандидата партии Единая Россия, который проиграл своему сопернику, выдвинутому КПРФ, набрав вдвое меньше голосов. Это было одно из самых заметных поражений партии власти в России в 2010 г.

Сменивший в 2012 г. Мезенцева уроженец Иркутской области С.В. Ерощенко приложил все усилия для консолидации власти. В 2013 г. на выборах в региональную легислатуру ему, тогда еще пользовавшемуся популярностью у населения, удалось обеспечить формирование относительно лояльного Законодательного собрания. В 2014 г. непосредственно при участии Ерощенко в Иркутске были отменены прямые выборы мэра, которым из числа депутатов Думы г. Иркутска избран его политический союзник Д.В. Бердников. С.В. Ерощенко стремился консолидировать власть за счет лишения политических ресурсов альтернативных губернатору институтов власти и групп влияния. В итоге, несмотря на успехи в этом процессе первых лет его губернаторства, против главы региона возникла коалиция региональных акторов, сплоченная вокруг фигуры депутата Государственной Думы от КПРФ С.Г. Левченко и крупного предпринимателя А.С. Битарова. В сентябре 2015 г. С.В. Ерощенко пошел на досрочные выборы главы региона, чтобы улучшить свое положение, но проиграл С.Г. Левченко по итогам второго тура голосования.

СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

В.Я. Гельман, как указано выше, определяет две основные стратегии взаимодействия элит: силовую и компромиссную [3]. В случае превалирования компромиссного стиля межэлитных конфликтов немного, решаются они путем переговоров и посредством гражданских институтов. При этой стратегии основные акторы признают друг за другом право на участие в управлении регионом, распоряжении его ресурсами и определяют границы своего влияния. Силовая стратегия взаимодействия элит означает большую конфликтность элит, использование силовых структур в политической борьбе, применение насилия, борьбу посредством лишения оппонентов материальных активов и зачастую свободы. В этой логике соперники ведут «игру с нулевой суммой», где победа одной стороны означает поражение другой.

Определить доминирующую стратегию поведения элиты можно путем изучения выходящих в публичную плоскость внутриэлитных конфликтов в регионе или же, напротив, по их показательному отсутствию. Особенно ярко конфликты вспыхивают во время «искусственного политического кризиса» — выборов и после их завершения. Также противостояние элит усиливается во время экономических проблем, когда источники материальных ресурсов истощаются и за них начинается ожесточенная борьба. Б.А. Говорин придерживался силовой стратегии во взаимодействии с иркутской региональной элитой. Острый конфликт, который в итоге потребовал вмешательства полномочного представителя Президента в СФО Л.В. Драчевского, возник в 2000 г. между губернатором и группой «энергетиков», представленной в Законодательном собрании и топ-менеджменте Иркутскэнерго [5. С. 68]. Длительный конфликт завершился отставкой лидера группы — спикера регионального парламента В.М. Боровского. Следующий спикер Заксобрания С.И. Шишкин также вступил в конфликт с губернатором, но Б.А. Говорин снова добился отставки своего оппонента, но вскоре возникла еще более сильная оппозиция, возглавляемая мэром Иркутска В.В. Якубовским, которая смогла блокировать проведение референдума по объединению с Усть-Ордой [9. С. 95]. По мнению ряда экспертов, конфликтность была присуща Б.А. Говорину, поэтому, давая оценку силовой стратегии как доминирующей во время его правления, нужно учитывать чисто субъективные факторы, связанные с личностью первого лица региона [5. С. 70].

Силовой стратегии придерживался и А.Г. Тишанин. Перейдя на работу в кресло губернатора Иркутской области с поста директора Восточно-Сибирской железной дороги, Тишанин не изменил своего стиля руководства. Бескомпромиссность, жесткость, желание реализовать личные амбиции, неуважение к местной элите и неожиданные кадровые решения нового главы региона вначале вызвали недовольство, а затем открытую оппозицию со стороны большей части региональной элиты, собранной в Заксобрании региона. Затянувшееся внутриэлитное противостояние часто переходило в публичные скандалы. Итогом стало уже упомянутое выше признание Заксобранием деятельности Тишанина неэффективной и коллек-

тивное письмо Президенту с просьбой отправить его в отставку [5. С. 73]. Тишанин не злоупотреблял вовлечением силовых органов в борьбу с политическими оппонентами, однако сам характер авторитарного правления и борьба с ним региональной элиты позволяют определить силовую стратегию доминирующей в это время.

Следующие губернаторы — И.Э. Есиповский и Д.Ф. Мезенцев, — напротив, придерживались компромиссной стратегии межэлитного взаимодействия. Оба этих губернатора-«варяга» изначально рассматривали свое пребывание в Иркутске как временное, поэтому не посягали на устоявшиеся границы влияния региональных группировок. Единственная попытка изменить сложившееся *status quo* губернатором Мезенцевым в 2010 г. в виде смены мэра Иркутска завершилась провалом и отступлением главы региона. Губернатор С.В. Ерощенко занял более жесткую позицию по отношению к другим представителям региональной элиты. У него, как уроженца региона, были более прочные отношения с местной элитой и руководителями федеральных структур на территории Иркутской области. Три года его губернаторства были отмечены рядом крупных скандалов и преследований оппонентов. Наиболее значимым был конфликт Ерощенко с депутатом Заксобрания и бизнесменом А.С. Битаровым. Конфликт вышел в публичное и даже уличное пространство, сопровождался массовыми митингами и «войной» в СМИ. Борьба стала бескомпромиссной: обе стороны привлекали силовиков, которые завели дело на одного из членов правительства Ерощенко, а Иркутское отделение Следственного комитета РФ завело дело на сына С.Г. Левченко. Противостояние продолжалось вплоть до сентября 2015 г., когда состоялись выборы губернатора, но после этого оно лишь перешло в другую форму.

Исходя из анализа межэлитного взаимодействия в 2000—2015 гг., силовой способ является доминирующим во взаимодействии региональной элиты области. Губернаторы Иркутской области часто стремились действовать по принципу «победитель получает все», однако использование этой стратегии чаще приводило их к неудачам. История региона показывает, что, используя силовую стратегию, ни один губернатор так и не смог сконцентрировать власть в своих руках, хотя такие попытки предпринимались (неявно — Б.А. Говориным и явно — А.Г. Тишаниным и С.В. Ерощенко).

Сложность консолидации власти в Иркутской области объясняется наличием в регионе нескольких значимых экономических акторов (Роснефть, РУСАЛ, Газпром, Иркутскэнерго, строительный бизнес-кластер Иркутска и др.), бизнес-интересы которых часто противоречат друг другу. Корпорации и крупные региональные компании, преследуя свои интересы, поддерживают разные стороны в политическом процессе, что стимулирует политическую конкуренцию и не дает одному актору сконцентрировать все властные ресурсы. Также имеет значение сложившаяся традиция, которую можно считать неформальным институтом, по которой против сильнейшего политика в регионе при попытке нарушения *status quo* и принятых правил игры формируется мощная элитная коалиция, которая становится тем сильнее, чем больше сил набирает гегемон. В результате развернувшейся

борьбы коалиция, как правило, побеждает, после чего достигается равновесие — до тех пор, пока не появится новый нарушитель, и борьба не вспыхнет вновь. Таким образом, в регионе существует система «сдержек и противовесов», которая не позволяет крупным акторам (даже если это пользующийся поддержкой федерального центра и госкорпораций губернатор) создать в регионе режим единоличного правления и сконцентрировать все властные и экономические ресурсы.

Итак, учитывая балансирующий между авторитаризмом и «гибридной демократией» характер политического режима Российской Федерации, региональный политический режим Иркутской области, который по оценкам ведущих индексов демократии является одним из наиболее демократичных в стране, близок к полюсу, тяготеющему к типу «гибридный режим». Олигополический характер распределения власти вместе с перманентными внутриэлитными конфликтами и склонностью к силовой стратегии взаимодействия, по типологии В.Я. Гельмана, позволяют определить региональный политический режим Иркутской области как функционирующий в рамках сценария «война всех против всех». Тем не менее, в регионе существует неформальная система «сдержек и противовесов», не позволяющая одной элитной группе консолидировать власть. Электоральным последствием этого является относительно высокий уровень политической конкуренции, зафиксированный в различных рейтингах демократичности. Эти характеристики регионального политического режима Иркутской области необходимо учитывать федеральному центру при принятии политических решений в отношении региона, стремиться поддерживать конструктивный и компромиссный тип взаимодействия элит и не подталкивать регион к очередному внутриэлитному противостоянию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Баранов А.В. Региональные политические режимы России в системе властных отношений: проблемы типологии // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4.
- [2] Гайворонский Ю.О. Влияние политики федерального центра на трансформацию региональных политических режимов в России. М., 2015.
- [3] Гельман В.Я. Трансформации и режимы. Неопределенность и ее последствия // Россия регионов: трансформация политических режимов. М., 2000.
- [4] Закон Иркутской области о законодательном собрании Иркутской области. Ред. от 22.04.2016.
- [5] Зуляр Ю.А. Институт губернаторства как отражение политической системы современной России: иркутский сюжет // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2014.
- [6] История выборов и назначений губернаторов Иркутской области с 2001 г. // <http://tass.ru/info/2290897>.
- [7] Мельвиль А.Ю., Миронюк М.Г., Стукал Д.К. Государственная состоятельность, демократия и демократизация // Политическая наука. 2012. № 4.
- [8] Петров Н.В., Титков А.С. Рейтинг демократичности регионов: 10 лет в строю. М., 2013.
- [9] Современная история Иркутской области: 1992—2012 годы. В 2 т. Т. 2, ч. 1 / Ю.А. Зуляр, Т.Л. Курас, А.В. Петров, Т.Г. Эпова. Иркутск, 2013.
- [10] Титков А.С. Индекс демократии для регионов России: динамика 1990-х — 2010-х годов // Вестник Пермского университета. Политология. 2016. № 2.

- [11] *Туровский П.Ф.* Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Политические исследования. 2009. № 2.
- [12] Устав Иркутской области. Ред. от 22.04.2016. Принят постановлением Законодательного Собрания Иркутской области от 15 апреля 2009 года № 9/5-3С.
- [13] *Шмакова С.А.* Межбюджетные отношения в Российской Федерации: правовой аспект: Автореф. дис. к.ю.н. М., 2013.
- [14] Democracy Index 2016 // <http://www.eiu.com/topic/democracy-index>.
- [15] Freedom in the World 2016 // <https://freedomhouse.org/report/freedom-world>.
- [16] *O'Donnell G.* Counterpoints. Selected essays on authoritarianism and democratization. Notre Dame, 1999.
- [17] Polity IV Project. Political Regime Characteristics and Transitions, 1800—2013 // <http://www.systemicpeace.org/polity/rus2.htm>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-491-502

TYPES OF POLITICAL REGIMES IN THE IRKUTSK REGION*

I.V. Orlova¹, I.S. Perfilyev²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: iksi02@rambler.ru, iv.orlova@migsu.ru)

²Russian State University of Humanities
Miuskaya Square, 6, Moscow, 125993, Russia
(e-mail: perfilyev.yuriy@gmail.com)

Abstract. The authors consider contemporary western and Russian classifications of regional political regimes and their applicability for Russia. Based on the analysis of political theories, the authors chose the traditional typology of regional political regimes focusing on the minimalist interpretation of democracy (electoral competition) and methods for identifying regional scenarios introduced by V.Ya. Gelman. The authors study the case of the Irkutsk Region as a region with conflicting elites, in which in a short period several regional heads were replaced. Based on the contemporary political history, the authors analyze the regional political regime using the following criteria: democracy/autocracy, consolidation/oligopoly, compromise/conflict relations within the ruling elite. The results of the analysis prove the existence of checks and balances in the political system of the Irkutsk Region. Such a system restrains strong politicians attempts to monopolize the political power in the region. When any political player gains too much influence, other centers of power unite against him and together return the situation to the status quo. The political regime of the Irkutsk Region ensures a relatively high level of political competition, at the same time it is a part of the uncompetitive political regime of the Russian Federation, therefore it is a ‘hybrid democracy’. The authors’ analysis of intra-elite relations in the region revealed a high predisposition to conflicts with the dominant scenario of ‘war of all against all’.

Key words: political regime; regional regime; typology; Irkutsk Region; regional elites; governors; political conflict

* I.V. Orlova, I.S. Perfilyev, 2017.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. The project No. 17-33-01034 (a2) “Factors of political career mobility in contemporary Russia”.

REFERENCES

- [1] Baranov A.V. Regional'nie politicheskie regimi Rossii v sisteme vlastnih otnosheniy: problemy tipologii [Regional political regimes in Russia within the system of power relations: The typology problem]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2012; 4 (In Russ.).
- [2] Gaivoronskiy I.O. *Vliyanie politiki federal'nogo centra na transformatsiyu regional'nih politicheskikh regimov* [Federal Center Influence on Regional Political Regimes Transformation]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [3] Gelman V.Y. *Transformatsii i regimi. Neopredelennost' i ee posledstvia* [Transformations and Regimes. Uncertainty and Its Consequences]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [4] *Zakon Irkutskoj oblasti o zakonodatel'nom sobranii Irkutskoj oblasti* [Irkutsk Region Law on the Legislative Assembly of the Irkutsk Region] (In Russ.).
- [5] Zulyar I.A. *Institut gubernatorstva kak otrazhenie politicheskoi sistemi sovremennoi Rossii: irkutskii szjuzhet* [Institute of Governorship as a Reflection of the Political System of Contemporary Russia: The Irkutsk Case]. Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik. Irkutsk; 2014 (In Russ.).
- [6] *Istoria vyborov i naznacheniye gubernatorov Irkutskoi oblasti s 2001 g. Spravka* [History of Elections and Appointments of Governors of the Irkutsk Region since 2001]. <http://tass.ru/info/2290897> (In Russ.).
- [7] Melvil A.I., Mironjiuk M.G., Stukal D.K. Gosudarstvennaya sostoyatel'nost', demokratiya i demokratizatsiya [State competitiveness, democracy and democratization]. *Politicheskaya nauka*. 2012; 4 (In Russ.).
- [8] Petrov N.V., Titkov A.S. *Reiting demokratichnosti regionov: 10 let v stroyu* [Democracy Index of Regions: 10 Years in Service]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [9] *Sovremennaya istoriya Irkutskoj oblasti: 1992—2012 gody* [Contemporary History of the Irkutsk Region]. Vol. 2. Part. 1. Irkutsk; 2013 (In Russ.).
- [10] Titkov A.S. Indeks demokratsii dlya regionov Rossii: dinamika 1990-h — 2010-h godov [Democracy Index for the regions of Russia: The dynamics of the 1990s—2010s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. 2016; 2 (In Russ.).
- [11] Turovskiy R.F. Regionalnie politicheskie regimi v Rossii: k metodologii analiza [Regional political regimes in Russia: Methodology of analysis]. *Politicheskie issledovaniya*. 2009; 2 (In Russ.).
- [12] *Ustav Irkutskoj oblasti* [Statute of the Irkutsk Region] (In Russ.).
- [13] Shmakova S.A. *Mezhbudzhetnye otnosheniya v Rossijskoj Federacii: pravovoj aspekt (na primere municipalnykh obrazovaniy Irkutskoj oblasti)* [Inter-Budgetary Relations in the Russian Federation: The Legal Aspect (on the example of the Irkutsk Region municipalities)]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [14] Democracy Index 2016. <http://www.eiu.com/topic/democracy-index>.
- [15] Freedom in the World 2016. <https://freedomhouse.org/report/freedom-world>.
- [16] O'Donnell G. *Counterpoints. Selected Essays on Authoritarianism and Democratization*. Notre Dame; 1999.
- [17] Polity IV Project. Political Regime Characteristics and Transitions, 1800—2013. <http://www.systemicpeace.org/polity/rus2.htm>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-503-512

КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

А.Л. Маршак

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117259, Россия
(e-mail: marshak_al@mail.ru)

Признавая неизбежность комплексного характера современной российской культуры, автор выделяет в ней четыре относительно четко выраженные социокультурные группы: (1) наиболее многочисленный слой приверженцев прошлого, ностальгирующий по культуре советского периода и включающий в себя представителей почти всех социально-демографических групп российского общества (представители традиционалистского направления в российской культуре); (2) носители так называемых «либеральных взглядов», которых привлекли принципы коммерциализации культуры в условиях общества потребления, хотя в целом либеральная культура не смогла сформировать устойчивую социальную базу и по своему содержанию неоднородна; (3) консерваторы противостоят социокультурной модернизации в современной ее интерпретации, призывая к сохранению традиционно-архаической компоненты российского культурного самосознания; (4) представители религиозной культуры, которая получает все большее распространение благодаря активной позиции религиозных деятелей и открытой государственной поддержке. Автор подчеркивает, что социокультурная ситуация современной России сложна и динамична потому, что не исчерпывается перечисленными направлениями, а испытывает влияние множества субкультур и, в свою очередь, оказывает влияние на идеологические воззрения социальных слоев. Вторая часть статьи посвящена анализу понятия идеологии в его современном бытовании, прежде всего оценке геополитического измерения нынешней российской ситуации, которая отражает сложное сочетание элементов разных геополитических моделей — как зарубежных, так и специфических российских (прежних советских и нынешних, обусловленных положением России в глобализирующемся мире и ее стремлениями во внутренней и внешней политике). Отмечая, что российская стратегия геополитики в условиях социокультурных изменений окончательно не сложилась, автор все же настаивает на необходимости ее скорейшей разработки с учетом интересов всех граждан страны, ее географического разнообразия и социокультурных особенностей, что будет способствовать консолидации российского общества на основе лучших образцов отечественной культуры.

Ключевые слова: культура; типы культур; геополитика; культурная идентификация; идеология государства; идеологические ценности

Современная российская культура представляет собой весьма сложный конгломерат различных социокультурных направлений и моделей, отражающих интересы многочисленных слоев населения. Судя по результатам многочисленных исследований, в том числе сопоставительного характера (во временном, пространственном, поколенческом и других измерениях), в современной России сложились более или менее четко выраженные (по своим условным границам и идентифи-

* © Маршак А.Л., 2017.

кационной определенности) четыре социокультурные группы, которые, в целом, отражают состояние (проблемы и перспективы) российской культуры в современном обществе.

Наиболее многочисленным в российской культуре является слой приверженцев прошлого, ностальгирующих по культуре советского периода. Данный слой включает в себя представителей почти всех социально-демографических групп российского общества без существенных различий по каким-либо значимым характеристикам. Наличие данного традиционалистского направления в российской культуре не случайно — это совершенно закономерный результат пробуждения культурного самосознания российского народа и ответ на устойчивые на протяжении последних нескольких десятилетий попытки возрождения российской культурно-исторической памяти. Увеличение этого слоя, рост его влияния происходят в условиях открытого ущемления национального самосознания населения страны посредством дискредитации ее достижений, а потому способствует консолидации здоровых сил общества. Не случайно, как показывают массовые опросы российского населения на протяжении последних нескольких лет, одним из главных достижений и предметов гордости россияне считают отечественную культуру и искусство.

Во многом противостоят приверженцам традиционализма в культуре носители так называемых «либеральных взглядов». Хотя либерализм в России, несомненно, долгое время способствовал модернизации общественного сознания, он не имел иногда серьезной социальной основы и не мог утвердиться в качестве ведущего направления общественно-политической и социокультурной жизни. Начавшаяся в 1980-е годы перестройка дала новый импульс возрождению либерализма как идейно-культурного течения, способа мышления нового типа [1]. Действительно, на первом этапе развития постсоветской России (активного реформирования всех областей) деятели либерального толка захватили главенствующие посты в государстве на всех уровнях управления и сформировали не только соответствующие управленческие структуры, но и сумели оказать влияние на российскую культуру.

Проведя шоковую реформу экономики и создав основы рынка предельно радикальным способом, они выдвинули идею коммерциализации духовной жизни в целом и культуры в частности. Тем самым был нарушен фундаментальный закон культурного развития — монетизация и экономическая выгода не должны быть регулятором культуры и тем более не могут быть, как считают либералы, ее конечным результатом. Нежелание принять это базовое правило выживания культуры — основное противоречие либеральной трактовки культуры, которое выражается в античеловеческой и антигуманной ее сущности в современных постреформенных версиях. Однако внешняя привлекательность принципов коммерциализации культуры в условиях общества потребления способствует тому, что либеральная культура охватывает часть населения, тем самым позволяя либералам формировать собственную социальную базу. Разумеется, новая либеральная культура по своему содержанию неоднородна, равно как неоднороден и либеральный слой нашего об-

щества: здесь мы встречаем и, безусловно, весьма эрудированных и талантливых людей из числа писателей, театральных деятелей, ученых, публицистов и т.д., в какой-то степени продвигающих отечественную культуру вперед, в мировое культурное пространство нынешнего глобализационного толка. Однако нередко мы встречаемся и с бездарными номенклатурщиками, развращающими своими деяниями массового зрителя и особенно молодежь.

Еще одним культурным слоем, который все более активно заявляет о себе как идейно-политическое течение и как особое направление в культуре, является консерватизм. Данное направление, опираясь на исторический опыт российского консерватизма, находит благоприятную почву для собственного развития вследствие распада традиционной культуры, подрыва национальных ее устоев и принижения прежнего культурного идеала. Если попытаться в целом охарактеризовать этот тип культуры, то он, видимо, противостоит социокультурной модернизации в современной ее интерпретации, призывая к сохранению традиционно-архаической компоненты российского культурного самосознания в качестве его доминанты.

В немалой степени формированию консервативного направления способствует и тот неоспоримый факт, что в современной российской культуре особое место занимает религиозная культура. Она весома как по содержанию, ибо является частью культурно-исторического процесса, так и по распространению, что определяется поликонфессиональным состоянием российского общества. Религиозная культура в последнее время получает все большее распространение во многом благодаря активной позиции религиозных деятелей различного направления, их миссионерства, а также открытой государственной поддержке различных инициатив церковного руководства на всех уровнях социальной иерархии. В контексте религиозной культуры заложены многие как позитивные, так и негативные предпосылки нынешних культурных противоречий.

Характеризуя социокультурную ситуацию современной России, надо иметь в виду ее сложную конфигурацию и динамичность. Названные выше культурные направления являются доминирующими и во многом определяющими социокультурное состояние общества, но они не охватывают всех сторон отечественной культуры. Чтобы представить культуру более обстоятельно, нужно учитывать наличие определенного числа субкультур, которые чрезвычайно подвижны, могут быстро возникать и так же быстро исчезать. Не учитывать их нельзя, поскольку они дают представление о полноте поликультурного развития российского общества, способствуют, наряду с основными течениями в культуре, проявлению позитивного и негативного содержания в социокультурной константе России [2]. Положительным аспектом субкультурного разнообразия является то, что в реальной жизни происходит постоянный культурный обмен, что отражается в культурной социодинамике, т.е. в развитии культуры. Но здесь кроется и немало отрицательных моментов: во-первых, могут возникать и возникают культурные противоречия, порождающие иногда крайние формы антагонизма. Во-вторых, нередко создаются условия, способствующие провокационным действиям со стороны носителей той или иной культуры. В-третьих, культурная неоднородность приводит

к расколу общества вплоть до появления экстремистских действий, которые порой оправдываются их носителями именно культурной принадлежностью той или иной социальной группы.

Пестрота культурных направлений существенно влияет и на идеологические воззрения социальных слоев. В нынешних условиях деструктивности все бросилось на поиски чего-либо объединяющего, на основе чего можно двигаться вперед, решать задачи отечественного развития. С высоких научных трибун, со страниц специальных изданий и газет все чаще звучит понятие «объединяющая идеология»: в подобных пассажах явно прослеживаются ностальгические нотки по временам «идеологического единства», борьбы идеологий, сопровождавшихся оптимизмом побед и морального превосходства благодаря успехам социалистического строительства, видимого могущества нашей державы и, в целом, весьма сносных условий жизни.

Общеизвестно, что социальная действительность отражается в социальных моделях, идеях и теориях, суть которых и есть идеология. Первое, что надо помнить, призывая к «идеологическому единству», — что не может быть по определению единой идеологии, ибо она (идеология) многогранна и многообразна, как сама социальная реальность. Второе, что отличает идеологию как социальный феномен, — это действенность идеологии, ее практическая направленность: идеология должна приносить результат в форме устойчивого самосознания и формирования общественного идеала. Третьим фактором, характеризующим идеологию, делающим ее фундаментальным условием общественного развития, является мировоззренческая составляющая. Иными словами, чтобы понять, какая нам нужна идеология, мы должны четко представлять, что противостоит обществу в идеологическом плане. Современная идейно-политическая ситуация, неоднократно проанализированная отечественными и зарубежными исследователями, показывает, что основное противоречие сегодня наблюдается в поиске новых подходов в геополитике.

Внимание к геополитическим проблемам в настоящее время обусловлено многими обстоятельствами, но главным из них с идеологической точки зрения, несомненно, является осмысление нашего прошлого. Разумеется, не надо забывать, что возникновение самого понятия «геополитика» связано с определенным уровнем социокультурного развития. Когда шведский политик и исследователь Р. Челлен вводил в научный оборот термин «геополитика», а германский этнограф и географ Ф. Ратцель разрабатывал концепцию географического детерминизма, мир, находящийся в стадии перехода от XIX к XX веку, испытывал значительное влияние географического, территориального фактора на политику и государство. В тот период сущность государства определялась прежде всего его территорией и месторасположением. Впоследствии эти идеи были наиболее обстоятельно изложены германским политиком К. Хаухофером и приняли классические формы борьбы за германское жизненное пространство и великую державу. К. Хаухофер был родоначальником (1941) панидеи о трех регионах: пан-Америка во главе с США, Великая Восточная Азия во главе с Японией и пан-Европа во главе с Германией.

Формированию подобных геополитических воззрений способствовала прусская культура с идеей триумфа сильного над слабым и потребностей социальной и экономической централизации — как обоснование культуры идеи сверхгосударства. Все эти идеологические изыскания опирались на культурологические поиски национальной центрально-европейской идентичности и новых форм межнационального общения, где основой Европы должно стать германское ядро.

Послевоенная Европа, осудившая крайние формы нацистской идеологии, в том числе в ее геополитическом выражении, выдвинула идею «гуманизированной геополитики», где особая роль отводилась Америке. Концептуально мир был поделен на три георегиона: Северную Америку, Европу и Дальний Восток. Геополитические теории послевоенного времени исходили из общекультурных ценностей американского и британского содружества, противостоящего геополитическим регионам Восточной Европы и Азии. К 1970-м годам в геополитической оформилось четыре центра: США, страны европейского побережья, Советский Союз и Китай. Эти геополитические изыски определялись культурой биополярного мышления, идеями региональных культур.

Таким образом, геополитическая традиция, сложившаяся на Западе, рассматривала географическую среду как решающий фактор экономического, демополитического, социополитического, геополитического и социокультурного развития. В несколько иной плоскости развивались геополитические воззрения в России, где геополитические идеи были лишены необходимости бороться за жизненное пространство и тем более опираться на концепции «кровь и почва», «сила и пространство», которым изобиловали пангерманское понимание *primo vatio* (первого аргумента) как давления силы на слабость и доминирования над ней. В основе российской геополитики изначально лежали идеи поиска сути культурно-цивилизационной самобытности России, необходимости защиты и сохранения этой первозданности как способа упрочения самой российской государственности. Суть этих поисков, по выражению Г.П. Федотова, русского религиозного мыслителя и историка, заключалась в том, что «...за все тысячелетие своей истории Россия искала национального равновесия между государством и культурой» [1. С. 246]. В этом контексте неудивительно, что центральными идеями российской геополитики были славянофильство и евразийство.

Первым геополитиком славянофильского толка был Н.Я. Данилевский, определивший славянофильство как особый культурно-исторический тип будущности, идущей на смену «гниющей и больной» Европе. Под геополитическим проникновением Данилевский понимал расширение нравственного влияния России, а решение геополитических вопросов, в частности в отношении Востока, он видел в создании Всеславянского союза как результата общечеловеческой цивилизации. В своем фундаментальном труде «Россия и Европа» он приходит к выводу, что только сохранение самобытного культурного значения России определит ее внешнюю историческую будущность [1. С. 469]. Позднее в статье «Горе победителям!» Данилевский, оценивая итоги русско-турецкой войны 1877 года, определил главным стержнем российских геополитических интересов на Востоке нравственную

категорию, совпадающую с общечеловеческим бескорыстным интересом, которую он назвал «русско-славянский эгоизм» [2. С. 254]. Подобные изыскания, определяющие геополитику как некую духовную категорию, можно продолжить, ссылаясь на взгляды К.Н. Леонтьева, М.Ф. Достоевского, Вл. Соловьева, Н.А. Бердяева и других русских мыслителей.

В 1920-е годы появляется течение евразийцев, которые отрицали геополитический строй дореволюционной России, но были солидарны с характерной для прежней эпохи борьбой за сохранение территориального единства страны. Евразийцы П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Л.П. Карсавин и другие обосновывали особую геополитическую позицию России именно через содержание ее срединной евразийской культуры. «С судьбами России, — писал по этому поводу Л.П. Карсавин, — связаны сейчас судьбы и вновь осознающих себя азийских культур и выход европейской культуры из переживаемого ею индивидуалистического кризиса, выход — или смерть» [2. С. 11].

Итак, отметив наличие двух диаметрально противоположных подходов в геополитике — западного (в том числе американского) и русского, перейдем к рассмотрению сущностного содержания современной геополитики. После долгих лет извращенных представлений, в 1980—1990-е годы в отечественной науке стал складываться подход к геополитике как теории и практике внешней политики, в основе которой лежат взаимосвязанные национальные интересы, политические и экономические приоритеты и географические факторы. Крупные западные теории геополитики отводят культуре и социокультурному в геополитическом развитии едва ли не последнее место. Однако исторический опыт говорит, что при утверждении геопространства культурная составляющая играет далеко не последнюю роль. Высокий уровень культуры, совершенство социокультурных отношений и политической национальной культуры позволяют долгое время удерживать геополитический контроль на значительных территориях. В этой связи можно утверждать, что геополитика начинается с культурного обновления народов и обществ. Отсутствие духовного единства равносильно геополитическому поражению, поэтому выливается в уродливые формы геополитики. Так было в период «великого переселения народов», во времена сталинско-бериевских зачисток, когда десятки тысяч человек — латышей, украинцев, евреев, калмыков, карачаевцев, ингушей, балкарцев, чеченцев, немцев, татар, турок, армян, греков — принудительно переселили с их места жительства. Всего с начала 1930-х и до середины 1950-х годов депортациям подверглись 15 народов и более 40 народностей, родины лишились примерно 3,5 миллиона человек.

Современное положение России, ее место в глобализирующемся мире, делает геополитическую доктрину нашего государства весьма специфической. В целом успешное развертывание современной российской геополитической доктрины зависит от решения глобальных проблем на рубеже XX—XXI веков. Центральными факторами, оказывающими особое воздействие на российскую геополитику, являются социокультурные изменения последних лет. Социологические прогнозы четко определяют тенденцию, согласно которой более половины населения считают,

что изоляция России на мировой арене маловероятна, а характер внешнеполитических отношений существенно не изменится. Среди социокультурных изменений на первое место следует отнести усиление информационного влияния на различные стороны общественной жизни. Геополитика и геополитическое пространство приобретают информационное содержание, поэтому в геополитической деятельности сегодня предельно важны два условия: 1) кто контролирует информацию на данной территории, тот контролирует и саму территорию; 2) кто владеет информационной культурой, тот обладает решающим преимуществом на геополитическом пространстве. В этих условиях завоевания русской культуры, ее лучшие достижения в области литературы, искусства, кино, театра и пр., конечно, дают нашему обществу огромный геополитический шанс.

Социокультурные изменения, как внутренние процессы, все больше влияют на участие России в построении так называемого «нового мирового порядка», что определяется уникальностью интеллектуального и культурного потенциала, гуманистической направленностью геополитических интересов России. Основное противоречие современной эпохи, выражающееся в усилении потребности в единой экономике и в отчетливом господстве в этой экономике национально-государственных форм хозяйствования, требует скорейшего разрешения. Предложение современных западных экономистов и политиков, базирующееся на создании однополярного мира, вряд ли ускорит этот процесс. А вот неконфронтационная, толерантная геополитика России, с ее этическими и нравственными позициями культурно-национального развития мирового пространства создает объективные возможности для решения этой проблемы.

Социокультурная альтернатива в решении геополитических задач выражается в национальном духовном начале и в приоритете нравственных принципов и ценностей. Какая другая мировая культура, кроме российской, обладает этими качествами в столь ярко выраженной мере? Признание лучших образцов российской художественной культуры общеизвестно, однако геополитический порядок требует развивать традиционные достижения культуры. Поэтому России необходимо участвовать в геополитических преобразованиях, ей необходимо стать источником интеллектуальной инициативы, своеобразным «культуртрегером» на путях геополитических преобразований мирового пространства. Нужно создавать и внедрять собственную, оригинальную модель развития мира, включаясь в контекст общей цивилизованности, влиять через свою культуру на содержание «общечеловеческих» ценностей, гуманизировать их, опираясь на достижения как собственной, так и мировой культуры. Установление собственных правил геополитической деятельности отнюдь не означает конфронтации, а сопряжено с утверждением традиционных духовных ценностей, в том числе с учетом достижений мировых религий как отражения национальной, исторической культуры.

Российская стратегия геополитики в условиях социокультурных изменений окончательно не сложилась, но уже можно говорить о российских геополитических интересах. Это прежде всего борьба за сохранение геополитической целостности государства, соблюдение исторических границ, защиту российских терри-

торий, поддержание искусства, языка, норм жизни, обрядов. Далее — за преодоление нарушений регионального этнодемографического баланса, создание условий для равноправного проживания населения всех возрастных групп, соблюдение принципов гуманистического отношения к детям, старикам, инвалидам. Особое место занимают вопросы государственного контроля за перемещением беженцев и вынужденных переселенцев, создание специальных служб социальной защиты для этих категорий населения, контроль за потоками перемещения, сохранение их самобытности, изучение условий ассимиляции, в том числе посредством заключения национально-смешанных браков, особое внимание к пограничным районам, где переселенцами и беженцами становятся люди сопредельных с Россией регионов, в связи с чем возникает опасность восточной, кавказской и китайской «экспансий». Наконец — развитие инфраструктуры территорий, ее водных, воздушных, железнодорожных путей, их охрана и совершенствование технической оснащенности, применение современных наукоемких технологий, компьютерного оснащения, повышение качества и роли инфраструктуры регионов, перевод этих проблем в ранг приоритетов государственной политики.

Особое место в современной российской геополитике занимает Сибирь, поскольку было сказано «богатство России будет прирастать Сибирью». Вековые изменения, произошедшие с момента этого высказывания, мало что изменили в роли Сибири — она остается богатейшей территорией, унаследовавшей российскую духовность, национальную культуру, традиции, нравы и обычаи. Но Сибирь — это мощный фактор геополитических интересов, полигон для достижения внутренних интересов. Геополитическое положение Сибири таково, что ее природные богатства, историческое прошлое, интеллектуальный потенциал, срединное географическое положение делают эту территорию особым гарантом целостности России. Можно с уверенностью предполагать, что именно Сибирь послужит неким геопространством, где будут обеспечиваться геополитические интересы России не на абстрактном уровне, а с учетом практических задач и национальных интересов государства.

Решение вопросов российской геополитики как социокультурного явления сопряжено с новой самоидентификацией России, которая, в свою очередь, послужит основой геополитической стратегии, учитывающей национальные и культурные особенности страны. Социокультурная составляющая геополитики — решение многих российских проблем. Такова объективная данность, продиктованная всей историей нашей страны и ее культуры. Успех российских геополитических побед рождается из народного духа, из волевого самочувствия нашего народа, и ничто не может нарушить этот ход событий. Новая идеология призвана выполнять прежде всего охранительную функцию, способствовать интеллектуальной консолидации всех слоев российского общества. Новая, консолидирующая по своей сути, идеология должна выражать совокупность духовных ценностей, отражающих социокультурное состояние общества. Иными словами, формирование новой идеологии происходит не на пустом месте — необходимо учитывать, что она призвана выражать отношение личности к действительности и вместе с тем влиять

на личность в определенных конкретно-исторических условиях. Идеология не может не учитывать историческую ситуацию и тем самым является насущной социальной потребностью.

В самом общем виде мы представляем идеологию как связанную систему ценностей, которая в своей совокупности есть единое духовное поле, поэтому никакой единой идеологии не будет, пока не будут возрождены единые человеческие ценности. Эти ценности трансформируются в общественных отношениях через культуру и религию, которая является частью общенациональной культуры. Российская культура по своему внутреннему состоянию в полной мере может служить консолидирующим началом для формирования новой идеологии. Культура России вобрала в себя многовековые достижения народов, адекватно их выражает в лучших образцах устного и письменного творчества, в зодчестве и живописи, в литературе и фольклоре, в быту и образе жизни, во всех формах поведения и межнациональных отношений. Именно культура является тем естественным условием, которое объединяет людей разных убеждений и взглядов, пробуждает интерес к совместному проживанию, нивелирует грани непонимания друг друга, делает цивилизованными разные формы сосуществования, предотвращает конфликты и даже войны. Происходит это потому, что достижения культуры, уровни культурного развития — результат созидания многих поколений, итог воплощения их интересов в социальные реалии. Таким образом, культура сегодня и есть идеология, способ возрождения национальной идеи. Фундаментальные ценности культуры — идеологические ценности, потому что культура воплощает в себе национальное сознание и самосознание народа, историческую ответственность перед человечеством.

Сегодня самый реальный путь консолидировать общество — идентифицировать общественную деятельность с лучшими образцами отечественной культуры. Это возможно, если учесть весь спектр национальных и конфессиональных интересов народов. В этом случае мы подходим к решению вопроса о самоидентификации российского человека, основой которой может быть его историческая культура: величие России — в ее мультиэтничности, мультикультурности, поликонфессиональности, полиязычности. Без сохранения языка и культуры любой народности нет и общего государства, и осознание этого в значительной мере относится к патриотическим началам нашей культуры. Новая идеология должна стать идеологией всех, но не в форме справедливо отвергнутого идеологического монополизма или монархических ценностей. Новая идеология должна отражать общность интересов с учетом их приоритетов, которые можно условно разделить на социальные и культурные. К первым относятся борьба с бедностью, создание условий и норм распространения социальной справедливости, охрана прав человека, решение вопросов социальной защиты и т.п.; ко вторым — опора на традиции национальной культуры, защита экологии, формирование правового государства, создание условий социокультурного равенства. Новая идеология может быть только государственной, т.е. идеологией государства, которая, опираясь на совокупность духовных ценностей, выражает собой интеллектуальную консолидацию общества и выполняет охранительную функцию по отношению к устоям государства. Сегодня, когда необходима консолидация и стабилизация общества, когда

существует разногласие мнений о путях и способах решения конкретных вопросов в жизни государства, когда еще не в полной мере определены базовые ценности, составляющие российскую национальную идею, базовым условием формирования консолидирующей идеологии должна стать именно многонациональная российская культура.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Горбачев М.С. После Кремля. М., 2014.
[2] Маршак А.Л. Культура: социологические смыслы и социальные реалии. М., 2013.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-503-512

CULTURE AS A BASIS OF CONTEMPORARY RUSSIAN IDEOLOGY: CHALLENGES AND PROSPECTS*

A.L. Marshak

Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/35, building 5, Moscow, 117259, Russia
(e-mail: marshak_al@mail.ru)

Abstract. The author accepts the inevitability of the complex nature of contemporary Russian culture, and identifies four relatively distinctive social-cultural groups in the Russian society: (1) the most numerous layer of adherents of the past and, thus, nostalgic for the Soviet culture; it consists of representatives of all social-demographic groups that adhere to traditionalist patterns and norms; (2) proponents of the so-called 'liberal views' attracted by the principles of commercialization of culture in today's consumer society though in general the western liberal culture failed to form a stable social basis in Russia and is still highly heterogeneous; (3) the conservatives oppose the on-going social-cultural modernization of the Russian society in its nowadays interpretation, and call for preservation of traditional and even archaic components of the Russian cultural identity; (4) finally, there are representatives of religious culture, which is becoming increasingly popular due to the active position of religious figures and open state support to religious initiatives. The author emphasizes that the social-cultural situation in Russia is complex and dynamic, it cannot be explained only by confrontation of the above mentioned groups, it is also influenced by subcultures and, in its turn, determines the ideological views of social strata. The second part of the article is devoted to the analysis of 'ideology' as a contemporary concept, mainly in its geopolitical dimension that reflects a complex combination of elements of different geopolitical models, both foreign and specific Russian (former Soviet and current, reflecting the position of Russia in the globalizing world and its aspirations in domestic and foreign policy). The author believes that the Russian geopolitical strategy under the current social-cultural changes has not been finalized yet, and insists on its urgent development in the format that takes into account interests of all citizens of the country, its geographical diversity and social-cultural features so as to consolidate the Russian society on the basis of the best samples of the Russian culture.

Key words: culture; types of culture; geopolitics; cultural identification; ideology of the state; ideological values

REFERENCES

- [1] Gorbachev M.S. *Posle Kremlya* [After the Kremlin]. Moscow; 2014 (In Russ.).
[2] Marshak A.L. *Kultura: sociologicheskie smysly i socialnye realii* [Culture: Sociological Meanings and Social Realities]. Moscow; 2013 (In Russ.).

* © A.L. Marshak, 2017.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-513-523

SOUTH SUDAN STRUGGLE FOR INDEPENDENCE, AND IT'S IMPLICATIONS FOR AFRICA*

A. Kumsa

Charles University in Prague
U Kříže 8, 15800 Praha 5, Czech Republic
(e-mail: alemayehu.kumsa@fhs.cuni.cz)

Abstract. Sudan survived different external rules, at least starting from 1821, when it became a part of the Egyptian Ottomans. Egypt played an important role in the colonial expansion as an agent of the Ottomans. The rulers of Egypt were Turkish-speaking governing bodies that dominated Egypt since the medieval period. The Arab-Islamic movement known as Mahdist Movement at first was considered a liberator, but turned out to be a political machine of Arabization, Islamization and slavery during its brutal rule in 1881—1889. The Mahdist government of this Islamic theocratic rule was defeated by the Anglo-Egyptian army in 1889. The Anglo-Egyptians rule in Sudan lasted from 1898 to 1956, and was known as a condominium. The colonial rulers, without any consultations with the Southern Sudan peoples, handover power to the Northern Sudanese political elite, which kindled an atrocious conflict between the Southerners and the new rulers from the north. The refusal of the Southerners to be ruled by their Northern neighbors unleashed the first Sudan war (1955—1972). This violent conflict ended with the signing of the agreement, according to which South Sudan gained autonomy to administer its own affairs within the Sudan state. The autonomy was abrogated unilaterally by the central government in 1983 due to the discovery of the oil deposits in the south of the country in 1978 by a Canadian company, and the central government of Sudan did not wish to share profits with the South. The second Sudan war (1983—2005) ended with the independence of South Sudan (2011), which opened doors for changing the colonial borders of Africa. Thus, the article considers regional and international role of the South Sudanese struggle for independence and its implications for the liberation of other countries of the continent.

Key words: South Sudan; Arabization; Islamization; slavery; colonial regimes; political and economic prerequisites of the conflict; civil war

HISTORICAL BACKGROUND OF POLITICAL CONFLICTS IN SOUTH SUDAN

“The origins of the Sudan’s current problems predate the unequal legacy of the colonial system in the XX century. They can be found in the ideas of legitimate power and governance developed in the Sudan states of XVIII and XIX centuries, which were incorporated into the structures of the Turco-Egyptian empire, achieved new force in the Jihad state of the Mahdiya, and were never fully replaced, but rather... occasionally adapted by the XX century colonial state” [9. P. 7]. The longest bloody conflict in the Sudan was between the Southern Sudan people and the government and started a year before the independence of the country was declared in 1956. The conflict erupted at the end of the British colonial era and was deeply rooted in the history of the region and in the Arabization of North Africa.

* © Kumsa A., 2017.

The North and Central part of Sudan were among the first states Christianised in the V century and the oldest states in the history of humankind. The state building started here after 3,000 B.C., and the largest states of the region were Kerma kingdom with its capital in city of Kerma along the Nile delta, and the smaller state with its capital at Sai between Kerma and Egypt. In about 1,800 B.C., Kerma conquered Sai kingdom, central and northern parts of contemporary Sudan, and become the largest state to the south of Egypt [10. P. 149]. Christianity came in 543 to Dongola, the last kingdom of the region, and contributed to the cultural development of the area by building new churches and monasteries. The Christian states existed until the Arab conquest that started in Egypt between 639 and 642 and slowly expanded to North Africa and then to the south. The peoples of northern Sudan resisted the invasion of Bedouin Arabs that overrun most of North Africa in 1054. The gradual conversion to Islam and infiltration of the Arabs into the territory ended the era of Christian kings (the last Christian king was succeeded by a Moslem in 1315). In the south, the Christian kingdom of Alwa resisted the Arab invasion until 1504, when it surrender to the Muslim Funj state of Sennar. “This removed the last barrier to Bedouin expansion in this part of Africa, and Baggara (cattle Arabs), poured south and west into Eastern and Central Sudan” [18. P. 160], which continued until today especially in Darfur due to the war of Arabs against indigenous African peoples in order to settle Arabs from northern Sudan [24].

Sudan is the largest country of the African continent with an area of more than 2,5 mln km² covering a territory of about Western Europe with the population of 36 million people [15. P. 3]. Arabic is the major language in the north whereas in the south Dinka language and nation dominate. The Sudan population consists of 70% African and 30% Arab peoples [17. P. 5]. Over 70% of Sudanese are Muslim, the largest share is of African descent; while the rest follow traditional religions, and 5—10% are Christians. South Sudan consists of three provinces of Upper Nile, Bahr el Ghazal and Equatorial. The area is about one-fourth of the total area of the Sudan Republic, and the population of South Sudan is a third of the population. South Sudan has boundaries with neighbouring Ethiopia, Kenya, Uganda, Zaire and the Central African Republic, which were arbitrarily drawn by the imperial powers that colonised the region, that is why some peoples of the South Sudan live in the neighbouring countries [26. P. 7].

The expansion of Arabo-Islamic power to Sudan was followed by the Turk-Egyptian conquest of Sudan in 1820 by Muhammad Ali, the ruler of the Ottoman of Egypt. The Egyptian rule was the last serious venture in the colonial expansion of the Ottoman Empire. The Turk-Egyptian colonial rule ended after sixty years when the Mahdist Muslim Movement overthrew it in 1885 [13. P. v]. It was in the XIX century under the Tuks-Egyptians when the North—South division became obvious in Sudan. This period is known for the dramatic expansion of slave-raiding and slavery in South Sudan. The slaves were targets only for non-Muslims of South Sudan for Islam forbids enslaving Muslims. The colonial government collaborated in slave-raiding with non-Muslim Arab territories involved in official raids with the army or organising their own raids [5]. “Excess slaves were kept by the raiders for their own use or for sale. Not only did the number of slaves increase during the Turk-Egyptian, but the use of slaves too expanded and for the first time domestic slavery became widespread throughout all segments of

society in North Sudan” [9. P. 5]. There was a convergence of military and commercial networks in the exploitation of the south for the government and commercial companies had their own armies as a mixture of free men and slaves. Both established many fortified trade centres and caravan routes to export young slaves from the south to the markets in the north and Middle East. Traders and officials established their own fiefdoms in the south as a source of slaves and wealth. Under the Turk-Egyptian rule the slave population in the north was drawn mainly from the south, and for the people of North Sudan slaves and ‘blacks’ were synonymous. Even southern Sudanese who became Muslims or worked for the colonial administration or in the army were stigmatised by their slave status or origin. The Turk-Egyptian colonialism desintegrated South and North Sudan by setting the south peoples of the lowest status against the peoples of the north.

The Turk-Egyptian colonial rule was overthrown by the Islamic movement called ‘Mahdist’ ans led by the charismatic religious leader Muhammad Ahmad (Mahdi-expected saviour) that established the Mahdist state (1883—1898). After the death of the Mahdi, his successor Khalifa Abdallahi (1846—1899) formed an autocratic state based on the army of slaves mainly from the south and west. The Mahdist state expanded to the south for slaves and agricultural products. The great famine of East Africa in 1888—1892 increased plunder for food and slaves due to the dwindling supply for domestic labour and military recruitment. The Mahdist state divided the peoples of the area between Dar al-Islam (house of peace) and Dar al-Harb (house of war) more than any previous Muslim states of the region. This division is between people of Islam and followers of African indigenous religions. The Mahdist state developed its own form of internal colonialism in South Sudan [9. P. 7].

The Mahdist movement used religion to unify the Muslims of Sudan to overthrow the Turk-Egyptian colonial rule, but latter the core Arab militant group of the movement turned against the indigenous Africans: “It is estimated that the population of Sudan fell from around 7 million before the Mahdist revolt to somewhere between 2 and 3 million after the fall of the Mahdist state” [6. P. 133]. This movement had two consequences for the future of the country: first, the attitudes of the north people to the people of the south did not change; the Mahdist state eliminated the traditional ruling system by direct appointment of administrators or agents to rural areas in the south, west and east — this is one of the reasons why the Anglo-Egyptians overthrew the Mahdist state in 1898 with the help of the groups opposing the Islamic government. Secondly, the injustices against the non-Muslims of the south determined Sudan’s current problems as inherited in the colonial system legacy.

In the Mahdist state, the northern Sudan Muslim communities were divided between the followers of the Mahdi (called Ansar) and the eastern part of the country with the followers of the religious family Mirghani, founder of the Islamic sect Khatmiyya that opposed the Mahdist state and was supported by the Egyptian government. Various opposition groups joined forces with the Anglo-Egyptians to overthrow the Mahdist state at the battle of Omdurman on September 2, 1898. The new Anglo-Egyptian rule was called Condominium (joint control of the state by two or more other states) and administered the south and north of Sudan differently. The Anglo-Egyptian colonial rule

(1898—1956) was similar to the Turk-Egyptian (1820—1883) and Mahdist (1883—1898) states for South Sudan for the majority of colonial administration personnel served all governments, and the same is true for the army. The brutality of the administration was very similar except for the name, i.e. it was the same wine in a different bottle. In the first two decades, the south was considered by the colonial administration as a reservoir of conscript for the colonial battalions in Sudan. These soldiers from the south remained socially separated from the northern people due to their ‘slave origins’. The people from the south were not enthusiastic about becoming the soldiers of the colonial government, and the conscription was forced — prisoners and war captives were regularly made soldiers [9. P. 11].

The policy of the colonial administration from 1930 was to administer South Sudan independently from the north and in the similar way as the black African British colonial territories [1. P. 115]. The basic principle of this ‘Southern policy’ declared in 1930 by the colonial administration in Khartoum was that the local administration should use the indigenous structures of authority, employ indigenous laws and customs as long as they supported the British idea of good government and justice [9. P. 11]. The colonial administration aimed to develop South Sudan education in English and to help the Christian missionaries to stop the expansion of Islam to Central Africa by creating “a large Christian population which would eventually link up with Uganda and form a substantial buffer or check to the spread of the faith, such as the Muslim” [1. P. 39].

The attitude of the British colonial government to South Sudan changed after the World War II due to the Egyptian and northern Sudanese nationalists attempts to fight for independent and united Sudan. To start the liberation the legislative council was established in the north as a first step to create a national parliament. The question of how to incorporate the south into independent Sudan was raised by the colonial administration at the unrepresentative conference in Juba on June 12—13, 1947. The delegates were not chosen not by the people of the south but by the administration. The participants of the conference were three provincial governments including a head of the police, few chiefs, and some administrators. The conference was chaired by the civil secretary not mandated by the people of the south to decide such crucial questions. The participants of the conference did not know each other and were not educated as the northern nationalists. The chairman of the conference did not allow debates on a separate administrative future of the south. “No decisions could be made at the conference since members had received no mandate from their people...” [22. P. 107].

From the historical point of view (relations of northern nationalists and southern leaders), there was not grounds to form a common state for the northern leaders were to replace the British colonizers in the perception of the southern people. The southern leaders formed a new political party — Liberal Party — and participated in the elections to the first self-governing parliament in June 1953. In the new parliament, the representatives of the Liberal Party tried to raise the issue of a separate administrative status of the south proposing federalism as constitutional solution. The demand was ignored by the northern nationalists, and all key positions in the south were given to the northern officials; the politically active southerners considered it the beginning of northern coloni-

zation of the south [9. P. 27]. In October 1954, the political groups of the southern people including members of the Liberal Party, leaders of three southern provinces and representatives of southern Sudanese in Khartoum, held their own conference in Juba to discuss the political future of Sudan and the south within Sudan. They decided to vote for the independence of Sudan from Egypt, but as a federal system with an autonomous state in the south with an option of becoming completely independent from the north. The demand of the southern political leaders for a federalist state was rejected by the northern political leaders, and Sudan was declared an independent unitary state on January 1, 1956.

THE FIRST SOUTH SUDAN WAR

The first general elections of the parliament in Sudan was in November 1953: the National Union Party (NUP) got 51 seats out of 97 in the lower chamber, another northern party Umma got 22 seats, the southern Liberal Party — 9 votes, the Socialist Republican Party and the Anti-Imperialist Front (AIF) — 1 each. The northern political majority declared a unitary state and started replacing British state officials by Sudan employees (Sudanization): “With the unrelenting development towards independent united Sudan, one incident after another intensified southern fear of domination by the north. The attitude of northern officials to southern, the discrediting propaganda of northern political parties against one another in their scramble for southern votes, the alienating strategies by which the government sought to intimidate southern into passive, and above all, the announcement of the results of the Sudanization of 800 posts previously held by the colonial powers, out of which the south received only four minor posts, fanned southern opposition into the violent revolt of August 1955” [7. P. 37]. The replacement of British officials with northern Sudanese in the civil and military administration upset the soldiers from the south in the area and mutinied against this political subjugation by a regiment in the Torit district of Equatorial Province in August 1955 [1. P. 73]. The southern Sudanese considered the mutiny a beginning of the struggle against the northern oppression. The British colonial government did not help the southern to build their future but urged the northern politicians to replace it. The violent tragedies of the second part of XX century in South Sudan were the result of the unjust transfer of power from the British colonial rule to the Northern Sudan politicians. “On January 1, 1956, at a hastily improvised ceremony, Isma’il al-Azhari, ‘father of new Sudan’, lowered the flag of Egypt and the United Kingdom and gracefully raised three horizontal stripes of red, white and black of the flag of the new Republic of Sudan” [3. P. 68]. The Condominium was over and the new state was developing with violent conflicts.

After the independence, the southern politicians did not lose hope to create a federal democratic state. They organised a more effective political movement for the post-independent elections in 1957, formed the Federal Party, and it won almost all south’s seats in the parliament. The southern politicians involved young generation and church leaders in political activities, used common strategies with underdeveloped areas of the east and west to form a strong coalition. The pressure for federalization from South Sudan was

not accepted by the ruling party Umma, which is the main reason for handing power over to the army in 1958. The conflict ended by the replacement of the civilian government of Sudan by the longest military rule in Sudan's history that started on November 17, 1958, and the military rule took on to speed up Arabization and Islamization of Sudan. The military junta prohibited all discussions about South Sudan. The military government led by General Abdu implemented a policy of Arabization and Islamization in the south: Arabic language replaced English in schools; Christian missionaries were expelled; conversion to Islam was encouraged, especially among students. The military rule used Arabization and Islamization to achieve national unity, but the southern people formed the South Sudan Liberation Front (SSLM) with Anya-Nya as its military branch. The movement fought for the independent state in the south.

The military government refused to recognise that there was southern problem and “continued to denounce the imperialist and missionaries as the source of the problem. The military junta degraded southern politicians in exile as stooges and agents of foreign powers and missionaries, believing in that the only way of bringing about integration and unity was through military power” [1. P. 86]. The military government was overthrown by the people's revolt called October revolution in 1964; the next civil government stayed in power until 1969, when the military group ‘Free Officers Movement’ overthrew the parliamentary regime and seized power in the military coup [5. P. 202]. The coup leaders formed a ‘Revolutionary Command Council’ (RCC) of ten officers headed by the coup leader colonel Jaafar Mohammed Nimeiri. The Nimeiri military government first eliminated the right political wing, and in July 1971 attempted a military coup supported by left politicians mainly Communist Party of Sudan (CPS), in which their leaders were executed. The military leader became the top politician and started secret talks with the Southern Sudan Liberation Movement (SSLM) that led to the Addis Ababa Agreement in February 1972 [9. P. 39]. It created a power consisting of central government and a unitary southern region with its capital in Juba and its own elected assembly and council of ministers; Arab language remained the national language and English became a main language in the south; additional agreements were signed to cease fire and integrate guerrilla forces into the national army. This agreement ended the first Sudan Government war against the southern people (1955—1972).

The Addis Ababa Agreement was ratified by the Regional-Government Act in March 1972, and incorporated in the permanent Constitution of 1973. This agreement was gradually weakened by the central government and eliminated on June 5, 1982, when Nimeiri divided the south into three regions. The Constitution of 1973 declared Sudan a secular state with freedom of worship not only for Christians and Jews but also for the followers of indigenous religions. A secular law governed relations between citizens in civil and criminal matters, while personal or family matters were under the Shari'a for Muslims and customary law for rural people in the north and south. Nimeiri imposed Shari'a law on the whole country in September 1983, which was followed soon by the dissolution of the southern regional government. The abolishment of the autonomy of the southern and the imposition of the Islamic Law on the whole country became possible due to the the favourable international situation for Sudan military government (the overthrow of Haile Selassie absolute monarch in September 1974, the new military

government in Ethiopia closing the USA military base in 1977 and signing a military pact with the Soviet Union).

Sudan became an important ally of the US as a regional counterweight to the USSR supported by Ethiopia. The discovery of oil in South Sudan attracted American oil companies, and the Reagan administration's hostility to Libya determined the US and Sudan military alliance. Sudan became a part of 'Rapid Development Force' allowing the US forces to carry out joint manoeuvres with the Sudan's army. "Nimeiri played the Libyan and Ethiopian cards to secure his military supplies from the US. The US, too, found that the 'defence of Sudan' was a useful propaganda tool against Libya" [9. P. 57]. Nimeiri came to power in 1969 and accepted that the war in the south could not be solved militarily. By 1983, he was convinced that he had enough military weapons from the US to deal with any revolts in the country. The Reagan administration supplied various military weapons to the Sudan government to protect it from external enemies and not caring about how Nimeiri would use them in the country. The Nimeiri government cancelled the Addis Ababa Agreement in January 1983 and ordered the battalions in the south to move to the north though they were headed by guerrilla fighters and had to stay in the south. The abolition of the southern region and the attack on the battalion that refused to move to the north prompted further mutinies and desertions from the military base at the border of Ethiopia.

THE SECOND SUDAN WAR

In July 1983, these groups formed the Sudan People's Liberation Movement (SPLM) as a political organization and its military wing — the Sudan People's Liberation Army (SPLA) under the command of John Garang. First the aim of the SPLM was to solve the problem of the south that "can only be solved within the context of united Sudan under a socialist system that affords democratic and human rights to all nationalities and guarantees freedom for all religions, beliefs and outlooks" [25. P. 23]. The SPLM wanted to create a democratic society, grant equal rights to all religions and nationalities in the country, which implied that Islam would not have a special status. The SPLM rejected attempts of various Sudanese governments to establish a Sudan national identity on the basis of Arabic language, Arab culture and Islam [9. P. 63].

There were two views on the future of South Sudan: one was expressed by the leader of the movement and the second — by the South Sudan Liberation Movement (SSLM) which preferred a full independence for South Sudan but was suppressed by the new leadership. The military confrontation between SPLA and Sudanese military forces started in May 1983. The people's uprising removed Nimeiri from power in April 1985, his defence minister replaced him and organised parliamentary elections in 1986 that formed a civilian parliamentary administration led by the Umma Party leader Sadiq al-Mahdi as a prime minister. The civilian government leader met with the SPLM leader in Addis Ababa to solve the South Sudan conflict in a peaceful way. Sadiq al-Mahdi before the elections promised not to use the Shar'ia law for the whole country, but as a prime minister he refused to repeal the law, that is why in 1989 a military coup led by brigadier Umar al-Bashir eliminated the civilian government through the terrible bloodshed.

The Bashir military government became an Arab and fundamental Islam movement increasingly referring to the pan-Arab and Islamist values when talking about the war supported by the Arab countries. The government used its propaganda machine to declare the South Sudan war a conflict between the Arabs and Africans. The army vowed “not to give up one inch of the soil of this homeland”, and government officials rushed abroad to request funds to win back “Arab towns captured by ‘Africans’ and ‘infidels’” [15. P. 15]. The Sudan government supported oppositional liberation fronts in Ethiopia under Haile Sellassie government and military government of Mengistu Haile Mariam. The Ethiopian government was overthrown in May 1991 by the Coalition of Liberation Fronts, and the new Ethiopian government led by the Tigrian People’s Liberation Front (TPLF) expelled the SPLM leaders from the country and closed refugee camps. The Sudan military government used this opportunity to weakened and liquidate the SPLM by military means. “Iran’s President Rafsanjani visited Khartoum in December 1991, declared the war in South Sudan a jihad and signed military protocols with Sudan’s government, including to pay US \$300 million for the Chinese military material” [15. P. 16].

In the 1990s, the political atmosphere gradually changed against the military government of Sudan due to various reasons such as its support for the Iraq Government during the Gulf War, its extreme Islamist agenda, the policy of harbouring terrorists, including Osama bin Laden who lived in Sudan from 1992 to 1996, and its support to extreme Islamic groups. The turning point for the Sudan government was in June 1995 — an assassination attempt of the Egyptian President Hosni Mubarak in Addis Ababa, in which the Ethiopian government accused Sudan providing logistical support and sanctuary to the perpetrators. In May 1996, the UN Security Council imposed on Sudan non-economic sanctions. The American government placed Sudan on its list of state sponsors of terrorism, and imposed unilateral sanctions.

STEPS TO THE REFERENDUM IN SOUTH SUDAN

The first step to accept the right for self-determination of South Sudan was made by the Sudan National Democratic Alliance (NDA) founded in 1989 and consisting of armed and unarmed northern and southern organizations, professional associations, trade unions and SPLA. In 1995, the NDA issued its Asmara Declaration, which stressed the necessity of a future political system based on a multi-ethnic, multi-religious and multi-racial society, and endorsed the right of self-determination for the south. The Inter-Governmental Authority on Development (IGAD) led Sudan’s longest peace initiative launched in 1993 and chaired by Kenya. In 1994, IGAD issued the Declaration of Principles, a set of brief propositions for subsequent negotiations. It declares a peace agreement for democratic and secular Sudan, calls for sharing national wealth and resources and for negotiations on the modalities of an interim period followed by a self-determination referendum for the south. After many years of hesitation, the Sudan government accepted the Declaration in 1997.

Horn of Africa is a region of many violent conflicts; in 1998, three main SPLM supporting countries — Ethiopia, Eritrea and Uganda — entered devastating wars. Ethiopia and Eritrea went to war (1998—2000) for borders, and Uganda was caught in the

conflict with the Democratic Republic of Congo (DRC) that weakened the IGAD. The US peace initiative coordinated with IGAD produced greater clarity in 2002, when a protocol was signed between SPLM and the government of Sudan to resolve the issue of self-determination, state and religion. The protocol confirmed the independence for the south was confirmed, and after three years of long discussions the Sudan's Comprehensive Peace Agreement (CPA) was signed by the government and SPLM in January 2005 ending a war between South Sudan and government of Sudan. The key principles of this agreement are as follows: acceptance of the right for self-determination for South Sudan, and separation of the state and religion by variations in the legal systems embracing both Islam/Shari'a and Christian/secular traditions [12. P. 29]. The Comprehensive Peace Agreement (CPA) led to the internationally monitored referendum in 2011, when the people of South Sudan were offered two choices: unity with the north or full independence.

The CPA endorsed in the interim period between July 2005 and 2011 sharing arrangements at the national level and an autonomous government for South Sudan with its armed forces. Wealth sharing agreements provided the southern government with an access to valuable oil revenues in the region. According to the CPA power sharing arrangements between the ruling party — National Congress Party (NCP) — and the Sudan People's Liberation Movement (SPLM) a government of national unity was formed, in which NCP holds 52% and the SPLM — 28%. A similar reallocation of seats in the National Assembly was arranged for the period up to the parliamentary elections scheduled for 2009 and latter rescheduled to April 2010. The agreement provided that the president Omar Bashir would remain in office and a chairman of the SPLM. The CPA also created an autonomous Government of South Sudan (GOSS) with an independent executive, legislative and judicial powers. Juba became the capital of South Sudan, and the GOSS dominated by the SPLM is based in this city. The GOSS has wide-ranging powers in many areas except those usually associated with national sovereignty such as national security, foreign policy and currency, etc. During the interim period, the SPLM forces remained separate from the Sudan armed forces.

“An estimated two million people have died as a result of the fighting over the past eighteen years, victims of direct violence or related starvation and disease. Half a million refugees have spilled into neighbouring countries, and roughly four million people have been displaced and driven from their homes within Sudan — the largest such dislocation in the world today. Indeed one out of every eight people rendered homeless by war around the world is from Sudan” [15. P. 3]. After such sufferings due to the refusal to incorporate into the Sudan state [2. P. 99], finally the southerns are asked if they want to be a part of the Sudan state. Let us quote Makwec Kuol Makwec, one of the Dinka nation's chief, who expressed the oppression of the south Sudan people by the political leaders from the north: “When you visited the north, you must have noticed the difference between the Arabs in the north and us here in the south... they are red-skinned and we are black... their names were Ali, Muhamed, Osman, etc., and our names are Deng, Akol, Lual, etc. We have no shared ancestry, they pray differently but they want to force us to believe in their gods, they try to impose their language upon us and they have killed

our people over the years. They... have taken our people and forced them into slavery. Their climate is arid and hot and ours is cooler and vegetated, and they want our land. Their economy is more advanced and we have nothing here because they have extracted our resources for their own use. Their entire way of life is different from ours... I assure you, the Arabs are not the people we want to share anything with, and history speaks for us. We have never been one, we will never be one... they have done terrible things to us" [17. P. 1—2].

The CPA, which was signed by the Sudan government and SPLM in January 2005, gave the right of autonomous self-rule to the people of South Sudan for five years. According to the CPA, then the people will have a chance of self-determination if they want to stay in Sudan or prefer their own state. After this period the referendum was organized with the presence of UN, EU and other international governmental and non-governmental organizations in January 2011. The result of the referendum was not surprising for the observers of the political situation in South Sudan: 98.8% voted for the independent state. The South Sudan people of different national groups, religions and ages celebrated their long struggle result of liberation from the Arab-Islamic dictatorship. On July 9, 2011, the new state of South Sudan was officially declared as an independent state and it was admitted as a new member of the United Nations General Assembly on July 14.

REFERENCES

- [1] Beshir M.O. *The Southern Sudan: Background to Conflict*. London; 1968.
- [2] Chabal P. *Africa: The Politics of Suffering and Smiling*. London-New York; 2009.
- [3] Collins R.O. *A History of Modern Sudan*. Cambridge University Press; 2008.
- [4] Daly M.W. *Darfur's Sorrow: A History of Destruction and Genocide*. Cambridge University Press; 2007.
- [5] Daly M.W. *Empire on the Nile: The Anglo-Egyptian Sudan 1898—1939*. Cambridge University Press; 1986.
- [6] Deng F. (ed.). *Self-Determination and National Unity: A Challenge for Africa*. Trenton, NJ and Asmara, Eritrea; 2010.
- [7] Deng F. *Dynamics of Identification, Basis for National Integration in the Sudan*. Khartoum University Press; 1973.
- [8] Deng F. *Identity, Diversity and Constitutionalism in Africa*. Washington; 2008.
- [9] Douglas J. *The Root Causes of Sudan's Civil Wars*. Oxford; 2003.
- [10] Ehret C. *The Civilizations of Africa. A History to 1800*. University of Virginia; 2002.
- [11] Grawert E. (ed.). *After the Comprehensive Peace Agreement in Sudan*. London-New York; 2010.
- [12] Healy S. 2008. *Lost Opportunities in the Horn of Africa. How Conflicts Connected and Peace Agreements Unravel*. London; 2008.
- [13] Hill R. *Egypt in the Sudan. 1820—1881*. Oxford University Press; 1959.
- [14] Interim Constitution of Southern Sudan, 2005.
- [15] International Crisis Group, 2002: *God, Oil and Country. Changing the Logic of War in Sudan*. African Report No. 39.
- [16] Jalata A. (ed.). *State Crises, Globalization and National Movements in North-East Africa*. London—New York; 2004.
- [17] Jok Madut Jok. *Sudan: Race, Religion and Violence*. Oxford; 2008.
- [18] Murdock G.P. *Africa: Its Peoples and Their Cultural History*. New York; 1959.
- [19] Olson J.S. *The Peoples of Africa: An Ethnohistorical Dictionary*. London, Connecticut, Westport; 1996.

- [20] Ottaway M. and D. *Ethiopia: Empire in Revolution*. New York—London; 1978.
- [21] Prendergast J., Thomas-Jensen C. Blowing the Horn. *Foreign Affairs*. 2007. March/April.
- [22] Robertson J.W. *Transition in Africa: from Direct Rule to Independence*. London—Khartoum; 1975.
- [23] South Sudan's United Nations Membership. <http://www.un.org/en/members/index.shtml>.
- [24] Totten S., Markusen E. (eds.) *Genocide in Darfur: Investigating the Atrocities in the Sudan*. New York—London; 2006.
- [25] Voll J.O. *Sudan: State and Society in Crisis*. Washington; 1991.
- [26] Wai D.M. The Southern Sudan: The country and the people. *The Southern Sudan. The Problem of National Integration*. Ed. by Wai Dustan, M. Frank. London; 1973.
- [27] Wodajo Kifle. Conflicts, states and societies in the Horn of Africa. *Conflict in the Horn of Africa: What Can Civil Society Do to Bring about Solidarity and Cooperation in the Region?* Nairobi, 15—17 March 1999. Addis Ababa; 1999.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-513-523

БОРЬБА ЮЖНОГО СУДАНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СУДЬБЫ АФРИКИ*

А. Кумса

Карлов Университет
У Криже 8, 15800 Прага-5, Чехия
(e-mail: alemayehu.kumsa@fhs.cuni.cz)

История Судана представляет собой череду внешних правлений, по крайней мере начиная с 1821 года, когда Судан стал частью Османской империи в составе Египта, сыгравшего важную роль в колониальной экспансии империи. На смену египетскому правлению пришло махдистское движение, которое сначала воспринималось как освободительное, но оказалось мощным инструментом последовательной арабизации и исламизации региона, а также создало жестокий режим административного контроля (1881—1889), основанный на рабовладении. Махдистское теократическое правительство было свергнуто англо-египетской армией в 1889 году. Англо-египетское правление в Судане просуществовало с 1898 по 1956 годы и получило название кондоминиума Египта и Великобритании. Не проведя никаких политических переговоров с представителями Южного Судана, новая колониальная администрация передала бразды правления страной политическим элитам северного Судана, что породило жесточайший конфликт между южанами и правящей северной элитой. Отказ Южного Судана подчиняться своему северному соседу привел к первой гражданской войне (1955—1972). Конец ей положило подписание соглашения, согласно которому Южный Судан получил административную автономию в составе единого государства с северным Суданом. Это соглашение было нарушено в одностороннем порядке центральным правительством страны в 1983 году после открытия богатых нефтяных месторождений на юге, поскольку центральное правительство не желало делиться доходами от их освоения с южным регионом. Разразившаяся вторая гражданская война (1983—2005) была окончательно завершена лишь в 2011 году, когда Южный Судан обрел независимость, и это событие положило начало изменению колониальных границ на всем африканском континенте. Таким образом, в статье обозначено региональное и международное значение борьбы Южного Судана за независимость для освобождения всех стран Африки.

Ключевые слова: Южный Судан; арабизация; исламизация; рабство; колониальное управление; политические и экономические предпосылки конфликта; гражданская война

* © Э. Кумса, 2017.

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-524-541

О ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ И ВОЗМОЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ*

Ф.И. Шарков¹, А.В. Понеделков², С.А. Воронцов²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
пр. Вернадского, 84, Москва, 119606, Россия
(e-mail: sharkov_felix@mail.ru)

²Южно-Российский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ
ул. Пушкинская, 70/54, Ростов-на-Дону, 344002, Россия
(e-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru; e-mail: raven_serg@mail.ru)

При подготовке статьи авторы ставили перед собой цель провести исследование состояния и перспектив развития современной элитологии в России, изучить восприятие политических лидеров населением, что крайне необходимо для решения задач формирования российской федеральной и региональной элиты, повышения эффективности государственной кадровой политики, совершенствования механизма взаимодействия элит в отечественном социально-политическом пространстве и, в конечном счете, повышения уровня транспарентности власти. Авторы статьи использовали политологический, историко-правовой, формально-юридический, структурно-функциональный и аналитический методы. На базе результатов панельных экспертных опросов, проведенных при подготовке и проведении Первого Всероссийского элитологического конгресса «Элитология России: современное состояние и перспективы развития» (2013 год, Ростов-на-Дону) и Второго Всероссийского элитологического конгресса «Элитология и стратегии развития современной России» (2016 год, Ростов-на-Дону) осуществлено исследование общих представлений о российских элитах в восприятии их экспертным сообществом, отмечена динамика некоторых изменений в элитном слое. Отражены оценки населением современных региональных политических элит. Отмечено расхождение между элитарностью в традиционном смысле и обладанием реальной политической властью. Сопоставление результатов, полученных в ходе панельных опросов 2013 и 2016 годов, позволило классифицировать их по следующим базовым позициям: общее представление о российских элитах и о достоверности сведений о них; оценка динамики качественных изменений в элитном слое; меры, способствующие развитию межэлитных взаимодействий и развитию лидерства. Сформулированы выводы, позволяющие утверждать, что: и общественное, и экспертное мнение по-прежнему недооценивают элитный капитал современного правящего слоя; имеют место системные симптомы олигархизации элиты, склонности к использованию внедемократических средств удержания полученной власти; со всей очевидностью встает задача корректировки подходов к оценке деятельности и рекрутингу элит в сложившейся в современной России социально-политической ситуации;

* © Шарков Ф.И., Понеделков А.В., Воронцов С.А., 2017.

в 2017 году российское общество находится на «развилке», причем выбор направления дальнейшего пути развития осложняется деструктивным воздействием агрессивных кругов глобалистского сообщества, преследующих свои собственные интересы, явно расходящиеся с национальными интересами России.

Ключевые слова: элиты; элитология; лидерство; стратегическое мышление; панельный экспертный опрос; элитологический конгресс; рекрутинг; проблемы трансформации элит

Анализ геополитической ситуации в мире дает основание согласиться с утверждением А.И. Солженицына, высказанным в его известной речи в Гарварде, посвященной 327-му выпуску старейшего Гарвардского университета, о расколе современного мира, в котором «...легко различить две мировые силы, каждая из которых уже способна нацело уничтожить другую. Но понимание раскола часто и ограничивается этим политическим представлением: иллюзией, что опасность может быть устранена удачными дипломатическими переговорами или равновесием вооруженных сил. На самом деле мир расколот и глубже, и отчужденней, и большим числом трещин, чем это видно первому взгляду, — и этот многообразный глубокий раскол грозит всем нам разнообразной же гибелью. По той древней истине, что не может стоять царство — вот, наша Земля, — разделившееся в себе» [7].

Н.П. Нарбут и И.В. Троцук выделяют «два механизма формирования социальных представлений, включая образы других стран: спонтанный и целенаправленный (когда официальные лица и средства массовой информации используют различные приемы конструирования образа страны как опасного врага или, наоборот, лучшего друга)» [15. С. 347]. Лидеры США, Великобритании, других стран Запада, представители НАТО углубляют этот «раскол», выделяя Россию в качестве главной угрозы и допуская высказывания о применении военной силы. Так, Барак Обама на сессии генассамблеи ООН обозначил три основные угрозы США, а также международному миру и безопасности: вирус Эбола, «русская угроза» и международный джихадизм [4].

Действующий Президент США Дональд Трамп также считает, что «НАТО будущего должно уделять огромное внимание терроризму, иммиграции, а также угрозам со стороны России и на восточных и южных рубежах НАТО» [8]. Министр обороны Великобритании Майкл Фэллон заявил, что страна оставляет за собой право на нанесение превентивного удара с использованием ядерного оружия: «Мы дали ясно понять, что при самых крайних обстоятельствах нельзя исключить применение ядерного оружия в качестве превентивного удара» [2]. Председатель Комитета начальников штабов (КНШ) ВС США генерал Джозеф Данфорд выступил с утверждением, что «Россия — это наиболее серьезная угроза» из тех, с которыми сталкиваются США [1]. В отличие от подобных заявлений Президент России Владимир Путин считает, что вооруженный конфликт между США и Россией недопустим, ибо в нем победителей не будет, и погибнут все [3]. Современные политики, ученые, духовные лица видят существующие угрозы и вызовы, реально оценивают их уровень, пытаются нащупать пути выхода из лабиринта проблем, привлечь внимание общества к возможным последствиям для человечества военного столкновения ведущих держав [16. С. 338].

В числе научных работ подобного рода следует выделить «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона, «Конец истории и последний человек» и «Великий разрыв» Ф. Фукуямы, «На пути к сверхобществу» А.А. Зиновьева, «Современная мир-система», «После либерализма», «Утопистика, или исторические альтернативы для XXI века» И. Валлерстайна, «Дальнейшие рубежи развития человека», «Мотивация и личность», «Психология бытия» А. Маслоу, «Философия политики», «Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке», «Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности», «Россия в циклах мировой истории», «Искушение глобализмом», «Православная цивилизация в глобальном мире» А.С. Панарина, «Россия и вызовы глобализации» Н.М. Ракитянского, «Корпорация-государство. Доклад на заседании клуба „Красная площадь“» А.И. Фурсова, «Расколотый мир» А.И. Солженицына и др.

В указанных работах приводится анализ состояния современного общества, отмечаются причины и условия возникновения кризисных явлений, высказываются предложения по выходу из кризиса. Многие политические процессы, происходящие в других странах, политические лидеры зачастую отображают однобоко, «выпячивая» лишь те элементы, которые выгодно представить. Системой таких медиаконтентов формируется ложный, зачастую полностью виртуальный образ «друга» или «врага», очень далекий от реального. «С усложнением структуры и, соответственно, возможностей виртуальных сетей политическое пространство также будет более емким, многомерным. В сознании реципиентов, получающих из виртуального пространства конвергированный контент, появится ощущение виртуального поля как реально существующего. Таким образом политическое медиапространство начинает существовать не только в реальных, но и в виртуальных контентях» [11. С. 135]. Это касается и формирования представлений населения о внешних угрозах.

Однако научно препарировать ситуацию, выделить и ранжировать угрозы безопасности, наметить возможные пути разрешения кризиса — это далеко не все. Необходимо воплотить научные разработки и теоретические концепции в реальную жизнь. Для этого нужны лидеры, которые по уровню своего интеллекта и силе духа были бы способны мобилизовать общество на выполнение стратегических и тактических замыслов. Эту немногочисленную группу лидеров называют *элитой*, которая включает в себя круг людей, обладающих значимым общественным положением, обусловленным особыми профессиональными качествами, личностными способностями и достижениями, или получившими свой статус и социальную позицию в силу наследственного положения, либо за счет продвижения в рамках закрытой элитной группы [5. С. 7].

Таким образом, вопросы о состоянии и механизмах рекрутинга элит, их характеристиках и восприятии лидеров населением представляют не только теоретический, но и значительный практический интерес. Эти вопросы в течение последних двадцати лет находятся в центре внимания Ростовской научной элитологической школы, сложившейся на базе Северо-Кавказской академии государственной службы (ныне Южно-Российский институт управления РАНХиГС при

Президенте РФ) и возглавляемой профессорами А.В. Понеделковым и А.М. Старостиным. На ее базе, при поддержке Совета по политологии УМО по классическому университетскому образованию РФ, Правления Национальной коллегии политологов, преподавателей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва), факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета в октябре 2013 года в Ростове-на-Дону состоялся Первый Всероссийский элитологический конгресс «Элитология России: современное состояние и перспективы развития», в работе которого приняли участие более 200 авторитетных специалистов-элитологов, — философы, юристы, представители органов государственной и муниципальной власти, деловых кругов и общественных организаций из Российской Федерации, Германии, Индии, Украины, Белоруссии, Киргизии [14].

Основное внимание на конгрессе было уделено политико-административной элите, связанной с властью. Этот сложный для научного анализа объект стал поводом для большого числа критических оценок. Каждый из выступавших по-своему пытался ответить на ключевой вопрос: насколько применим термин «элита» к группе людей, которая наделена властными полномочиями в стране? Я.А. Пляйс отметил, что основные проблемы России лежат в отсутствии «новой» элиты. На переломном рубеже 1980—1990-х не появилось элиты, готовой взять на себя новые функции и управлять «по-новому». В результате никакой революции фактически не совершилось, так как элита, пришедшая к власти, приняла на вооружение многие методы советской элиты. Людям с принципиально другой политической ментальностью просто неоткуда было взяться. Системы подготовки оппозиционной элиты в СССР не существовало, а постсоветская Россия о необходимости создать новую элиту даже не задумалась. Я.А. Пляйс сравнил 1990-е годы с «горючей смесью», давшей стране нездоровый синтез политических элит. По его представлению, в этот «сложносочиненный» тип вошла патриотически настроенная высшая партийная элита, апатриотичная бизнес-элита, а также «темная лошадка» — антиэлита, вообще не заинтересованная в процветании страны. Последнюю Я.А. Пляйс разделил на внутреннюю (российскую) и внешнюю (зарубежную). И та, и другая значительно влияют на политику России. «Антиэлите, безусловно, не место у рычагов власти. На смену ей должна прийти оппозиция, которую мы обязаны воспитать», — заключил Я.А. Пляйс.

А.В. Сморгунов отметил, что современная политическая реальность, основанная на процессах выбора и репрезентации, по своей сути есть механизм, обеспечивающий случайность выборки лучших представителей. Следовательно, политическое пространство может быть захвачено случайными людьми, так называемыми «современными политическими элитами», которые лишь заявляют о том, что они осуществляют «власть народа», тогда как на самом деле это захваченное ими политическое пространство пронизано частным интересом, заботой о собственном материальном благополучии. Профессор А.В. Сморгунов вынес на обсуждение вопрос: кто может обладать достоинством политика, кого следует отнести к элите: реальных представителей политического класса, интеллектуалов или философов?

По мнению А.М. Старостина, в переходных обществах, каким продолжает оставаться российское, вообще не может идти речи об элите. Существуют лишь некие предпосылки для ее появления, исходный материал или протоэлита. На образование элит уходит минимум четыре-пять поколений. А значит даже за время Советского Союза политическая элита не успела сложиться. Тех, кто пришел на смену советским представителям властных кругов, нельзя по существу причислять к элите, так как они не выполняют основной ее функции — не формируют «повестку дня» общества. Их главная и единственная цель — удержаться у власти. «Политическая элита России развивается не по законам элитологии». На этот парадокс обратил внимание П.Л. Карабущенко. В стране есть политический класс, но нет элиты, так как ее содержание не соответствует форме. Это ключевая элитологическая тема, требующая обсуждения. Кроме того, пора создать четкие критерии, которым должна соответствовать политическая элита [14].

Хотя в России элита остается основным политическим актором, это ничуть не ослабляет зависимость самих элитных групп от политических изменений и побуждает вести постоянный мониторинг политико-управленческих групп — считает О.В. Попова. Характеризуя эффективность деятельности региональных элит, она отметила необходимость регулярной ротации кадров: по мнению экспертов, два срока — максимальный предел, после которого представители региональной элиты и региональные депутаты должны покидать свои посты. Смена элит дает шанс на прогрессивные изменения, политическое развитие в стране. Однако анализ базовых карьерных стратегий дает основание для вывода, что отсутствие вертикальных лифтов в федеральную элиту обусловлено недоверием федерального центра к региональным элитам. О.В. Попова обратила внимание коллег на то обстоятельство, что для региональной элиты более значима карьера в исполнительной ветви власти, поскольку это связано с возможностью распоряжения финансами, контролем за денежными потоками, реальным влиянием на ситуацию. При этом абсолютная коррумпированность при распределении мест в региональной власти практически не скрывается политиками в собственной среде. Данное обстоятельство в сочетании с невозможностью «достучаться до власти» формируют у населения крайне негативную оценку региональной элиты.

О.В. Попова подвергла сомнению широко распространенное мнение, что входящие в элиту представители бизнеса устойчивы к коррупции, так как они уже достигли финансовой устойчивости. Эта логика не соответствует действительности, поскольку закон возвышения потребностей никто еще не опроверг, а во власти появляются дополнительные финансовые потоки, которые порождают новые соблазны. Не дал позитивного результата механизм рекрутирования в элиту через политические партии, прежде всего из-за ничтожной вероятности отбора во власть людей, ориентированных в своей деятельности на общественно значимый результат и из-за низкого авторитета политических партий в глазах населения.

С.А. Воронцов привел анализ критериев элитарности, определяющих совокупность личных и деловых качеств человека, рекрутируемого в элиту, которые нашли отражение в религиозных, правовых и военных документах различных ис-

торических эпох. Он подчеркнул, что правящую элиту некорректно характеризовать, как *хорошую* или *плохую*. Она является производной от уровня развития общества и ситуации, объективно существующей в конкретный исторический период в социально-экономической и политической сферах государства. В постсоветский период, отметил С.А. Воронцов, произошло расхождение между элитарностью, понимаемой в традиционном смысле понятия и обладанием реальной политической властью. Резко возросли роль принадлежности к «команде» первого лица и личной преданности лидеру, а также значение высокой материальной обеспеченности кандидата в элиту, источники которой практически не имеют значения. Это предопределило низкую компетенцию значительного числа фигурантов, попавших в элиту, привнесение ими в элитарный слой коррупционных механизмов деятельности, отсутствие у них побуждений к самосовершенствованию. Подобное положение сложилось вследствие слабости гражданского общества, широкого использования властью административного ресурса и информационных технологий в процессе реформирования элит, ограничения участия общественности в контроле за деятельностью правящей элиты. Фактически элитный рекрутинг стал внутренней функцией высшего сегмента правящей политической элиты, а процесс формирования и обновления элит превратился в самовоспроизводство правящего класса, практически утратив связи с гражданским представительством. Чтобы исправить положение и вернуть элитологию из разряда прибыльного бизнес-проекта в науку, по мнению С.А. Воронцова, необходимо повысить уровень транспарентности власти, выработать объективные критерии элитарности и усилить контроль общества за формированием и обновлением правящей элиты.

А.В. Понеделков отметил, что в рамках подготовки Конгресса были проведены исследования «Современные региональные элиты» в Республиках Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Коми, Чеченской Республике, Алтайском, Краснодарском, Ставропольском краях, Ростовской, Калининградской, Курганской, Рязанской, Челябинской, Читинской и Астраханской областях. Результаты указанных исследований, позволяющие сравнить взгляды населения с мнением экспертов из числа самой элиты, показывают, что за последние 20 лет региональная элита существенно обновилась. По экспертным оценкам, доля управленцев с советской закалкой снизилась (сейчас их примерно 30 процентов), а доля «новых» возросла до 35 процентов. Показательно, что серьезно ослаблены составляющие технократического влияния на региональное управление. Численность представителей элиты с базовым гуманитарным образованием превысила число тех, кто имеет техническую и естественнонаучную подготовку.

В результате исследования выявлены расхождения позиций населения и экспертов в оценках перспектив взаимодействия элит между собой и с гражданами страны. Если у народа еще не исчезла надежда на то, что к его запросам и пожеланиям правящие элиты будут внимательно прислушиваться (на это надеется около 40 процентов опрошенных), то для экспертов более существенными проявлениями выступают лояльность режиму и профессионализм. В оценках позитивных характеристик элит, которые выставляет население, обращает на себя внимание

парадокс: значительно выше ценится способность «разрулить» сложную ситуацию, нежели профилактика и недопущение чрезвычайных ситуаций. Также странно, что чуткость к проблемам населения и умение патронировать развитие местного бизнеса кажутся респондентам наименее важными качествами. Результаты опроса показали реальную озабоченность населения высоким уровнем коррупции, которую респонденты назвали одним из ведущих факторов, снижающим эффективность деятельности региональной элиты. Степень религиозно-экстремистской угрозы оценена населением как «скорее высокая», а надежды населения на стабилизацию обстановки связываются исключительно с Президентом России. Это объяснимо, так как регулирование общественных отношений, направленное на превенцию и преодоление противоречий, обеспечивается исключительно силой принуждения институтов публичной власти. В этом плане, учитывая низкий уровень развития и стабилизационно-правовой мотивации гражданского общества, только государственные структуры считаются реальными, действенными институциональными субъектами антиэкстремистской деятельности.

Профессор А.В. Понеделков подчеркнул, что, по мнению и экспертов, и населения, элита должна отвечать четырем главным требованиям: профессионализм, образованность, высокая нравственность, патриотизм. Правда, народ отводит профессионализму гораздо больший удельный вес (около двух третей опрошенных), нежели эксперты (22%). Направлением улучшения качественного состава элит и респонденты, и эксперты называют необходимость введения конкурсного отбора на основе профессионализма и компетентности, повышение образовательного уровня, ведение продуманной кадровой политики под контролем центра и администрации федерального округа.

Образование для элиты — это далеко не все. Элиту недостаточно просто «выучить», она должна вырасти на традициях народа. Отлаженный механизм участия народа в формировании состава политической элиты — залог ее качества. Но для этого гражданам нужно предоставлять полную и правдивую информацию о кандидатах на управленческие места. Система назначения министров и других невыборных должностных лиц должна находиться под контролем независимого экспертного сообщества. Это в корне изменит современный принцип комплектации органов власти, при котором правительственные кресла могут занимать совершенно неизвестные обществу фигуры, появляющиеся как «черт из табакерки». «Чтобы открыть путь в руководящие органы одаренным людям, нужно „включить“ социальные лифты, — уверен В.Т. Белоусов. — В СССР такие лифты работали — комсомол, партия, армия. Сегодня у тех, кто не имеет материальной базы, социальной поддержки и семейного положения, шансы пробиться в элиту почти равны нулю. В результате, во власти находятся „средняки“ из второго и третьего эшелонов советской элиты, от которых бессмысленно ждать креатива».

Мероприятия, связанные с организацией и проведением Первого Всероссийского элитологического конгресса, стали новым этапом в исследовании современных проблем отечественной элитологии, практик элитообразования в России, обобщении и оценке достигнутого уровня элитологических исследований. В октябре 2016 года, также в Ростове-на-Дону, прошел Второй Всероссийский элито-

логический конгресс с международным участием «Элитология и стратегии развития современной России», в ходе которого вопрос о состоянии и механизмах рекрутинга отечественных элит получил дальнейшее развитие [13]. В преддверии Второго Всероссийского элитологического конгресса его организаторами был проведен панельный экспертный опрос по базовым позициям, которые отслеживаются более 20 лет. Некоторые вопросы были модифицированы с учетом современной социально-политической обстановки. Участие в опросе приняли около 900 представителей экспертного сообщества из 26 регионов страны. До 40% экспертов составили ученые, остальные — представители административно-политических кругов, бизнеса, культуры, образования [6. С. 6—21]. Сопоставление результатов, полученных в ходе панельных опросов 2013 года и 2016 года, позволяет классифицировать их по следующим базовым позициям.

ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РОССИЙСКИХ ЭЛИТАХ И О ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ О НИХ

Значимость данной базовой позиции определяется тем, что в научных публикациях отмечается значительный разброс мнений о степени сформированности российской элиты, поэтому в исследованиях 2013 и 2016 годов был заложен следующий вопрос: «В научной и публицистической печати достаточно распространено мнение о том, что современная российская элита (прежде всего правящая политическая и административная и бизнес-элита) по уровню своего профессионализма, нацеленности на национальные интересы и духовно-нравственным качествам таковой не является. Это квазиэлита, т.е. элита лишь по своему статусу и властным полномочиям. Каково Ваше отношение к данной позиции?» Ответы приведены в табл. 1.

Таблица 1

Представление о российских политических элитах

№ п/п	Варианты ответов	%	
		2016	2013
1.	Положительное	26,2	62,8
2.	Скорее положительное	53,4	
3.	Скорее отрицательное	9,7	14,8
4.	Отрицательное	1,9	
5.	Безразличное	1,0	11,7
6.	Затрудняюсь ответить	2,9	
7.	Другие	7,8	

В 2016 году около 80% экспертов выделили оценочную позицию «квазиэлита». По сравнению с результатами экспертного опроса 2013 года данная позиция существенно сдвинулась в негативную сторону. Более четко обозначилась и позиция экспертов, выбравших отрицательный вариант ответа (с 14,8% в 2013 году — к 11,6% в 2016 г.). Вероятно, на мнение экспертов повлияли последствия социально-экономического кризиса последних 2-х лет. Учитывая изложенное, органам власти целесообразно внести существенные коррективы в информационную политику, в которой преобладает подача социального и экономического негатива,

что, соответственно, эксперты, выбравшие данные позиции связывают с низкой эффективностью принимаемых элитами решений. Отмеченные выше оценочные позиции нашли частичное подтверждение в ответах экспертов на вопрос: «Что Вы можете сказать, исходя из своих наблюдений, о динамике качественных изменений современных российских политических и административных элит?». Ответы приведены в табл. 2.

Таблица 2

Представление о динамике качественных изменений современных российских политических и административных элит

Варианты ответов	%
Изменилась в лучшую сторону	14,6
Осталась на прежнем уровне	45,6
Изменилась в худшую сторону	33,0
Затрудняюсь ответить	3,0

Негативные в своем большинстве оценки экспертов можно отнести к отрицательной динамике социально-экономического развития. Но, думается, что ответы на следующий вопрос: «Как, по-вашему, сформировался высший слой административного руководства области (края, республики)?» дают основание полагать, что указанные выше оценки в большей мере связаны с определенными изменениями в составе элит, обусловленными сменой поколений. Так, все меньший удельный вес занимают люди, имевшие большой опыт административно-политического управления, а также сложившиеся нравственные устои.

Таблица 3

Представление о формировании высшего слоя административного руководства области (края, республики)

Варианты ответов	%	
	2016	2013
В ходе политической борьбы произошел отбор руководителей новой формации	24,3	19,8
В этом слое представлена бывшая номенклатура, быстро сменившая прежнюю идеологическую принадлежность	42,7	37,0
К власти пришли путем интриг хитрые, беспринципные, алчные люди, ставящие своими целями личные интересы	43,7	29,5
У власти находятся сейчас люди, у которых много замыслов, желание изменить ход событий, но их усилия блокируются высшей государственной властью и коррумпированными структурами	15,5	24,8
Высший слой администрации сформировался современным демократическим путем	5,8	15,8
В высшие эшелоны администрации пришли те, кого хотели избрать избиратели	5,8	13,8
Другое	8,7	6,3

Эти данные коррелируют с экспертными оценками и суждениями о преобладающих установках в ценностно-мотивационной среде элитных слоев. Ответы на вопрос «Какие ценностные установки и мотивы лежат в основе властно-политической и управленческой деятельности современной правящей элиты России?» приведены в табл. 4.

Таблица 4

Ценностные установки и мотивы, лежащие в основе властно-политической и управленческой деятельности современной правящей элиты России

Варианты ответов	%
Стремление честно служить Отечеству	5,8
Владение властью	55,3
Иметь доступ к богатствам страны	35,0
Обогащение	46,6
Карьера, стремление к высоким должностям	54,4
Стремление завоевать уважение народа	3,9
Другое	14,6

Ничего необычного экспертные оценки не выявили. Если представитель элитной группы не имеет властных, карьерных, собственнических амбиций, то для такого рода индивида и группы в целом это аномально. Настораживает другое — отсутствие необходимого баланса личностных и национально-государственных устремлений. Следствием этого может стать формирование антигосударственной, компрадорской элиты. На объективное проявление подобной тенденции и указывают эксперты.

Сопоставительный анализ исследований 2013 и 2016 годов показывает некоторое сужение эффективности механизмов демократического отбора в состав элиты и усиление продвижения в карьерном росте «нужных людей», их приоритетной нацеленности на личные и групповые интересы. При оценке экспертами достоверности источников информации об элитах и эффективности используемого инструментария около 40% опрошенных подчеркивают несовершенство и недостаточность используемого инструментария, и лишь около 9% экспертов твердо уверены в его достаточности. Эксперты обращают внимание на выявление дополнительных признаков принадлежности к этому слою помимо широко известных и применяемых: статуса, роли в принятии решений, авторитета. Мнения экспертов о необходимых дополнениях к данному перечню изложены в табл. 5.

Таблица 5

Оценка экспертами характеристик элиты

Варианты ответов	%
Высокий уровень профессионализма	56,3
Ответственность перед обществом	60,2
Высокий нравственный потенциал	49,5
Другое	2,9

Данные индикаторы требуют акцента на разработке и легитимизации процесса выявления указанных признаков. Они не лежат на поверхности и требуют выявления, в том числе в сложных тестовых процедурах, в усложнении действий демократических институтов и механизмов, направляемых на выдвижение и отбор новой генерации политиков, администраторов, руководителей, лидеров, аналитиков, обеспечивающих принятие государственных решений.

ОЦЕНКА ДИНАМИКИ КАЧЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭЛИТНОМ СЛОЕ

В данном блоке интерес представляют системно-ценностные характеристики элит, так как они позволяют оценить, нацелена ли их деятельность на решение частно-корпоративных или общенациональных проблем. В конечном счете это позволит судить о степени устойчивости государства и его легитимности. Так, на вопрос: «Какие достоинства и негативные характеристики проявляются в деятельности современных российских политико-административных и региональных элит?» получены следующие ответы (табл. 6).

Таблица 6

Проявление достоинства и негативных характеристик в деятельности современных российских политико-административных и региональных элит

Варианты ответов	%	
	2016	2013
Умение разрешать конфликты, стабилизировать обстановку	53,4	44,5
Координация действий различных групп населения	34,0	23,5
Умение лоббировать интересы населения региона	31,1	26,8
Чуткость к проблемам населения	11,7	15,5
Патронирование развития малого бизнеса	8,7	12,3
Забота о развитии национальной культуры и образования	5,8	13,8
Другое	8,7	10,3

Следует отметить, что основные приоритетные позиции изменились незначительно, однако настораживает ослабление и без того низко рангового положения пункта «Чуткость к проблемам населения». Как говорится: комментарии излишни. Но важны детерминанты этого положения. Они просматриваются при ранжировании экспертами факторов, отражающих управленческую эффективность элит. Так, при ответе на вопрос: «Отметьте, пожалуйста, факторы, снижающие эффективность действий представителей региональной политико-административной элиты» были получены следующие ответы (табл. 7).

Таблица 7

Факторы, снижающие эффективность действий представителей региональной политико-административной элиты

Варианты ответов	%	
	2016	2013
Коррупция	64,1	57,5
Бюрократизация органов власти	51,5	35,8
Отрыв власти от народа	50,5	47,5
Низкий профессионализм служащих, исполнителей	33,0	28,5
Слабая финансовая и материальная база	22,3	27,8
Отсутствие должной информационной поддержки	20,4	8,5

За пределы анализа мы вынесли около десятка менее значимых позиций. Но, в целом, кластер негативно-деструктивных факторов за три года практически не изменился. Кратко выражая сущность указанных факторов, можно констатировать: сложившаяся в последние годы бюрократическая система работает на себя. Она обладает высокой степенью устойчивости в силу того, что механизмы элитообразования, в основном, сложились и закрепились. И без принципиально новых

подходов изменить в данной системе что-то крайне сложно. С данным выводом согласны и эксперты, что следует из их ответов на вопрос: «Какова эффективность сложившихся в Вашем регионе механизмов элитобразования?» (табл. 8).

Таблица 8

Эффективность сложившихся в регионе механизмов элитобразования

Варианты ответов	%
Высокая	39,8
Средняя	30,1
Низкая	16,5
Сложившаяся система формирует элиту крайне низкого профессионального и личностного качества	5,8
Затрудняюсь ответить	3,9

Таким образом, более половины экспертов оценили эффективность системы формирования элиты как невысокую.

Представляет интерес мнение экспертов по вопросу: «Какие факторы сегодня определяют устойчивость пребывания в политико-административной элите регионального (местного) уровня?». Варианты ответов по убыванию приоритетных выборов представлены в сравнении с данными экспертного опроса 2013 года (табл. 9).

Таблица 9

Факторы устойчивости пребывания в политико-административной элите регионального (местного) уровня

Варианты ответов	%	
	2016	2013
Умение поддерживать неформальные отношения с нужными людьми	62,1	27,5
Лояльность политическому режиму	61,2	35,5
Богатство, деньги	35,9	22,3
Профессионализм	19,4	34,0
Социальное происхождение	8,7	0,0
Национальность	6,8	2,8
Престижное образование	6,8	0,0
Умение выявлять, выражать и защищать интересы людей	6,8	42,5

Таким образом, за последние три года существенно выросла значимость ориентации служащих на начальство и «своих» людей, команду. Переломить действие этих приоритетов крайне сложно. Однако эксперты полагают, что предпосылки для этого имеются. Об этом говорят ответы на вопрос: «Какие меры Вы бы предложили для улучшения качественных характеристик современной правящей российской элиты?» (табл. 10).

Таблица 10

Предложенные меры по улучшению качественных характеристик современной правящей российской элиты

Варианты ответов	%
Ужесточение персонального спроса за некачественное исполнение служебных обязанностей	58,3
Коррупционное очищение	49,5
Дебюрократизация государственного аппарата управления	36,9
Кардинальное улучшение работы системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров государственного и муниципального управления	26,2
Что еще?	1,9

Как видно, эксперты невысоко оценивают усилия по борьбе с коррупцией, введение в практику кодексов служебной этики и т.п., но выражают надежду на то, что противодействию коррупции может способствовать усиление патриотической нацеленности и ориентация на интересы национальной безопасности (эти позиции выбраны экспертами как наиболее приоритетные при прогнозе изменений ценностно-идеологических позиций российских правящих элит).

МЕРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ РАЗВИТИЮ МЕЖЭЛИТНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ И ЛИДЕРСТВА

Оценивая значимость межэлитных взаимодействий, можно отметить сужение в рамках современной российской политической практики уровня значимости взаимодействий с интеллектуальными элитами и элитами сферы культуры. Эксперты подчеркивают необходимость расширения спектра этих взаимодействий. В частности, это подтверждают ответы на вопрос: «Не могли бы Вы охарактеризовать роль других элит (интеллектуальной, информационной, меритократии и др.), кроме административно-политических и бизнес-элит, в социально-политическом процессе современной России?» (табл. 11).

Таблица 11

Роль интеллектуальной, информационной элиты, меритократии и др. в социально-политическом процессе современной России

Варианты ответов	%
Положительная	2,9
Скорее положительная	57,3
Скорее отрицательная	16,5
Отрицательная	4,9
Затрудняюсь ответить	13,6

Более 60% экспертов оценили эту роль в качестве положительной, и лишь 20% экспертов выбрали ответ: «Скорее отрицательная» или «отрицательная». Таким образом, в оценках подавляющего числа экспертов преобладает позиция одобрения роли этих взаимодействий. Эксперты также полагают, что требует значимой поддержки и ряд других сил, которые заинтересованы в разрешении кризисных ситуаций. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос: «Какие силы, Вы считаете, заслуживают поддержки в первую очередь в контексте вывода страны из кризисного состояния?». Мы приводим выборку из числа позиций наиболее приоритетных для экспертов (табл. 12).

Таблица 12

Силы, заслуживающие поддержки в первую очередь в контексте вывода страны из кризисного состояния

Варианты ответов	%
Малый бизнес	42,7
Сильные личности	41,7
Президент страны	36,9
Ученые, преподаватели	35,9
Средний бизнес	32,0
Патриотические движения	26,2

В отношении позиции «Президент страны» просматривается определенная тревога экспертного сообщества, связанная с нарастающими атаками на В.В. Путина не только со стороны глобалистских сил, но и их партнеров внутри страны.

Ответы на вопрос: «В России всегда значительный удельный вес занимали латентно-теневые взаимоотношения в среде правящего элитного слоя. Поэтому многие качественные изменения в системе российской власти в перестроечные годы и постперестроечные годы конца XX в. оказались неожиданными и трагическими для нашего общества. Какова вероятность такого рода кардинальных трансформаций в ближайшие годы? Как Вам кажется?» приведены в табл. 13.

Таблица 13

Вероятность приведения латентно-теневых взаимоотношений в среде правящего элитного слоя к неожиданным и трагическим последствиям в масштабе общества

Варианты ответов	%
Такие изменения возможны, но их вероятность невысокая	43,7
Вероятность средняя в режиме «пятьдесят на пятьдесят»	22,3
Кардинальные изменения возможны и их вероятность высокая	16,5
Кардинальные изменения неизбежны и их вероятность очень высокая	7,8
Вероятность практически нулевая	4,9
Затрудняюсь ответить	1,0

Анализ мнений экспертов показывает, что их тревожные ожидания соотносятся с политическим оптимизмом на уровне 1 : 1, что включает в ряд элитных и неэлитных участников современного политического процесса в России Президента страны и как арбитра, и как гаранта устойчивости политической системы.

Из вышеизложенного можно сделать следующие общие **выводы**: во-первых, экспертный опрос 2016 года демонстрирует устойчивость в преобладании ряда стереотипных представлений, прежде всего о политической и бизнес-элите. И общественное, и экспертное мнение по-прежнему недооценивают элитный капитал современного правящего слоя. При этом отдают должное тем качествам, благодаря которым этот слой позиционируется как элитный: агрессия, политическая амбициозность, нацеленность на власть и карьеру, избегание следования общенациональным интересам и чаяниям населения, способность к манипуляции людьми и т.п. Это объективно, ибо без этих качеств вряд ли возможно достижение целей в политической борьбе. Одновременно отмечается все большее стремление действующей элиты обособиться и сохранить властные позиции и полученные коммерческие преференции, и все меньше — в ориентации на решение общегосударственных проблем, проблем национальной безопасности. Это может свидетельствовать о системных симптомах олигархизации элиты, склонности ко внедемократическим средствам удержания полученной власти.

Во-вторых, эксперты не дают четкого ответа на вопрос: как гражданскому обществу в рамках действующего законодательства воздействовать на сегмент коррумпированной бюрократившейся элиты? С одной стороны, они приветствуют усилия Президента России, направленные на очищение элиты административно-политическими мерами, и требуют большей принципиальности и последователь-

ности в очищении элиты от коррупционеров и некомпетентных руководителей, с другой стороны, апеллируют к нравственному и культурно-образовательному инструментарию, призванному придать «человеческое измерение» устремлениям элиты. «Учитывая все темные и текучие стороны современного постмодерна, политикам, общественным деятелям и интеллектуальной элите было бы крайне полезно руководствоваться хабермасовской «этикой дискурса» [9], восходящей к кантовскому «нравственному закону внутри нас». Представляется, что со всей очевидностью встает задача корректировки подходов к оценке деятельности и рекрутингу элит в условиях сложившейся в современной России социально-политической ситуации. Основная сложность заключается в выборе оптимального пути решения данной задачи, ибо возможных вариантов достаточно много, они альтернативны и несут в себе значительные риски, которые в отечественной ситуации XX в. уже неоднократно имели место.

В-третьих, полученные результаты дают основание полагать, что в 2017 году российское общество явно находится на «развилке», причем выбор направления дальнейшего пути развития осложняется деструктивным воздействием агрессивных кругов глобалистского сообщества, преследующих свои собственные интересы, явно расходящиеся с национальными интересами России. Своевременный учет указанных выше тенденций должен способствовать укреплению политической стабильности в обществе, улучшению взаимопонимания органов власти и гражданского общества, повышению национальной безопасности Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] В Пентагоне назвали Россию самой мощной из угрожающих Вашингтону стран // ТАСС. 2017, 23 июля // <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4433311>.
- [2] Заявление Лондона о праве на ядерный удар осудили в Совете Федерации // EADaily. 2017, 25 апреля // <https://eadaaily.com/ru/news/2017/04/25/zayavlenie-londona-o-pravena-yadernyy-udar-osudili-v-sovete-federacii>.
- [3] *Злобин А.* «Никто бы не пережил»: Путин назвал победителя в ядерной войне России и США // Forbes. 2017, 07 мая // <http://www.forbes.ru/biznes/345747-nikto-ne-perezhil-putin-nazval-pobeditelya-v-yadernoy-voyne-rossii-i-ssha>.
- [4] Обама назвал три главные угрозы миру: вирус Эбола, Россия и джихадисты // Новый день. 2014, 25 сентября // <https://newdaynews.ru/policy/512978.html>.
- [5] Основы политологии / Понеделков А.В., Самыгин С.И., Старостин А.М., Верещагина А.В. Ростов н/Д.: Феникс, 2012.
- [6] *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Элиты: гипотезы и факты // Элитология и стратегии развития современной России. Материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 21—22 октября 2016 г. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016.
- [7] *Солженицын А.И.* Расколотый мир. Выступление на ассамблее выпускников Гарвардского университета. Нью-Джерси. 2008 // www.stnicholasredbank.com.
- [8] *Фахрутдинов Р.* Трамп увидел в России угрозу // https://www.gazeta.ru/politics/2017/05/25_a_10692725.shtml.
- [9] *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016.

- [10] Чугров С.В. Трансформация общественного мнения в эпоху глобальной нестабильности // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 4.
- [11] Шарков Ф.И. Конвергенция элементов политического медиапространства // Политические исследования. 2017. № 3.
- [12] Элитология и стратегии развития современной России. Материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 21—22 октября 2016 г. Ред.-изд.: А.Ю. Шутов (рук.), О.В. Локота, С.Г. Еремеев, А.В. Понеделков, О.Ф. Шабров, А.В. Буров и др. Т. 1. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016.
- [13] Элитология и стратегии развития современной России. Материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 21—22 октября 2016 г. Ред.-изд.: А.Ю. Шутов (рук.), О.В. Локота, С.Г. Еремеев, А.В. Понеделков, О.Ф. Шабров, А.В. Буров и др. Т. 2. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016.
- [14] Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 7—8 октября 2013 г. Т. 1. Ростов н/Д.: Издательство ЮРИФ РАНХиГС. 2013.
- [15] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Neighboring countries' images: persistent stereotypes of the Russian student youth // *RUDN Journal of Sociology*. 2017. Vol. 17. No. 3.
- [16] Šuvaković U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: Social trust and key generational problems // *RUDN Journal of Sociology*. 2016. Vol. 16. No. 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-524-541

CHALLENGES FOR TODAY'S RUSSIAN POLITICAL ELITE, AND WAYS TO ADDRESS THEM*

F.I. Sharkov¹, A.V. Ponedelkov², S.A. Vorontsov²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Prosp. Vernadskogo, 84, Moscow, 119606, Russia
(e-mail: sharkov_felix@mail.ru)

²South-Russian Institute of management — branch of RANEPА
Pushkinskaya St., 70/54, Rostov-on-Don, 344002, Russia
(e-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru e-mail: raven_serg@mail.ru)

Abstract. The authors aimed to conduct a study of the current state and prospects for the development of elitology in Russia, and to identify the public perception of political leaders, which is necessary for federal and regional elites and for improving the efficiency of the state personnel policy, mechanisms for interaction of elites in the social-political space and, thus, for increasing the transparency of power. The authors rely on the political, historical-legal, formal-legal, and structural-functional analytical approaches. Based on the results of the panel expert surveys conducted during the First All-Russian Elitological Congress “Elitology of Russia: The Current State and Prospects for the Development” (2013, Rostov-on-Don) and the Second All-Russian Elitological Congress “Elitology and Strategies for the Development of Contemporary Russia” (2016, Rostov-on-Don), the authors reconstruct the general perception of Russian elites by the expert community, and the dynamics of changes in the elite group; identify the public estimates of today's regional political elites, and a discrepancy between elitism in the traditional sense and the real political power. The comparison of the results of the panel surveys conducted in 2013 and 2016 allowed to combine the findings in the groups: general perception of the Russian elites and the reliability of information about

* © F.I. Sharkov, A.V. Ponedelkov, S.A. Vorontsov, 2017.

them; estimates of the dynamics of qualitative changes in the elites; measures to promote the development of inter-elite interaction and leadership. The authors made the following conclusions: both public and expert opinions underestimate the elite capital of the ruling groups; there are system symptoms of oligarchization of the elites that tend to use non-democratic means of holding power; there is an obvious task of changing the approaches to assessing and recruiting elites in the current social-political situation in Russia; in 2017, the Russian society is at the crossroads, and the choice of the direction for further development is complicated by the destructive impact of the aggressive global elites pursuing their own interests that contradict Russia's national interests.

Key words: elite; elitology; leadership; strategic thinking; panel expert survey; elitological congress; recruiting; problems of elites transformation

REFERENCES

- [1] V Pentagone nazvali Rossiyu samoi moshchnoi iz ugrozhayushchikh Vashingtonu stran [The Pentagon called Russia the most powerful country threatening Washington]. *TASS*. 2017, July 23. <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4433311> (In Russ.).
- [2] Zayavlenie Londona o prave na yadernyi udar osudili v Sovete Federatsii [London's statement on the right to nuclear strike was condemned by the Federation Council]. <https://eadaaily.com/ru/news/2017/04/25/zayavlenie-londona-o-prave-na-yadernyy-udar-osudili-v-sovete-federacii> (In Russ.).
- [3] Zlobin A. «Nikto by ne perezhil»: Putin nazval pobeditelya v yadernoi voine Rossii i SShA [“No one would have survived”: Putin named the winner in the nuclear war between Russia and the United States]. <http://www.forbes.ru/biznes/345747-nikto-ne-perezhil-putin-nazval-pobeditelya-v-yadernoy-voyne-rossii-i-ssha> (In Russ.).
- [4] Obama nazval tri glavnye ugrozy miru: virus Ebola, Rossiya i dzikhadisty [Obama named three major threats to the world: the Ebola virus, Russia and the jihadists]. *Novyi den*. 2014, September 25. <https://newdaynews.ru/policy/512978.html> (In Russ.).
- [5] Ponedelkov A.V., Samygin S.I., Starostin A.M., Vereshchagina A.V. *Osnovy politologii* [Principles of Political Science]. Rostov-na-Donu: Feniks; 2012 (In Russ.).
- [6] Ponedelkov A.V., Starostin A.M. Elity: gipotezy i fakty. *Elitologiya i strategii razvitiya sovremennoi Rossii* [Elites: Hypotheses and Facts. Elite Studies and Strategies of Development for Today's Russia]. Materialy Vtorogo Vserossiiskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem 21—22 oktyabrya 2016 g. Ed.: Shutov A.Y. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuRIU RANKhiGS, 2016 (In Russ.).
- [7] Solzhenitsyn A.I. Raskoloty mir. Vystuplenie na assamblee vypusnikov Garvardskogo universiteta [Divided world. Speech at the Assembly of graduates of Harvard University]. New Jersey. 2008. www.stnicholasredbank.com.
- [8] Fakhruddinov R. Tramp uvidel v Rossii ugrozu [Trump saw Russia as a threat]. https://www.gazeta.ru/politics/2017/05/25_a_10692725.shtml (In Russ.).
- [9] Habermas J. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery. Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuanogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society]. Moscow: Ves' mir; 2016 (In Russ.).
- [10] Chugrov S.V. Transformatsiya obshchestvennogo mneniya v epokhu global'noi nestabil'nosti [Transformation of public opinion in the era of global instability]. *Kommunikologiya*. 2017; 5(4) (In Russ.).
- [11] Sharkov F.I. Konvergentsiya elementov politicheskogo mediaprostranstva [Convergence of political media space elements]. *Politicheskie issledovaniya*. 2017; 3 (In Russ.).
- [12] Shutov A.Y., Lakota O.V., Eremeev S.G. et al (eds.). *Elitologiya i strategii razvitiya sovremennoi Rossii* [Elitology and Strategies for the Development of Contemporary Russia]. Materialy Vtorogo Vserossiiskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem 21—22 oktyabrya 2016 g. Vol. 1. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuRIU RANKhiGS, 2016 (In Russ.).

- [13] Shutov A.Y., Lakota O.V., Ereemeev S.G. at al (Eds.). *Elitologiya i strategii razvitiya sovremennoi Rossii* [Elitology and Strategies for the Development of Contemporary Russia]. Materialy Vtorogo Vserossiiskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem 21—22 oktyabrya 2016 g. Vol. 2. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuRIU RANKhiGS, 2016 (In Russ.).
- [14] *Elitologiya Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Elitology of Russia: The Current State and Prospects for the Development]. Materialy Pervogo Vserossiiskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem, 7—8 oktyabrya 2013 g. Vol. 1. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuRIU RANKhiGS, 2013 (In Russ.).
- [15] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Neighboring countries' images: Persistent stereotypes of the Russian student youth. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 17(3).
- [16] Šuvaković U.V., Narbut N.P., Trotsuk I.V. The youth of Russia and Serbia: Social trust and key generational problems. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16(4).

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-542-554

ПРИОРИТЕТНЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЛЬНОГО БРЕНДА ГУБЕРНАТОРА (на примере Смоленской области)*

Н.Н. Розанова

Смоленский государственный университет
ул. Пржевальского, 4, Смоленск, 214000, Россия
(e-mail: roznina@yandex.ru)

Современная модель социального развития предполагает высокий уровень доверия населения к государственным институтам, что требует обращения к категориям репутации и бренда власти. Власть как некая ценность для человека и общества гарантирует высокий уровень ее признания, принятия и идентификации («моя власть», «наша власть»). В статье представлены результаты социологического изучения персонального бренда губернатора Смоленской области (в декабре 2016 года); предложено авторское определение персонального бренда губернатора, формируемого на основе имиджа и представляющего своего рода ценностный «срез» репутации, ее самые значимые, наиболее устойчивые характеристики; выявлены ценностные характеристики реального и идеального (желаемого) персонального бренда губернатора; проанализированы ключевые черты, определяющие силу бренда — целостность, отличительность и значимость. Автор приходит к выводу о преимущественно положительной окраске реального персонального бренда губернатора Смоленской области, но низкой степени его уникальности и мозаичности, что свидетельствует о неэффективных шагах власти по формированию персонального бренда губернатора. Желаемый персональный бренд губернатора, хотя и является более ярко выраженным по сравнению с реальным, также не отличается целостностью и уникальностью. Значимость, или уровень идентичности бренда губернатора, в восприятии населения достаточно высока с точки зрения принципиального содержания бренда, но различается его направленность (позитив/негатив). Относительно высокий уровень идентичности персонального бренда губернатора в определенной степени смягчает слабость таких его черт, как отличительность и целостность, поскольку они не важны для населения Смоленской области.

Ключевые слова: ценность власти; имидж; репутация; бренд; персональный бренд; губернатор; мнение населения

Перспективы государственного развития сегодня определяются успешностью выстраивания новой модели общества, основанного на доверии и ответственности, включая доверие населения государственным институтам. Среди элементов данной модели Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года выделяет: равноправный диалог общественных организаций, бизнеса и государства по ключевым вопросам общественного развития; выявление и учет интересов каждой социальной группы при принятии решений на всех уровнях государственной и муниципальной власти; широкий общественный консенсус по основным вопросам развития страны и высокое доверие граждан к государственным и общественным институтам [18].

* © Розанова Н.Н., 2017.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Информационно-аналитическое продвижение реальной репутации региональной власти» (№ 16-03-00503а).

Исследователи называют множество проблем, препятствующих становлению партнерской модели взаимодействия государства и общества: несформированность ценностей демократического правового государства; дисфункции механизма взаимодействия государства и гражданского общества, обусловленные противоречивостью процессов институционализации новых институтов [27. С. 4]; сложность формирования единой модели сетевого партнерства [12]; возрастание неудовлетворенности граждан качеством государственной власти на разных уровнях; традиционный бюрократизм аппарата, его закрытость, оторванность от общества, неспособность адекватно реагировать на перемены в обществе; деформация сознания представителей власти, обнаруживающая себя во внешних, в том числе коррупционных, проявлениях; низкий уровень политической культуры граждан и др. В результате на протяжении многих лет стабильным социально-управленческим феноменом в стране является оторванность власти от населения [8. С. 17] — ценностный разрыв, существенно затрудняющий переход процессов демократизации и консолидации на новый уровень. Образ «отчужденной власти» раскрывается как противостоящая человеку грубая и чуждая сила, выступающая в значении власти-антиценности, создающей ситуацию разрыва интересов личности и интересов власти [26]. Ценностное измерение власти определяет в качестве стратегического вектора развития выстраивание такой системы отношений «личность — общество — власть», при которой власть как самоценность включается в персональное и социальное ценностное пространство человека и общества, достигая высокого уровня своего признания, принятия и идентификации («моя власть», «наша власть»).

Современные отношения российского государства и общества характеризует некое переходное состояние от антиценностной к ценностной основе взаимодействия, что сопряжено с процессами формирования имиджа, репутации и бренда власти. Однако методологическая проблема сути и соотношения данных категорий, в том числе в политической сфере, в современной науке до конца не решена [см., напр.: 2—4; 6; 7; 9—11; 13; 16; 21—25] и не является предметом данной статьи. Отметим лишь, что исследователи не выработали однозначного подхода к разделению понятий «имидж», «репутация» и «бренд».

Остановимся на авторских определениях данных категорий. Теоретическое и эмпирическое изучение репутации региональной власти на примере исполнительной власти Смоленской области, проводимое автором с 2012 года в рамках научно-исследовательских проектов РГНФ (1), позволило сформулировать следующие определения. *Имидж власти* — символический образ власти, эмоционально окрашенный набор субъективных представлений населения о власти, не всегда отражающих ее реальную деятельность, для формирования которых достаточно средств массовой коммуникации. *Репутация власти* — совокупность устойчивых, объективно сложившихся ценностных убеждений и рациональных оценочных мнений людей о власти, формируемых в значительной степени на основе опыта прямого и/или косвенного взаимодействия, вызывающих чувство доверия и отражающих степень результативности власти в удовлетворении интересов и потребностей граждан в создании условий для достойной жизни. Репутация создается постепенно на основе имиджа и включает в себя «имиджевую составляющую».

Бренд формируется на основе репутации — это максимальная ценность субъекта — носителя бренда. Данный подход применительно к организации раскрыл Г. Даулинг, определяющий корпоративный супербренд как «чувство доверия, надежности и сопричастности, которое возникает под воздействием корпоративной репутации» [5. С. 17]. Придерживаясь подхода Даулинга и соотнося его с политической сферой, мы также считаем, что бренд власти формируется на основе ее репутации. Цель политического брендинга — формирование политической идентичности в интересах субъекта управления. Применительно к сути самой власти бренд выступает как смысл ее существования. Фактически бренд власти является высшим уровнем формирования репутации — должной репутацией власти, когда она укрепляется в сознании большинства населения и как бы проходит проверку на прочность, поскольку «бренд — это всегда обещание новых жизненных возможностей, которое нужно выполнять каждый день» [9. С. 10]. *Бренд власти* — это ценностное восприятие и отношение к власти населения (власть как личностная и общепризнанная ценность), чувство сопричастности, осознание единства с властью, высокий уровень ее персонального принятия и самоидентификации, обеспечивающие поддержку и преданность населения, уверенность во власти и гордость за ее деятельность.

Понятие персонального бренда по-прежнему остается одной из острейших проблем для его исследователей и причиной разногласий. Основное внимание исследователи брендинга уделяют товарному бренду, брендам услуг и организаций [16. С. 36]. Идею личного бренда выдвинул Т. Питерс, который отмечал, что брендовый капитал есть у каждого человека [15]. Как нематериальный актив персональный бренд стал рассматриваться в 1980-е годы с появлением концепции «капитала бренда» Д. Аакера [1]. Тема персонального бренда нашла отражение в трудах зарубежных (Т. Гэд, Т. Клоусон, Ф. Котлер, Л. Линн, Т. Питерс, Х. Рамперсад, И. Рейн, А. Розенкрейц, П. Ситкинс, М. Столлер, М. Хэмлин и др.) и российских (К.В. Архангельская, А. Бадьин, В.Г. Горчакова, Д.В. Засухин, А.И. Иващенко, Е.А. Макарова, В.В. Можайский, О.А. Питько, Ю.В. Таранова, Г.Л. Тульчинский и др.) исследователей. В целом персональный бренд определяется специалистами как узнаваемая личность, которая вызывает четкие ощущения и формирует определенные ожидания у целевой аудитории с помощью трансляции своих внутренних ценностей через внешние атрибуты. Этот уникальный образ генерирует дополнительную ценность и создает выгоды для человека-бренда.

Персональный бренд губернатора — совокупность наиболее значимых ценностных характеристик, создающих целостный символический образ губернатора (включая как эмоциональное восприятие и отношение, так и рациональное оценочное мнение), сформированный на основе имиджа и репутации, отвечающий потребностям и интересам целевой аудитории (населения) и отражающий степень осознания ее единства с деятельностью губернатора, уровень персонального принятия и самоидентификации («мой губернатор», «наш губернатор»). Персональный бренд представляет своего рода ценностный «срез» репутации, ее самые значимые и наиболее устойчивые характеристики. Формирование персонального

бренда происходит на основе его последовательной трансформации из имиджа и репутации.

Рассматривая феномен персонального бренда специалиста в контексте концепции социального капитала, А.А. Щеглатов и Н.В. Полякова процесс формирования персонального бренда разбивают на три этапа: создание имиджа специалиста, обретение им репутации и образование персонального бренда, причем имидж рассматривается как «слабая» форма, репутация — как «полусильная» форма, а персональный бренд — как «сильная» форма социального капитала. Соответственно, персональный бренд является не просто совокупностью имиджа и репутации, а комплексным понятием, имеющим большую ценность для потребителя услуг специалиста и «носителя» бренда [28. С. 121].

Далее мы представим результаты социологического исследования персонального бренда губернатора Смоленской области — А.В. Островского, проведенного в декабре 2016 года (1). В проекте ставилась задача выявления «репутационного образа» губернатора (своего рода «портрета») у населения Смоленской области на основе значимых ценностных характеристик. В силу того, что выявлялись приоритетные ценностные характеристики, мы определили репутационный образ как персональный бренд губернатора, его ценностный символический ореол. Формулировка вопроса звучала следующим образом: «Дайте, пожалуйста, в трех словах (сочетаниях слов), характеристику губернатору Смоленской области А.В. Островскому».

Сила бренда определяется сочетанием ряда черт [20]. В рамках исследования мы остановились на изучении трех из них. *Отличительность* отражает степень уникальности бренда, его яркость, эксклюзивность. При изучении персонального бренда губернатора необходимо было выяснить, насколько он уникален (чем губернатор Смоленской области отличается от других губернаторов?). *Значимость* связана с чертами личности, важными для целевой аудитории. Бренд есть производное от понимания потребностей других людей, стремления удовлетворить эти потребности и способности сделать это, сохраняя верность собственным ценностям [20]. В данном случае был выявлен как реальный, так и идеальный (желаемый) персональный бренд губернатора, определена степень их соответствия. На наш взгляд, значимость бренда определяет уровень его идентичности в восприятии населения. *Целостность* бренда связана с его очерченностью — наличием нескольких четких характеристик, выделяемых большинством. Еще одна черта бренда — *последовательность* — присутствует в персональном бренде губернатора в силу относительно длительного его нахождения у власти (с апреля 2012 года), поскольку у населения была возможность наблюдать и оценивать его деятельность.

РЕАЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ БРЕНД ГУБЕРНАТОРА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

По результатам опроса было получено 545 ценностных характеристик, объединенных в два принципиальных смысловых блока, в результате чего получился реальный позитивный (71,2% характеристик) и негативный (24,6%) персональный бренд губернатора (рис. 1, 2). 4,2% характеристик отнесены к нейтральным: молод, член ЛДПР, политик, руководитель, госслужащий, чиновник. Среди поло-

жительных характеристик, набравших менее 1% и не представленных на диаграмме, упомянем следующие: «пытается что-то улучшить, помочь Смоленщине, заинтересован в развитии области»; «стратег, дальновидный, учитывает последствия своих действий»; «спокойный, уравновешенный»; «известный, узнаваемый»; «внушает доверие и уважение»; «надежный»; «хороший». Самая положительная, на наш взгляд, характеристика губернатора, — «губернатор на своем месте».

Существенные отрицательные характеристики, которые не нашли отражения в содержании диаграммы: «бюрократ», «ленивый», «не терпит критику и любит только похвалу», «неопытный и незрелый», «беспринципный», «не учитывает мнение граждан», «не авторитет». Самые ярко окрашенные отрицательные мнения о губернаторе: «не умеет создать команду», «использует административное давление», «не пытается поднять Смоленскую область на новый уровень», «полный развал области», «чужой».

ПОЗИТИВНЫЙ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ БРЕНД ГУБЕРНАТОРА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Рис. 1. Позитивные характеристики персонального бренда губернатора Смоленской области (в %)

НЕГАТИВНЫЙ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ БРЕНД ГУБЕРНАТОРА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

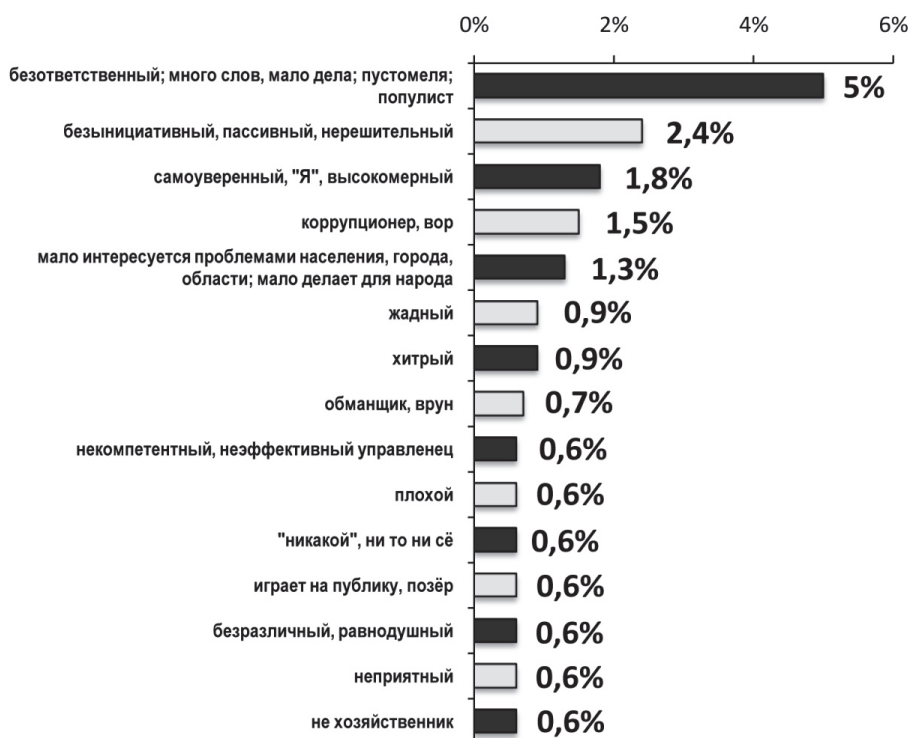

Рис. 2. Негативные характеристики персонального бренда губернатора Смоленской области (в %)

Анализ ценностных характеристик реального бренда губернатора свидетельствует о явном преобладании положительного мнения граждан, т.е. персональный бренд губернатора Смоленской области преимущественно положителен, хотя каждая четвертая его характеристика отрицательна.

Степень уникальности персонального бренда губернатора минимальна, так нет каких-то эксклюзивных черт, свидетельствующих, что губернатор Смоленской области чем-то принципиально отличается от других губернаторов, за исключением, возможно, его открытости, доступности. Конечно, это утверждение требует изучения брендов всех российских губернаторов, в то же время представленные ценностные характеристики можно отнести к некоему общему набору хороших/плохих качеств человека. В целом персональный бренд отличается размытостью характеристик, мозаичностью (в ущерб его целостности), поскольку отсутствуют ярко выраженные характеристики, которые были бы названы большинством. Так, наиболее значимые из них не набрали 10%, что свидетельствует о неэффективной политике власти по формированию целостного персонального бренда губернатора.

ИДЕАЛЬНЫЙ (ЖЕЛАЕМЫЙ) ПЕРСОНАЛЬНЫЙ БРЕНД ГУБЕРНАТОРА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Представим теперь ценностные характеристики идеального (желаемого) персонального бренда губернатора Смоленской области (рис. 3). Вопрос был сформулирован следующим образом: «Напишите, пожалуйста, в трех словах (сочетаниях

слов), каким, по Вашему мнению, должен быть идеальный губернатор Смоленской области?». Было получено 625 характеристик, менее 1% набрали: «вызывает доверие»; «законопослушный»; «прогрессивный, новатор», «перфекционист», «креативный». Наверное, самое желательное, с точки зрения любого губернатора, мнение — «такой, как Островский», т.е. действующий губернатор, хотя всего для трех опрошенных смолян. Желаемый персональный бренд губернатора более ярко выражен по сравнению с реальным, но также не отличается целостностью, его уникальность незначительна.

ИДЕАЛЬНЫЙ (ЖЕЛАЕМЫЙ) ПЕРСОНАЛЬНЫЙ БРЕНД ГУБЕРНАТОРА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

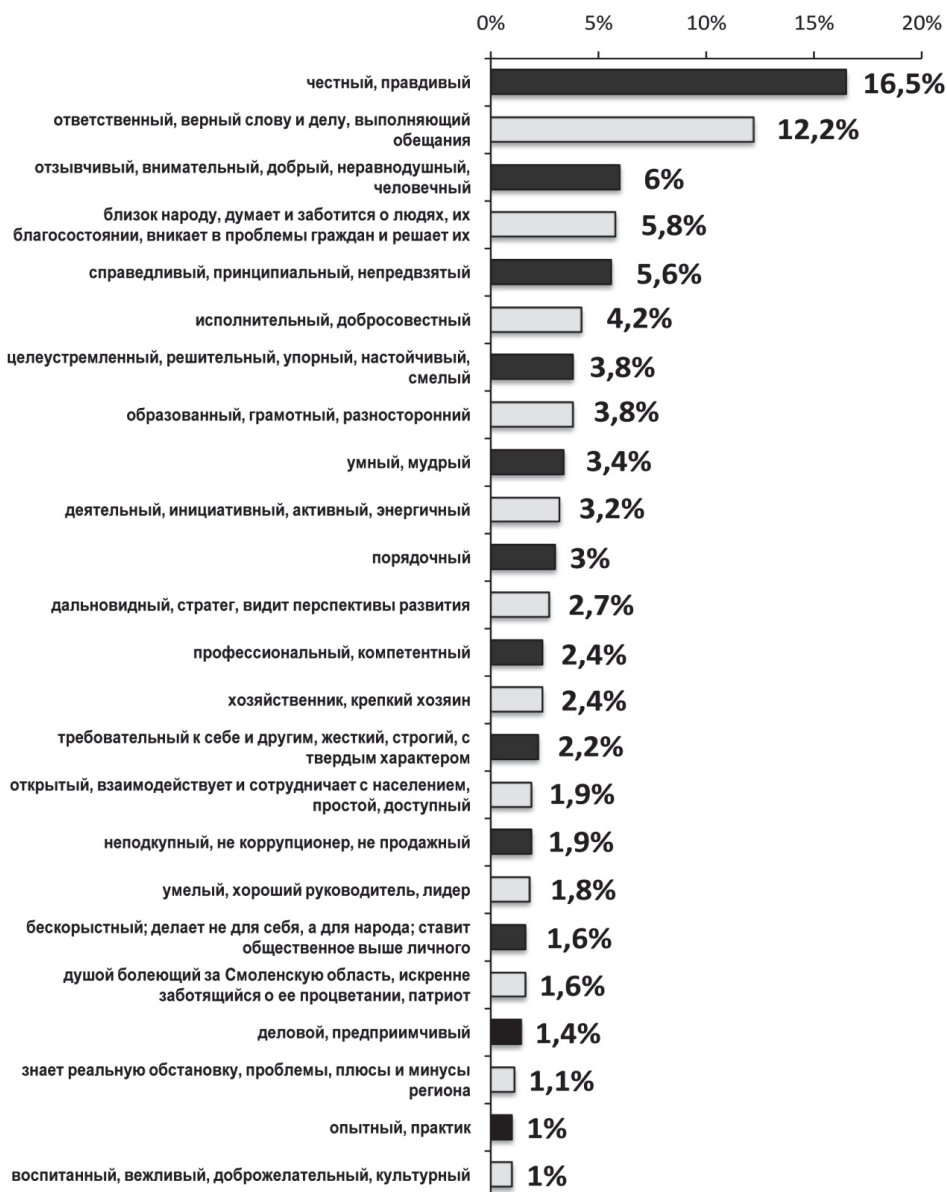

Рис. 3. Желаемые характеристики персонального бренда губернатора Смоленской области (в %)

Соотнесение реального и идеального персональных брендов губернатора (рис. 4) показывает, что в них совпадают основные ценностные характеристики (содержание бренда). По двум самым значимым характеристикам («честный, правдивый» и «ответственный, верный слову и делу, выполняющий обещания») есть проблемные зоны, особенно это касается «честности» губернатора, потребность в которой у населения гораздо выше, чем ее реальная оценка. По другим характеристикам существенных отклонений нет, есть черты, наличие которых у губернатора немного превышает желаемое («целеустремленный, решительный, настойчивый, смелый», «умный»). В то же время такая важная характеристика, как «близок народу, думает и заботится о людях, благосостоянии населения», в реальном портрете губернатора отсутствует. Таким образом, значимость/уровень идентичности бренда губернатора в восприятии населения достаточно высока с точки зрения принципиального содержания бренда, но различается его направленность (позитив/негатив).

ЗНАЧИМОСТЬ (УРОВЕНЬ ИДЕНТИЧНОСТИ) ПЕРСОНАЛЬНОГО БРЕНДА Губернатора Смоленской области, в восприятии населением

□ идеальный портрет □ реальный позитивный ■ реальный негативный

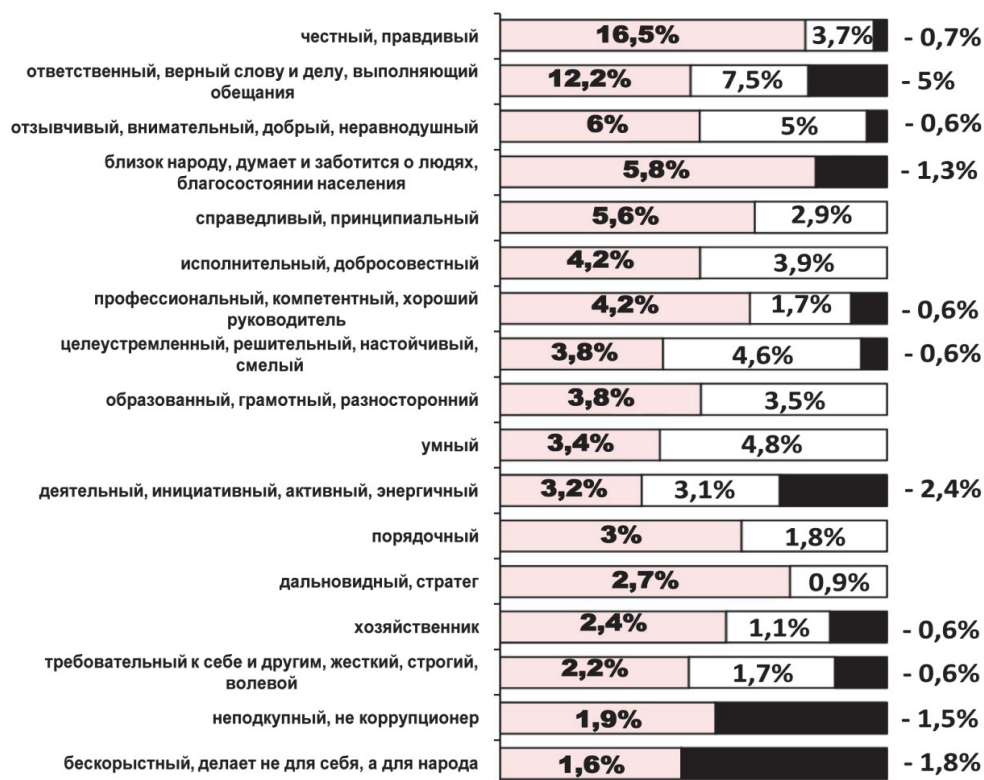

Рис. 4. Соотнесение идеального и реального персональных брендов губернатора Смоленской области (в %)

Заметим, что относительно высокий уровень значимости/идентичности персонального бренда губернатора в определенной степени смягчает или даже нивелирует слабость таких его черт, как отличительность и целостность, поскольку они не важны для населения Смоленской области. Свидетельством высокого уровня идентичности бренда являются результаты ответов на вопрос о перспективах пребывания у власти действующего губернатора: «Как Вы полагаете, нашей области нужен... новый губернатор» (36,2%), «будет лучше, чтобы оставался нынешний губернатор» — 58%.

Таким образом, по итогам изучения персонального бренда губернатора Смоленской области можно сделать следующие выводы: в целом в бренде преобладает положительное содержание, но вес негативных характеристик высок (около 25%); как реальный, так и идеальный бренды отличаются мозаичностью, в них нет ярко выраженных черт, выделяемых большинством населения, что свидетельствует об отсутствии у четко осознаваемого, желаемого персонального бренда губернатора; при этом уровень принципиальной идентичности бренда (в части его содержания) высок.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Представлены результаты анкетных опросов по изучению репутации региональной власти в Смоленске и районах Смоленской области (ноябрь 2011 — январь 2012, январь 2014, декабрь 2016, по 305 респондентов; выборка квотированная по полу, возрасту, территории). Гранты РГНФ: «Оценка репутации региональной власти» (№ 11-12-67007 а/Ц, 2011—2012); «Технология формирования позитивной репутации региональной власти» (№ 14-03-00549 а, 2014—2015); «Информационно-аналитическое продвижение реальной репутации региональной власти» (№ 16-03-00503 а, 2016—2017). См. подр.: [14].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Аакер Д.* Создание сильных брендов. М., 2008.
- [2] *Важенина И.С., Важенин С.Г.* Имидж и репутация как стратегические составляющие нематериальных активов территории // *Экономика региона*. 2010. № 3.
- [3] *Горчакова В.Г.* Имидж власти // *Маркетинг в России и за рубежом*. 2010. № 1.
- [4] *Григорьев Е.В.* Актуальные вопросы изучения политического имиджа: проблемы и методология // *Вестник Поволжского института управления*. 2012. № 2.
- [5] *Даулинг Г.* Репутация фирмы: создание, управление и оценка эффективности. М., 2003.
- [6] *Дзялошинский И.М.* Коммуникативная природа имиджа, репутации, бренда // *PR-Линия*. 2008. № 2.
- [7] *Елисеев А.Л.* Политическая репутация в региональном процессе Российской Федерации: проблемы формирования и управления // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015. Т. 10. № 6.
- [8] *Князев Д.В.* Социально-управленческие механизмы формирования доверия населения к институтам государственной власти: Автореф. дис. к.с.н. М., 2009.

- [9] *Коган Е.В.* Управление репутацией в региональном политическом процессе РФ: на примере Челябинской области: Автореф. дис. к.п.н. М., 2013.
- [10] *Кудашова Ю.В.* Технологии формирования публичного капитала в политическом позиционировании региона // Государственное управление. 2011. № 27.
- [11] *Мингазова З.Р.* Деловая репутация государственного аппарата как института власти: политологический анализ: Дис. к.п.н. Казань, 2012.
- [12] *Мироненко Н.В.* Многофункциональные центры как модель сетевого партнерства предоставления государственных и муниципальных услуг // Государственное управление. 2012. № 33.
- [13] *Молодов О.Б.* Имидж региональных органов власти: теоретические основы и проблемы формирования // Вопросы территориального развития. 2014. № 10.
- [14] Официальный сайт научно-исследовательского проекта «Репутация региональной власти» // <http://www.smolvlast.ru>.
- [15] *Питерс Т.* Человек-бренд: 50 верных способов превратиться из рядового сотрудника в бренд оригинальности, преданности и инициативности. М., 2006.
- [16] *Полякова Н.В.* Исследование персонального бренда в контексте теории социального капитала // Экономика и управление. 2012. № 9.
- [17] *Попиль В.А.* Роль личного имиджа губернатора в брендинге субъекта федерации (на примере Дальневосточного федерального округа РФ) // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 1.
- [18] Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».
- [19] *Рудакова А.Э., Гришин О.Е.* Репутационный капитал государства / Под ред. О.Е. Гришина. М., 2017.
- [20] *Спик К.Д.* Формула персонального брендинга // <http://www.personafactor.ru/index.php%3Fid%3D1%26article%3D23>.
- [21] *Троцук И.В., Ивлев Е.А.* Несколько слов о причинах высокого уровня социального недоверия в молодежной среде: образ государственного служащего // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. № 2.
- [22] *Трубецкой А.Ю.* Категория репутации в социально-политической коммуникации: Автореф. дис. ... д.п.н. М., 2006.
- [23] *Устинова Н.В.* Политическая репутация: сущность, особенности, технологии формирования: Автореф. дис. ... к.п.н. Екатеринбург, 2005.
- [24] *Фокин В.В.* Социально-психологические факторы управления репутацией: Дис. ... к.п.н. М., 2009.
- [25] *Харламов И.Г.* Управление формированием репутационного капитала // Власть. 2008. № 11.
- [26] *Хомелева Р.А.* К построению онтологической концепции власти: теоретико-методологический подход // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. Вып. 1.
- [27] *Шестакова Е.В.* Государственная политика по взаимодействию власти с институтами гражданского общества в современной России в 2000-е годы: Дис. ... к.п.н. Пермь, 2009.
- [28] *Щеглатов А.А.* Изучение персонального бренда с позиции социального капитала // Известия Байкальского государственного университета. 2011. № 5.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-542-554

PRIORITY VALUE CHARACTERISTICS OF THE GOVERNOR'S PERSONAL BRAND (on the example of the Smolensk Region)*

N.N. Rozanova

Smolensk State University
Przheval'skogo St., 4, Smolensk, 214000, Russia
(e-mail: roznina@yandex.ru)

Abstract. The contemporary model of social development presupposes a high level of public confidence to state institutions, which determines the need to address categories of reputation and brand. Power as a value implies a high level of recognition, acceptance and identification (“my power”, “our power”). The article presents the results of the sociological study of the personal brand of the Smolensk Region governor (in December 2016); the author’s definition of the personal brand of the governor based on his image and representing a specific aspect of reputation, its most significant and stable features; the value characteristics of real and ideal (desired) personal brand of the governor; key features that determine the strength of the brand — integrity, distinctiveness and significance. The author comes to the conclusion about the predominantly positive real personal brand of the governor of the Smolensk Region despite its low degree of uniqueness and mosaic nature, which indicates ineffective steps of the government to form a personal brand of the governor. The desired personal brand of the governor, though more pronounced than the real one, also does not possess integrity or uniqueness. The significance, or identity of the governor’s brand, in the perception of the population is high enough in terms of its content, but its ‘directions’ (positive/negative) differ. The relatively high level of identity of the personal brand of the governor to some extent compensates the weakness of its distinctiveness and integrity for they are not important for the population.

Key words: value of power; image; reputation; brand; personal brand; governor; public opinion

REFERENCES

- [1] Aaker D. *Sozdanie sil'nykh brendov* [Building Strong Brands]. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [2] Vazhenina I.S., Vazhenin S.G. Imidzh i reputatsiya kak strategicheskie sostavlyayushchie nematerialnykh aktivov territorii [Image and reputation as strategic components of intangible assets of the territory]. *Ekonomika regiona*. 2010; 3 (In Russ.).
- [3] Gorchakova V.G. Imidzh vlasti [Image of power]. *Marketing v Rossii i za rubezhom*. 2010; 1 (In Russ.).
- [4] Grigor'ev E.V. Aktualnye voprosy izucheniya politicheskogo imidzha: problemy i metodologiya [Urgent issues in the study of the political image: Problems and methodology]. *Vestnik Povolzh'skogo instituta upravleniya*. 2012; 2 (In Russ.).
- [5] Dauling G. *Reputatsiya firmy: sozdanie, upravlenie i otsenka effektivnosti* [Reputation of the Firm: Creation, Management, and Efficiency Evaluation]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [6] Dzyaloshinskii I.M. Kommunikativnaya priroda imidzha, reputatsii, brenda [Communicative nature of image, reputation, and brand]. *PR-Liniya*. 2008; 2 (In Russ.).
- [7] Eliseev A.L. Politicheskaya reputatsiya v regional'nom protsesse Rossiiskoi Federatsii: problemy formirovaniya i upravleniya [Political reputation in the Russian regional processes: Problems of development and management]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. 2015; 10 (6) (In Russ.).

* © N.N. Rozanova, 2017.

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. The project No. 16-03-00503a “Information-analytical promotion of the real reputation of regional authorities”.

- [8] Knyazev D.V. *Sotsialno-upravlencheskie mekhanizmy formirovaniya doveriya naseleniya k institutam gosudarstvennoi vlasti* [Social-Managerial Mechanisms for Ensuring Public Confidence in the State Power Institutions]. Avtoref. diss. k.s.n. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [9] Kogan E.V. *Upravlenie reputatsiei v regional'nom politicheskom protsesse RF: na primere Chelyabinskoi oblasti* [Reputation Management in the Russian Regional Political Process: the Chelyabinsk Region Case]. Avtoref. diss. k.p.n. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [10] Kudashova Yu.V. *Tekhnologii formirovaniya publitsitnogo kapitala v politicheskom pozitsionirovani regiona* [Technologies for developing public capital in the political positioning of the region]. *Gosudarstvennoe upravlenie*. 2011; 27 (In Russ.).
- [11] Mingazova Z.R. *Delovaya reputatsiya gosudarstvennogo apparata kak instituta vlasti: politologicheskii analiz* [Business reputation of the state apparatus as an institution of power: A political analysis]. Diss. k.p.n. Kazan; 2012 (In Russ.).
- [12] Mironenko N.V. *Mnogofunktional'nye tsentry kak model' setevogo partnerstva predostavleniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug* [Multifunctional centers as a model of network partnership for providing state and municipal services]. *Gosudarstvennoe upravlenie*. 2012; 33 (In Russ.).
- [13] Molodov O.B. *Imidzh regional'nykh organov vlasti: teoreticheskie osnovy i problemy formirovaniya* [Image of regional authorities: Theoretical foundations and problems of development]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*. 2014; 10 (In Russ.).
- [14] *Ofitsialnyi sait nauchno-issledovatel'skogo proekta «Reputatsiya regionalnoi vlasti»* [Official website of the research project “Reputation of Regional Authorities”]. <http://www.smolvlst.ru> (In Russ.).
- [15] Peters T. *Chelovek-brend: 50 vernykh sposobov prevratit'sya iz ryadovogo sotrudnika v brend originalnosti, predannosti i initsiativnosti* [The Brand You: Fifty Ways to Transform Yourself from an ‘Employee’ into a Brand That Shouts Distinction, Commitment, and Passion]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [16] Polyakova N.V. *Issledovanie personalnogo brenda v kontekste teorii sotsial'nogo kapitala* [The study of a personal brand in the context of the social capital theory]. *Ekonomika i upravlenie*. 2012; 9 (In Russ.).
- [17] Popil' V.A. *Rol lichnogo imidzha gubernatora v brendinge sub'ekta federatsii (na primere Dalnevostochnogo federal'nogo okruga RF)* [The role of the governor’s personal image in branding the subject of the federation (on the example of the Far Eastern Federal District)]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2017; 6 (1) (In Russ.).
- [18] *Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r “O kontseptsii dolgosrochnogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda”* [Order of the Russian Government on November 17, 2008 No. 1662-r “Concept of the Long-Term Social-Economic Development of the Russian Federation until 2020”] (In Russ.).
- [19] Rudakova A.E., Grishin O.E. *Reputatsionnyi kapital gosudarstva* [Reputational Capital of the State]. O.E. Grishina (Ed.). Moscow; 2017 (In Russ.).
- [20] Speak C.D. *Formula personal'nogo brenda* [Personal branding formula]. <http://www.personafactor.ru/index.php%3Fid%3D1%26article%3D23> (In Russ.).
- [21] Trotsuk I.V., Ivlev E.A. *Neskolko slov o prichinakh vysokogo urovnya sotsial'nogo nedoveriya v molodezhnoi srede: obraz gosudarstvennogo sluzhashchego* [Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants’ social image]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 2 (In Russ.).
- [22] Trubetskiy A.Yu. *Kategoriya reputatsii v sotsial'no-politicheskoi kommunikatsii* [“Reputation” category in social and political communication]. Avtoref. diss. d.p.n. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [23] Ustinova N.V. *Politicheskaya reputatsiya: sushchnost', osobennosti, tekhnologii formirovaniya* [Political Reputation: Nature, Features, Technologies of Development]. Avtoref. diss. k.p.n. Ekaterinburg; 2005 (In Russ.).

- [24] Fokin V.V. *Sotsialno-psikhologicheskie faktory upravleniya reputatsiei* [Social-Psychological Factors of Reputation Management]. Diss. k.p.n. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [25] Kharlamov I.G. *Formirovanie reputatsii v politike i biznese: sravnitelnyi analiz* [Reputation in Politics and Business: A Comparative Analysis]. Avtoref. diss. k.p.n. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [26] Khomeleva R.A. К построению онтологической концепции власти: теоретико-методологический подход [On the construction of the ontological concept of power: Theoretical-methodological approach]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2000; III (1) (In Russ.).
- [27] Shestakova E.V. *Gosudarstvennaya politika po vzaimodeistviyu vlasti s institutami grazhdanskogo obshchestva v sovremennoi Rossii v 2000-e gody* [State Policy in the Interaction of Power with Civil Institutions in Russia in the 2000s]. Diss. k.p.n. Perm; 2009 (In Russ.).
- [28] Shcheglatov A.A. Изучение персонального бренда с позиции социального капитала [The study of the personal brand from the standpoint of social capital]. *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011; 5 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-555-567

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ (обзор эмпирических исследований)*

И.Б. Назарова¹, М.П. Зеленская²

¹Центр социального предпринимательства
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, 101000 Москва, Россия

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 Москва, Россия

В статье проанализированы и обобщены результаты исследований репродуктивных установок студентов российских вузов, представленные в работах, опубликованных с 2000 по 2017 годы. Студенты не имеют достаточного жизненного опыта, который позволяет им сделать нравственный выбор под давлением противоречивой информации СМИ, а в некоторых случаях и пропаганды определенных ценностей или антиценностей в сфере семьи, брака, материнства (отцовства). Низкий уровень информированности студентов по основным вопросам, связанным с планированием и созданием семьи, рождением детей, заботой о здоровье сочетается с активной и рискованной сексуальной жизнью. Несмотря на безусловный авторитет и позитивный пример родителей, большинство молодых людей самостоятельно получают информацию о сексуальных отношениях, в том числе посредством личного болезненного опыта. Сегодня можно говорить о трех типах молодежи: (1) большинство уважает традиционные семейные ценности, стремятся им следовать; (2) значительная часть уважает традиционные семейные ценности, но следовать им не может или не желает; (3) каждый десятый не уважает и не следует традиционным ценностям в вопросах брака и семьи, выступая к ним в оппозиции (для них брак не имеет значения, они не стремятся родить и воспитать ребенка, не задумываются о нравственности во взаимоотношениях полов и т.д.). В качестве факторов, которые влияют на создание семьи, планирование детей и их число, в статье выделены следующие: социально-психологические (собственные убеждения, мнение близких людей, ограниченный временной ресурс; незапланированная беременность и отношение к аборту; наличие и качество партнера; социальная и психологическая зрелость; отношение к будущему — уверенность в завтрашнем дне); религиозность; опыт (пример семейной жизни родителей); социально-демографические (возраст; структура родительской семьи); экономические (наличие и качество жилья; материальное положение); физические (состояние здоровья); институциональные (государственная семейная политика, влияние церкви, СМИ).

Ключевые слова: студенты; молодежь; репродуктивные установки; репродуктивное поведение; ценности; здоровье; семья

Ценности являются основой общества, частью национальной культуры, поэтому подавляющее большинство населения следует ценностям, которые сложились за много веков, включая представления о добре и зле, как надо жить человеку [12. С. 62]. Ценности общества проявляются во всех сферах жизнедеятельности, в том числе во взаимоотношениях между людьми в общественной и приватной сфере, определяют эти отношения, включая создание и сохранение семьи, рождение и воспитание детей.

* © Назарова И.Б., Зеленская М.П., 2017.

Традиционная российская семья основывалась на христианских ценностях, подразумевающих любовь, супружескую верность, заботу друг о друге, взаимное уважение, повиновение главе семьи, согласие в делах, благодарность друг другу, терпение и веру. К браку относились как к чему-то священному, поскольку через любовь к супругу можно было прийти к спасению души [29]. Следование ценностям семьи и брака в традиционном российском обществе предполагало обязательность, неразрывность и однозначную последовательность вступления в брак, начала сексуальных отношений и рождения детей [6. С. 76]. Разрыв этой последовательности во взаимоотношениях полов сегодня отражают демографические показатели: снижение числа браков, смещение вступления в брак в более поздние возрасты с одновременным снижением возраста вступления в половую жизнь, снижение рождаемости, рождение первого ребенка в более позднем возрасте и вне брака, увеличение числа разводов и незарегистрированных браков (сожительств). Вместе с тем семья и в постсоветский период оставалась важной составляющей ценностей россиян [15]. Причем российские традиционные ценности, прежде всего в экономике, активно критиковались в реформируемой России, эксперты указывали на то, что традиционные и советские ценности привлекательны, но низкопродуктивны, а западная экономика и культура уже 400 лет демонстрируют свое превосходство, в том числе в создании духовных ценностей [39. С. 14].

Ценности достаточно ригидны, но меняются под воздействием разных факторов, в том числе экономических [10], а иногда целенаправленно — посредством рекламы и пропаганды на фоне изменений в экономике и политике [39. С. 35]. П. Сорокин на примере США показал изменение ценностей в сексуальной жизни под воздействием пропаганды, когда на экранах телевизоров и в кинотеатрах, в литературе и журналах, в газетах и Интернете идет поток информации гипертрофированной сексуальной направленности патологического характера, что привело к сексуальной революции [34. С. 10]. Аналогичные процессы шли и в пореформенной России. Вместе с тем возможно и позитивное влияние на репродуктивные установки: в результате эксперимента по разъяснению студентам традиционных семейных ценностей увеличилось число считающих обязательной регистрацию брака для прочной и полноценной семьи (с 47,7% до 65,8%), снизилось одобрение добрачной сексуальности (с 17,6% до 6,4%), и увеличилось число считающих оптимальной семью, где есть братья и сестры (с 55,8% до 66%) [35].

Сегодня в российском обществе молодежи предлагаются противоречивые ценности. Материалы многих СМИ обесценивают брак, распространяя представление о преимуществах свободных отношений, сексуального раскрепощения, позитивно оценивая уход от ответственности и грубое манипулирование для получения удовольствий [29]. Одновременно государство определило свои приоритеты — формирование благополучной молодой российской семьи, живущей в зарегистрированном браке, ориентированной на рождение и воспитание нескольких детей, занимающейся их воспитанием и развитием на основе традиционной для России системы ценностей [14]. По мнению экспертов, в России формируются три условных социально-психологических типа отношения к семье, материнству и отцовству: 1) гедонистически-феминистский (находит все больше сторонников) — сознательный отказ от выполнения ролей отца и матери, рождение и воспитание детей рассматривается как тяжелая обуза, во многом препятствующая реализации

профессионального и творческого потенциала; 2) традиционно-ценностный — основывается на присущем русской культуре отношении к семье как важнейшей духовно-нравственной ценности (материнство и отцовство воспринимаются как священное призвание); 3) компромиссный/противоречивый (доминирует) [16]. Репродуктивные установки (предполагаемая модель семьи) — предвестник определенного (репродуктивного) поведения, связанного с поиском брачного партнера, созданием семьи и воспитанием детей, и в конечном итоге определяют картину воспроизводства населения и его качество.

Реализация репродуктивных установок и репродуктивного поведения начинается в молодом возрасте, в том числе во время обучения в вузе, поэтому мы проанализировали и обобщили результаты исследований репродуктивных установок студентов (1982—2000 годов рождения) российских вузов, представленные в статьях с 2000 по 2017 годы, размещенных в научной электронной библиотеке (<http://elibrary.ru>). В исследованиях рассматривались установки студенческой молодежи российских вузов, в том числе Москвы (МГУ им. М.В. Ломоносова — 372 студента) [37], Вологды (494) [11], Набережных Челнов (384) [20], Тамбова (1480) [31], Читы (474) [3], Удмуртии (469) [24], Ростовской области (1028) [33]. На вопросы анкет отвечали студенты, обучающиеся на разных курсах, а также их родители (в Москве, Коломне, Таганроге и Твери) [17]. Кроме указанных, часть исследований не имели репрезентативной выборки, некоторые можно рассматривать в качестве пилотажа и формулировки гипотез о репродуктивных установках студенческой молодежи.

Студенческая молодежь представляет собой социально-демографическую группу, объединенную возрастом, условиями деятельности (обучение в вузе и трудовая занятость) и жизни (проживание в общежитии или в родительской семье); характеризующуюся психофизиологическими особенностями периода физиологического, психического и социального созревания. Студенты в большинстве своем представляют молодежную группу от 17 до 23 лет, не создали семью (по данным различных исследований, не замужем или холосты от 79% до 95% [7; 27]) и не имеют детей. Студенты — это молодежь особого «качества», отличающаяся целеустремленностью в получении образования и знаний; нацеленных на самосовершенствование, реализацию карьерных планов, в том числе связанных с завершением обучения (продолжительностью четыре, пять/шесть или девять лет в зависимости от уровня обучения). Цели студентов одновременно утилитарны и возвышенны: стать квалифицированным специалистом, получить «корочку» для трудоустройства и знания, необходимые для жизни, и возможность саморазвития и самореализации [21]. Треть студентов планируют свое будущее только на ближайшие 2—3 года. Практически половина готовы переступить через моральные принципы ради жизненного успеха, треть — в зависимости от ситуации [18]. Необходимость и желание получить высшее образование и факторы-ограничения — продолжительность обучения в вузе и требования, предъявляемые к обучающимся, в совокупности с другими условиями, могут влиять на репродуктивное поведение, например, на откладывание оформления брака и рождение детей на период после завершения обучения. Кроме того, большинство студентов могут иметь особые культурные характеристики, присущие поколению Y — «миллениалов», также связанные с откладыванием вступления в брак и рождения детей [40].

Здоровье и здоровьесберегающее поведение: готовность к созданию семьи и рождению ребенка. Несмотря на высокие оценки, которые студенты дают своему здоровью [30], большинство имеют множество проблем (в том числе полученных в период обучения в школе): заболевания органов пищеварения (34%); глаз (28,7%); сердечно-сосудистой системы (21,8%); гинекологические (16,8%); аллергические (14,4%); костно-мышечной системы (12,8%); нервной (11,7%); мочеполовой (10,1%); органов дыхания (9,6%). Каждый третий имеет 2—3 заболевания [13]. Более чем у половины студенток (59,3%) имеются хронические заболевания, при этом рекомендации врача выполняет только половина из них, прежде всего из-за нехватки времени (35,8%) [26]. Студенты не могут сохранить или восстановить свое здоровье во время обучения и в силу объективных обстоятельств (психоэмоциональная нагрузка во время сессии (78,2%), большая учебная нагрузка (46,2%), отсутствие горячего питания (45,8%), нерациональное расписание занятий (38,2%), плохое освещение аудиторий (18,5%), неудовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние учебных корпусов (15,1%), некачественное медицинское обслуживание (13,4%)) [13].

У значительной части студентов наблюдается рискованное поведение в отношении своего здоровья, в том числе репродуктивного. Например, курит каждый третий студент Пензенского государственного педагогического университета (33,2%: 47,1% юношей и 27,6% девушек), употребляют алкоголь 88,2% юношей и 87,6% девушек, каждый десятый успел попробовать наркотики (табл. 1) [13]. Курили или курят табак до 10% студенток Удмуртии, треть употребляют алкоголь (некоторые — пиво и водку во время беременности). Половина студенток считает, что у них правильный режим дня, рациональное питание, 64,3% отмечают, что у них нет вредных привычек, каждая четвертая — моногамность половых отношений. Половина студентов спят 6—8 часов в сутки, треть — менее 6 часов, половина ведет малоподвижный образ жизни [26]. Свободное время (досуг) — то, что остается после 6—9 часов занятий в вузе и подготовки к занятиям — для большинства связано с просмотром телевизора (79,4%). Занимаются оздоровительной физической культурой (различными видами спорта) 59,2% (76,5% юношей и 52,4% девушек) [13].

Начало взаимоотношений у юношей и девушек. Молодые люди склонны считать, что достаточно осведомлены в вопросах секса, брака и рождения детей. Так, более половины юношей получают информацию из Интернета, реже — от друзей и родителей [7], но эта информация может быть сомнительного толка. На тему любви и подготовки к семейной жизни с родителями общаются чаще девушки (58,8%) и треть юношей [33]. Между тем половой дебют у большинства юношей-студентов уже состоялся (85—90%), как правило, в 17—19 лет [31]. У каждого пятого воспоминания о первом опыте отрицательные [7]. Треть студенток первого курса имеют сексуальный опыт, а на шестом курсе — девять из десяти [3]. Раннее начало половой жизни сочетается с недостаточным уровнем знаний о контрацепции и профилактике заболеваний, передающихся половым путем [25]. Молодые люди ведут рискованную сексуальную жизнь: за короткий срок половой жизни юноши успели сменить от 3 до 12 партнеров (в среднем 6 партнеров), девушки — 2—3 партнеров [31], предохраняются от 60% до 80% девушек,

ведущих половую жизнь [5; 36]. Абсолютное большинство девушек не делали аборт (99%). Половина относятся к абортам негативно, треть — нейтрально [7]. Более половины никогда не задумывались о нравственности аборта [31].

Формализация отношений: оформление брака, сожительство. Если студенты еще не создали семью в момент опроса, то большинство из них планируют это сделать (63,4% — 95,0%), каждый четвертый затруднился дать ответ, каждый десятый вступить в брак не хочет. Подавляющее большинство юношей положительно относятся к браку, официально оформленным отношениям (70%), каждый пятый — нейтрально, а 7% — негативно [7]. Юноши в брак хотели бы вступить в среднем в 26 лет, девушки — в 24 года [17], т.е. после завершения обучения в университете. Треть российских студентов указали на то, что главным условием заключения брака для них является финансовая независимость, способность обеспечить себя и свою семью [21]. В целом студенты откладывают создание семьи (не думают о создании семьи в ближайшее время — 76%) и официальное оформление отношений, предпочитая сожительство (56%) [32], которое рассматривается как репетиция семейной жизни (60%) [11].

Вместе с тем для 10—30% студентов сожительство неприемлемо [11; 33]. Так, большинство студенток Ижевска считают, что брак обязательно должен быть зарегистрирован (63,3%), треть рассматривает незарегистрированный брак как этап, предшествующий регистрации отношений, 8,1% согласны на сожительство [25]. Воспитание детей требует обязательной регистрации брака для 72% девушек и 58% юношей [11]. Половина молодых людей допускает возможность развода при наличии детей [32]. Каждая вторая девушка готова создавать неполные семьи, а каждый третий юноша согласен с правом женщины на рождение ребенка вне брака и воспитание без участия отца [31].

Планирование ребенка. По результатам исследований от трети до двух третей студентов считают, что детей надо рожать на первом-втором году брака или через несколько лет после вступления в брак, как правило, в возрасте 20—25 лет [32; 27; 3]. Треть студенток хотели бы создать семью и родить ребенка во время обучения в вузе, при этом каждая пятая хотела бы получать дополнительную материальную, психологическую и социальную поддержку от вуза [25]. Установки в отношении числа детей в собственной семье связаны, как правило, с числом детей в родительской семье, желаемым возрастом вступления в брак или семейным статусом [37]. Единственные дети очень редко хотят иметь двух и более детей [17]. Студенты, которые нацелены на крепкую семью в браке и считают сожительство неприемлемым, мечтают о большем числе детей (в среднем 2,32), чем те, кто лояльно относится к сожительству (1,87) [11].

Студенческая молодежь в части репродуктивных установок, возможно, отличается от остальной молодежи. Результаты исследования, проведенного в тридцати субъектах Российской Федерации среди населения репродуктивного возраста, показали, что репродуктивные установки людей с высшим или неполным высшим образованием нередко отличаются от установок прочих социальных групп [1]. В частности, женщины с высшим или неполным высшим образованием чаще считают, что первый брак регистрировать обязательно, среднее желаемое число детей у них меньше. Мужчины с высоким уровнем образования в отношении регистра-

ции первого брака не столь принципиальны; в среднем они хотят больше детей, чем женщины с высшим и незаконченным высшим образованием, и больше, чем мужчины с начальным средним общим, начальным и средним профессиональным образованием.

Факторы, влияющие на репродуктивные установки и поведение. Демографы считают, что, число детей в семье соответствует потребности в них [2; 19]. Экономисты указывают на то, что снижение уровня семейных доходов удерживает молодые семьи от рождения первого и последующих детей. По мнению же 7% студентов, ничто не должно влиять на желание и возможность иметь детей [8; 3; 27]. Однако опыт семейной жизни родителей повлиял на взгляды подавляющего большинства (90%) молодых людей; пропаганда семейных ценностей (совместное воспитание детей, основанное на заботе и уважении друг к другу, ценность брака, ведение совместного хозяйства, гармония и взаимопонимание) имеет большое значение для 84% студентов [17]. Студенты называют факторы, которые влияют (могут влиять) на создание семьи, планирование детей и их число. Например, студенты Ижевска объясняют невозможность раннего создания семьи и рождения большого числа детей социально-экономическими проблемами (финансовыми, жилищными, необходимостью карьерного роста, взаимоотношениями в семье, наличием вредных привычек) [28]. Важную роль играют и моральный принцип поиска надежного партнера для серьезных отношений [23].

Обобщение результатов исследований позволяет выделить группы факторов, которые влияют на создание семьи и рождение детей: *социально-психологические* (собственные убеждения, мнение близких людей, ограничение временного ресурса (в том числе сочетание учебы с работой); незапланированная беременность и отношение к аборту; наличие и качество партнера; социальная и психологическая зрелость (готовность к браку); отношение к будущему (уверенность в завтрашнем дне); религиозность; опыт (пример) семейной жизни родителей); *социально-демографические* (возраст; структура родительской семьи — число детей в семье, наличие в семье родителей, бабушек/дедушек); *экономические* (наличие и качество жилья; материальное положение); *физические* (состояние здоровья); *институциональные* (государственная семейная политика, влияние церкви, СМИ, ценности и традиции общества).

Молодежь формирует репродуктивные установки и представление о семье под воздействием ценностей и традиций, предлагаемых ближайшим окружением и обществом в целом (табл.). Студенты не имеют достаточного жизненного опыта, который позволяет сделать нравственный выбор в условиях противоречивой информации СМИ, а в некоторых случаях пропаганды определенных ценностей или антиценностей в сфере семьи, брака, материнства (отцовства). Низкий уровень информированности по вопросам, связанным с планированием и созданием семьи, рождением детей, заботой о своем здоровье сочетается с практиками раннего начала, активной и рискованной сексуальной жизни. Несмотря на безусловный авторитет и позитивный пример родителей, большинство молодых людей самостоятельно получают необходимую информацию о сексуальных отношениях, в том числе посредством негативного и болезненного опыта.

Ценности и факторы, влияющие на репродуктивные установки студентов

Обобщенные характеристики студентов	Ценности и факторы	
	Не способствующие укреплению репродуктивного здоровья и созданию семьи (антиценности)	Направленные на создание семьи и рождение детей
Здоровье и здоровьесберегающее поведение		
Наличие вредных привычек: курение, употребление алкоголя, наркотиков	курят — 33,2% (47,1% юношей и 27,6% девушек) употребляют алкоголь 88,2% юношей и 87,6% девушек пробовали наркотики — 17,2% (23,5% юношей и 14,7% девушек) хотели попробовать наркотики или психотропные вещества — 9,7% [13]	нет вредных привычек — 64,3% студенток, правильный режим дня — 54,3%, рациональное питание — 55,6% [26] никогда не принимали наркотики — 82,8% [13]
Взаимоотношение с партнерами, поиски супруга и создание семьи		
Начало сексуальных отношений	в период совершеннолетия — треть девушек при появлении любимого человека — более половины, в период полового созревания — 6 из 100 (11—15 лет) [5]	только в браке — 4 девушки из 100 [5]
Отношение к удачной половой жизни	наличие постоянного партнера без регистрации брака — 25%, разнообразные сексуальные контакты — 3% [5]	семейная сексуальная жизнь — 72% [5]
Половой дебют и практика сексуальных отношений	уже состоялся — у 85—90% юношей, в возрасте 17—19 лет юноши успели сменить от 3 до 12 партнеров (в среднем 6), девушки — 2—3 партнеров [31] имеют сексуальный опыт — треть студенток первого курса, 91,8% шестого курса [3]	моногамность — 24,7% [26]
Отношение к созданию семьи	нейтрально — 21%, негативно — 7% [7]	юноши положительно относятся к браку, официально оформленным отношениям и планируют создание семьи — 70% [7]
Отношение к формализации отношений	откладывают оформление отношений, предпочитают сожительство — 56% [32] сожительство как репетиция семейной жизни — 60% [11] сожительство — этап, предшествующий регистрации брака — треть, согласны на сожительство — 8,1% [24] допускают развод при наличии детей — половина [32], готова создать неполную семью — каждая вторая девушка, согласен с правом женщины создавать неполную семью с рождением ребенка вне брака и без отца — каждый третий юноша [31]	сожительство абсолютно неприемлемо — 10—30% [11; 33] брак должен быть зарегистрирован органами ЗАГС — 63,3%, [24] брак обязательно регистрировать для воспитания детей — 72% девушек, 58% юношей [11]
Отношение к опыту семейной жизни родителей	опыт родителей повлиял на отношение к браку — небольшая доля [17]	опыт родителей повлиял на отношение к браку — 90% совместное воспитание детей, основанное на заботе и уважении; ценность брака; ведение совместного хозяйства; гармония и взаимопонимание крайне важны — 91,8% [17]

Окончание таблицы

Обобщенные характеристики студентов	Ценности и факторы	
	Не способствующие укреплению репродуктивного здоровья и созданию семьи (антиценности)	Направленные на создание семьи и рождение детей
Отношение к вопросам планирования ребенка	не планируют (не хотят) детей — 2—12% [7; 32]	детей надо рожать на первом-втором годах брака или через несколько лет после вступления в брак, в возрасте 20—25 лет — от трети до двух третей студентов [32; 27; 3] хотели бы создать семью и родить ребенка во время обучения в вузе — треть студенток [25]
Отношение к абортam	нейтрально — треть [7] никогда не задумывались о нравственности абортов — 56% [32]	негативное — половина студентов не делали аборт — 99% студенток [7] недопустимость аборта — 7% [27]

Субъективные факторы — убеждения и репродуктивные установки молодых — отражают их ценности. Очевидно, что убеждения — отношение к своему здоровью и здоровью будущего супруга, ребенка, которые проявляются в приверженности здоровому образу жизни (отказ от вредных привычек, занятие спортом, своевременное лечение, нравственное сексуальное поведение), — формируются в том числе под воздействием семьи, культуры и традиций общества. Сегодня сложилось три основных типа молодых людей: (1) большинство уважают традиционные семейные ценности, стремятся (желают) им следовать и в той или иной мере следуют (в том числе до вступления в брак); (2) значительная часть уважает традиционные семейные ценности, но следовать им не может или не желает (в том числе одобряют и практикуют сожительство); (3) примерно каждый десятый не уважает и не следует традиционным ценностям в вопросах брака и семьи, выступает против них; брак для третьего типа не имеет значения, у этой группы нет стремления родить, воспитать ребенка, ее представители не задумываются о нравственных аспектах взаимоотношений полов и т.д.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Федеральной службой государственной статистики было проведено выборочное обследование репродуктивных планов населения в 30 субъектах Российской Федерации. Было опрошено 10 054 человека, в том числе 5144 женщины и 4910 мужчин. Городские жители составили 72,3% опрошенных, сельские — 27,7%. Опрашивались женщины в возрасте 18—45 лет и мужчины 18—60 лет [1].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году // www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc.
- [2] Антонов А.И. Снижение репродуктивных установок и ориентаций российского населения в 1991—2007 годы // Демографические исследования. 2008. № 7.
- [3] Белокриницкая Т.Е., Золотарева Н.И., Мочалова М.Н. Контрацептивное поведение и репродуктивные установки студенток медицинского вуза // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. 2006. № 5.
- [4] Бодрова В.В. Репродуктивное поведение как фактор депопуляции в России // Социологические исследования. 2002. № 6.

- [5] Буркина О.В., Прокопенко Л.А. Современные тенденции сексуального поведения девушек студенческого возраста // Успехи современного естествознания. 2013. № 10.
- [6] Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
- [7] Гусева М.А., Титова А.А., Кузина М.В., Колесниченко Е.В. Сексуальная культура и репродуктивные установки юношей студенческого возраста // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. № 5.
- [8] Думнова Э.М. Факторы-детерминанты репродуктивных установок молодежи (на примере г. Новосибирска) // Вестник ТГПУ. 2009. № 9.
- [9] Зарипов А.Я., Зарипов М.А. Либеральные ценности и традиционные установки общества в процессе личной идентификации // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2014. Т. 1.
- [10] Инглхарт Р., Бейкер В. Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М., 2002.
- [11] Калачикова О.Н. Некоторые аспекты репродуктивного поведения студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2012. № 3.
- [12] Кара-Мурза С.Г., Телегин С.А. Неполадки в русском доме. М., 2004.
- [13] Козина Г.Ю. Здоровье в ценностном мире студентов // Социологические исследования. 2007. № 9.
- [14] Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 10 марта 2011 г. № 367-р.
- [15] Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. 2003. № 6.
- [16] Лескин Д.Ю. Семья как базовая ценность традиционного общества // Миссия конфессий. 2016. № 8.
- [17] Лиманская В.О. Брачно-семейная ориентация молодежи // Партнерство цивилизаций. 2015 №. 1—2.
- [18] Маршак А.Л., Рожкова Л.В. Жизненный успех в представлениях российской молодежи // Социологические исследования. 2015. № 8.
- [19] Митрикас А.А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. 2004. № 5.
- [20] Муртазина Л.Р. Автономизация брачного, сексуального и репродуктивного поведения населения как фактор либерализации семейно-брачной морали // Теория и практика общественного развития. 2011. № 1.
- [21] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трансформирующемся обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2008. № 4.
- [22] Нарбут Н.П., Троцук И.В. Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
- [23] Новгородцева А.Н., Шимаева Е.Г. Репродуктивные установки студенческой молодежи г. Екатеринбурга // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2014. № 43.
- [24] Осыкина А.С., Усынина Н.И., Шкатова Е.Ю. Качество жизни и психологический статус студентов вузов Удмуртии // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5.
- [25] Осыкина А.С., Шкатова Е.Ю., Еловицова О.Н. Репродуктивные установки студентов // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 12-1.
- [26] Осыкина А.С., Шкатова Е.Ю. Приверженность здоровому образу жизни студентов медицинского вуза // Особенности формирования здорового образа жизни: факторы и условия. Улан-Удэ, 2015.
- [27] Полякова Н.М., Чернявский И.Я., Габидулина Т.В. Факторы репродуктивных установок студенческой молодежи // Сибирский медицинский журнал. 2010. № 25.

- [28] *Попова Н.М., Булдаков А.А., Башкиров А.А.* Планирование создания семьи студентами Ижевской государственной медицинской академии в сравнении между факультетами и курсами // *Современные тенденции развития науки и технологий*. Белгород, 2017.
- [29] *Прокопьева Е.В., Старовойтова Е.Н.* Ценности семьи и брака: различия традиционного и современного взгляда в российских средствах массовой информации // *PR и реклама: традиции и инновации*. 2011. № 6-2.
- [30] *Пузанова Ж.В., Тертышников А.Г.* Особенности образа жизни и отношения к здоровью российских студентов (на примере МГУ и РУДН) // *Социологические исследования*. 2017. № 8.
- [31] *Пышкина А.С., Жабина У.В., Османов Э.М., Ведищев С.И.* К вопросу о репродуктивных установках современной студенческой молодежи // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки*. 2011. Т. 16. № 6-1.
- [32] *Пятунина О.И., Шубина О.А.* Формирование традиционных семейных ценностей у современной студенческой молодежи // *Педагогика и современность*. 2016. № 1.
- [33] *Сергеев Р.В.* Ценности российского студенчества в семейно-брачных отношениях // *Вестник АГУ. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2010. № 3.
- [34] *Сорокин П.А.* Американская сексуальная революция. М., 2006.
- [35] *Сунгатуллина Г.А.* Ценностные ориентации и мотивационная сфера подростков и молодежи, приобретающих опыт социально значимой деятельности // *Вестник МГУ. Серия 18: Социология и политология*. 2002. № 3.
- [36] *Сурвилло Е.В.* Сравнительный анализ репродуктивных установок студенток высших учебных заведений // *Вестник новых медицинских технологий*. 2016. № 2.
- [37] *Сучков А.Н.* Репродуктивные установки в студенческой среде (по материалам социологического исследования) // *Высшее образование в России*. 2014. № 10.
- [38] *Тындик А.О.* Репродуктивные установки и их реализация в современной России // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 10. № 3.
- [39] *Ясин Е.Г.* Модернизация экономики и система ценностей. М., 2003.
- [40] *Howe N., Strauss W.* *Millennials Rising: The Next Great Generation*. Vintage Books, 2000.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-555-567

REPRODUCTIVE ATTITUDES OF THE STUDENT YOUTH (a review of empirical studies)*

I.B. Nazarova¹, M.P. Zelenskaya²

¹Centre of Social Entrepreneurship
National Research University “Higher School of Economics”
Myasnitckaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

²Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Abstract. The article summarizes the results of the studies of reproductive attitudes of the Russian students (born in 1982—2000) published in 2000—2017. Students lack life experience, thus, they make moral choices under conflicting media information and sometimes even propaganda of certain values or

* © I.B. Nazarova, M.P. Zelenskaya, 2017.

anti-values concerning family, marriage, and motherhood (paternity). A low level of students' awareness of the main issues in planning and creating a family, giving birth to children, taking care of their health is accompanied by an early start of active and risky sexual life. Despite the unconditional authority and positive example of parents, most young people independently search for information about sexual relations and sometimes get negative and painful experience. There are three types of young people: (1) the majority respect traditional family values, try (or wish) to follow them and to some extent succeed; (2) a significant part respect traditional family values but cannot or do not want to follow them (including approving and practicing cohabitation); (3) about a tenth do not respect and do not follow traditional values concerning marriage and family, refuse and oppose them; marriage does not matter for such students, they have no desire to give birth and raise a child, do not think about the morality of relationships between sexes, polygamy, abandonment of the child or abortion. Students indicate factors influencing their family plans and reproductive behavior: social-psychological (own beliefs, opinion of the closest people, limitation of the time resource; unplanned pregnancy and perception of abortion; availability and quality of the partner; social-psychological maturity; perceptions of the future — confidence in it); religiosity; experience (example of the parents' family); social-demographic (age; structure of the parents' family); economic (availability and quality of housing; financial situation); physical (health status); institutional (state family policy, influence of the church and media, values and traditions of society). Thus, the young people reproductive attitudes and the idea of a family are determined by various factors including values and traditions of the closest social circle and society in general.

Key words: students; youth; reproductive attitudes; reproductive behavior; values; health; family

REFERENCES

- [1] Analiticheskij otchet po itogam vyborochnogo nabljudenija reproduktivnyh planov naselenija v 2014 godu [Analytical Report on the Population Reproductive Plans Based on the 2014 Sample Survey]. URL: www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc (In Russ.).
- [2] Antonov A.I. Snizhenie reproduktivnyh ustanovok i orientacij rossijskogo naselenija v 1991—2007 gody [The decline of the Russian population reproductive attitudes and orientations in 1991—2007]. *Demograficheskie issledovanija*. 2008; 7 (In Russ.).
- [3] Belokrinskaja T.E., Zolotareva N.I., Mochalova M.N. Kontraceptivnoe povedenie i reproduktivnye ustanovki studentok medicinskogo vuza [Contraceptive behavior and reproductive attitudes of the medical college students]. *Bjulleten VSNC SO RAMN*. 2006; 5 (In Russ.).
- [4] Bodrova V.V. Reproductivnoe povedenie kak faktor depopuljacji v Rossii [Reproductive behavior as a factor of Russian depopulation]. *Sociologicheskie issledovanija*. 2002; 6 (In Russ.).
- [5] Burkina O.V., Prokopenko L.A. Sovremennye tendencii seksualnogo povedenija devushek studentcheskogo vozrasta [Today's trends in the student girls' sexual behavior]. *Uspehi sovremennogo estestvoznaniya*. 2013; 10 (In Russ.).
- [6] Golod S.I. *Semja i brak: istoriko-sociologicheskij analiz* [Family and Marriage: A Historical-Sociological Analysis]. SPb.; 1998.
- [7] Guseva M.A., Titova A.A., Kuzina M.V., Kolesnichenko E.V. Seksualnaja kultura i reproduktivnye ustanovki junoshej studentcheskogo vozrasta [Sexual culture and reproductive attitudes of the student men]. *Bjulleten medicinskih internet-konferencij*. 2016; 5 (In Russ.).
- [8] Dumnova E.M. Faktory-determinanty reproduktivnyh ustanovok molodezhi (na primere g. Novosibirsk) [Factors-determinants of the youth reproductive attitudes (on the example of Novosibirsk)]. *Vestnik TGPU*. 2009; 9 (In Russ.).
- [9] Zaripov A.Ja., Zaripov M.A. Liberalnye cennosti i tradicionnye ustanovki obshhestva v processe lichnostnoj identifikacii [Liberal values and traditional attitudes of the society in personal identification]. *Sovremennoe obshhestvo: voprosy teorii, metodologii, metody socialnyh issledovanij*. 2014; 1 (In Russ.).
- [10] Inglehart R., Baker V. Kul'tura i demokratija [Culture and democracy]. *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom cennosti sposobstvujut obshhestvennomu progressu*. Moscow; 2002 (In Russ.).

- [11] Kalachikova O.N. Nekotorye aspekty reproduktivnogo povedenija studencheskoj molodezhi [Some aspects of the student youth reproductive behavior]. *Vyssee obrazovanie v Rossii*. 2012; 3 (In Russ.).
- [12] Kara-Murza S.G., Telegin S.A. *Nepoladki v russkom dome* [Problems in the Russian House]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [13] Kozina G.Ju. Zdorov'e v cennostnom mire studentov [Health in the students' worldview]. *Sociologicheskie issledovanija*. 2007; 9 (In Russ.).
- [14] Koncepcija demograficheskoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda, utverzhdenaja rasporyzheniem Pravitel'stva RF ot 10 marta 2011 g. № 367-r. [Conception of the Russian Federation demographic policy for the period until 2025 approved by the order of the Russian Government on March 10, 2011 No. 367-p.] (In Russ.).
- [15] Lapin N.I. Kak chuvstvuyut sebya, k chemu stremyatsya grazhdane Rossii [How the Russian citizens feel and what they seek]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2009; 3 (In Russ.).
- [16] Leskin D.Ju. Semja kak bazovaja cennost tradicionnogo obshhestva [Family as a main value of traditional society]. *Missija konfessij*. 2016; 8 (In Russ.).
- [17] Limanskaja V.O. Brachno-semejnaja orientacija molodezhi [The youth marriage and family orientation]. *Partnerstvo civilizacij*. 2015; 1-2 (In Russ.).
- [18] Marshak A.L., Rozhkova L.V. Zhiznennyj uspeh v predstavlenijah rossijskoj molodezhi [Life success in the Russian youth perception]. *Sociologicheskie issledovanija*. 2015; 8 (In Russ.).
- [19] Mitrikas A.A. Semja kak cennost: sostojanie i perspektivy izmenenij cennostnogo vybora v stranah Evropy [Family as a value: The state and prospects for changes in the choice of European countries]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2004; 5 (In Russ.).
- [20] Murtazina L.R. Avtonomizacija brachnogo, seksualnogo i reproduktivnogo povedenija naselenija kak faktor liberalizacii semejno-brachnoj morali [The autonomization of marital, sexual and reproductive behavior as a factor of family and marriage ethics liberalization]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. 2011; 1 (In Russ.).
- [21] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Cennostnye orientacii studencheskoj molodezhi v transformiruju-shhemsja obshhestve [Value orientations of the student youth in a transforming society]. *RUDN Journal of Sociology*. 2008; 4 (In Russ.).
- [22] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Strahi i opaseniya rossijskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoi fiksacii [Fears and doubts of Russian students: Approaches to the empirical study]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*. 2014; 2 (In Russ.).
- [23] Novgorodtseva A.N., Shimaeva E.G. Reproductivnye ustanovki studencheskoj molodezhi g. Ekaterinburga [Reproductive attitudes of Yekaterinburg students]. *Aktua'nye voprosy obshhestvennyh nauk: sociologija, politologija, filosofija, istorija*. 2014; 43 (In Russ.).
- [24] Osykina A.S., Usynina N.I., Shkatova E.Ju. Kachestvo zhizni i psihologicheskij status studentok vuzov Udmurtii [Quality of life and psychological status of Udmurtian universities students]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*. 2015; 5 (In Russ.).
- [25] Osykina A.S., Shkatova E.Ju., Elovikova O.N. Reproductivnye ustanovki studentok [Reproductive attitudes of student girls]. *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimentalnogo obrazovanija*. 2015; 12-1 (In Russ.).
- [26] Osykina A.S., Shkatova E.Ju. Priverzhennost zdorovomu obrazu zhizni studentok medicinskogo vuzov [Medical college students' commitment to a healthy lifestyle]. *Osobennosti formirovanija zdorovogo obraza zhizni: faktory i uslovija*. Ulan-Ude; 2015 (In Russ.).
- [27] Poljakova N.M., Chernjavskij I.Ja., Gabdulina T.V. Faktory reproduktivnyh ustanovok studencheskoj molodezhi [Factors of the student youth reproductive attitudes]. *Sibirskij medicinskij zhurnal*. 2010; 25 (In Russ.).
- [28] Popova N.M., Buldakov A.A., Bashkurov A.A. Planirovanie sozdaniya sem'i studentami Izhevskoj gosudarstvennoj medicinskoj akademii v sravnenii mezhdu fakultetami i kursami [The Izhevsk State Medical Academy students' marriage plans compared between faculties and courses]. *Sovremennye tendencii razvitija nauki i tehnologij*. Belgorod; 2017 (In Russ.).

- [29] Prokopeva E.V., Starovojtova E.N. Cennosti sem'li i braka: razlichija tradicionnogo i sovremen-nogo vzgljada v rossijskih sredstvah massovoj informacii [The value of family and marriage: Differences between traditional and today's perception in the Russian media]. *PR i reklama: tradicii i innovacii*. 2011; 6-2 (In Russ.).
- [30] Puzanova Zh.V., Tertyshnikova A.G. Osobennosti obraza zhizni i odnoshenija k zdorovju rossijskih studentov (na primere MGU i RUDN) [Peculiarities of the Russian students' way of life and attitudes to health (on the example of MSU and RUDN)]. *Sociologicheskie issledovanija*. 2017; 8 (In Russ.).
- [31] Pyshkina A.S., Zhabina U.V., Osmanov E.M., Vedishhev S.I. K voprosu o reproduktivnyh ustanovkah sovremennoj studencheskoj molodezhi [On the reproductive attitudes of today's student youth]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Estestvennye i tehniczeskie nauki*. 2011; 16 (6-1) (In Russ.).
- [32] Pjatunina O.I., Shubina O.A. Formirovanie tradicionnyh semejnyh cennostej u sovremennoj studencheskoj molodezhi [Traditional family values of today's student youth]. *Pedagogika i sovremennost*. 2016; 1 (In Russ.).
- [33] Sergeev R.V. Cennosti rossijskogo studenchestva v semejno-brachnyh odnoshenijah [Values of Russian students in family-marriage relations]. *Vestnik AGU. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kulturologija*. 2010; 3 (In Russ.).
- [34] Sorokin P.A. *Amerikanskaja seksualnaja revoljucija* [American Sexual Revolution]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [35] Sungatullina G.A. Cennostnye orientacii i motivacionnaja sfera podrostkov i molodezhi, priobretajushih opyt socialno znachimoj dejatel'nosti [Value orientations and motivation of teenagers and young people getting involved in socially significant activities]. *Vestnik MGU. Serija 18: Sociologija i politologija*. 2002; 3 (In Russ.).
- [36] Survillo E.V. Sravnitelnyj analiz reproduktivnyh ustanovok studentok vysshih uchebnyh zavedenij [Comparative analysis of reproductive attitudes of universities students]. *Vestnik novyh medicinskih tehnologij*. 2016; 2 (In Russ.).
- [37] Suchkov A.N. Reproductivnye ustanovki v studencheskoj srede (po materialam sociologičeskogo issledovanija) [Students' reproductive attitudes (based on sociological research)]. *Vysšee obrazovanie v Rossii*. 2014; 10 (In Russ.).
- [38] Tyndik A.O. Reproductivnye ustanovki i ih realizacija v sovremennoj Rossii [Reproductive attitudes and their implementation in contemporary Russia]. *Zhurnal issledovanij socialnoj politiki*. 2012; 10 (3) (In Russ.).
- [39] Yasin E.G. *Modernizacija ekonomiki i sistema cennostej* [Economic Modernization and the System of Values]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [40] Howe N., Strauss W. *Millennials Rising: The Next Great Generation*. Vintage Books; 2000.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-568-577

КАУЧСЁРФИНГ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА*

М.М. Акулич, М.В. Батырева, Ю.И. Голованова

Тюменский государственный университет
ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия
(e-mail: m.m.akulich@utmn.ru; m.v.batyreva@utmn.ru;
ulianagolovanova@gmail.com)

Статья основана на результатах авторского исследования сравнительно новой для России и мало изученной туристической практики — каучсерфинга. Суть этой практики состоит в том, что участники социальной сети Couchsurfing.com, путешествуя по миру, могут на безденежной основе останавливаться у других участников, а также принимать их к себе в гости. Недостаточная изученность данного социального явления не позволяет однозначно определить степень его функциональности и оценить его возможные трансформации в будущем, что обуславливает актуальность исследований каучсерфинга. Анализ публикаций исследователей сетевого гостеприимства, а также результаты серии глубинных интервью с его участниками позволили авторам рассмотреть каучсерфинг как социальную практику. Он представляет собой совокупность действий и взаимодействий индивидов, их групп и общностей во времени и пространстве, благодаря которым и реализуются социальные функции данной практики. Установлено, что каучсерфинг обладает всеми признаками социальной практики: воспроизводимостью, массовостью, устойчивостью и нормативностью. Выявлено, что общие ценности участников сообщества Couchsurfing.com способствуют установлению солидарных отношений, формированию высокого уровня межличностного доверия и обобщенного доверия к сообществу в целом. Основными мотивами участия в практиках каучсерфинга являются: стремление к аутентичности и сопричастности; изучение иностранного языка; желание помочь; экономия средств. Несмотря на существующие риски, данная социальная практика оценивается позитивно, как ее исследователями, так и информантами. Способы обеспечения безопасности членов сообщества совершенствуются, а сам каучсерфинг, с их слов, меняет жизнь в лучшую сторону, положительно влияя на ценности и мировоззрение. Практики каучсерфинга представляют собой необходимый элемент новой глобальной системы обмена гостеприимством, позволяющий социализировать людей практически в любом месте планеты.

Ключевые слова: социальная практика; туризм; гостеприимство; каучсерфинг; социальные сети; сетевое сообщество; новые формы мобильности; глобализация

Глобализация создает в современном обществе новые условия взаимодействия людей, вовлекая их в массовый обмен потоками информации, знаний, технологий, товаров и услуг. Одним из важнейших аспектов глобализации является рост территориальной мобильности и туристической активности населения. Все чаще путешествия становятся не просто отдыхом, развлечением, а образом жизни, формирующим особое мировоззрение туристов. Параллельно с этим в ходе глобализации происходит активное развитие информационных технологий и упрощение доступа к сети Интернет, что создает все большее число возможностей для коммуникации и появления различных сетевых сообществ, в том числе сообществ путешественников.

* © Акулич М.М., Батырева М.В., Голованова Ю.И., 2017.

Сети гостеприимства представляют собой глобальные сообщества путешественников, которые позволяют находить ночлег практически в любой точке мира. Туристы могут на безденежной основе останавливаться у других участников сетей гостеприимства, принимать гостей, а также выступать в качестве гида и организатора тематических встреч. Сообщество «каучсерфинг» на сегодняшний день является самой крупной и популярной сетью гостеприимства, а сам термин «каучсерфинг» стал нарицательным и используется не только для обозначения названия сетевого сообщества, но и для наименования социальной практики в туризме. При этом популярность каучсерфинга растет, что обуславливает актуальность изучения его практик.

Стоит отметить также, что для России в настоящее время актуальными являются вопросы безопасности в практиках каучсерфинга. Если на Западе волна популярности сетей гостеприимства прошла, то в России каучсерфинг только сейчас начинает обретать известность. Многие еще мало информированы о его назначении и идеологическом содержании, а начинающие каучсерферы нередко сталкиваются с такими негативными явлениями, как обман, воровство и сексуальное насилие. Более того, предпринимаются попытки коммерциализации каучсерфинга, основная идея которого изначально — безвозмездность. Поэтому актуальным представляется изучение практик каучсерфинга именно среди российских пользователей.

Кроме того, эта социальная практика еще крайне мало изучена, а результаты немногочисленных исследований не позволяют однозначно определить вектор ее развития. Открытыми остаются вопросы о характере использования практик каучсерфинга, его функциональности, а также о происходящих с ним трансформациях, которые определяют направление развития сети гостеприимства в будущем.

Понятие социальной практики, используемое в статье для анализа сущности каучсерфинга, относится к числу основных социологических категорий. Теория социальных практик нашла отражение в работах многих авторов, таких, например, как П. Бергер и Т. Лукман, К. Гирц, И. Гофман, А. Шютц, П. Бурдьё, Г. Гарфинкель, Э. Гидденс, Т. Шацки, С. Тернер, К. Кнорр-Цетина, Э. фон Савиньи и др. В отечественной социологии понятие социальной практики рассматривалось, например, В.В. Волковым, Т.И. Заславской, Л.Г. Иониным, Н.Н. Козловой, О.В. Хархординим и др. П. Бергер и Т. Лукман, в частности, трактуют социальную реальность как «определяющую социальную практику» [7. С. 71]. К. Гирц полагал, что именно изучение реальных социальных практик позволяет найти ключ к пониманию культуры, которая по сути своей представляет их совокупность [5. С. 24]. П. Бурдьё относил к социальным практикам «как целесообразные действия индивидов по преобразованию социального мира, так и каждодневные, привычные поступки, не требующие объяснения и зачастую кажущиеся внешнему наблюдателю лишёнными смысла или же нелогичными» [10. С. 276]. В этнометодологии социальные практики понимаются как «конкретная деятельность, соединяющая слова и действия... искусство решения практических задач в ситуации неопределенно-

сти», как фоновое знание [3. С. 113]. Практики, обладающие пространственно-временной характеристикой, рассматриваются как основа предметного поля в теории Э. Гидденса, для которого социальные практики — «основа формирования и субъекта, и социального объекта» [4. С. 15—17].

В отечественной социологии можно выделить два подхода к рассмотрению социальных практик. По мнению, В.В. Волкова, социальные институты представляют собой устойчивые формы социальных практик [2. С. 57], тогда как Т.И. Заславская утверждает, что социальные практики могут существовать лишь внутри социальных институтов [6. С. 11]. Тем самым, согласно первому подходу, «социальный институт есть относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется... устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества» [2. С. 57]. Этой же точки зрения придерживаются В.И. Добренков и А.И. Кравченко, которые указывают, что «внутри главных институтов находятся неглавные, или неосновные институты, которые называют также социальными практиками или обычаями» [1. С. 97]. Таким образом, первичной оказывается практика, тогда как институт выступает устоявшимся типом социальной практики.

В основе концептуальной модели второго подхода лежит тезис обратного порядка: «социальные практики есть формы функционирования социальных институтов» [1. С. 95]. Т.И. Заславская указывает, что «социальные практики представляют собой конкретные формы функционирования общественных институтов, общей же формой реализации каждого института служит... совокупность соответствующих социальных практик» [6. С. 11]. По мнению М.А. Шабановой, «социальные институты соотносятся с социальными практиками как содержание с формой или сущность с явлением» [9. С. 19]. В настоящее время этот подход представляется ученым более обоснованным и методически ценным.

Наиболее полным нам представляется определение социальной практики, предложенное Н.Л. Антоновой, согласно которому она представляет собой «совокупность действий и взаимодействий индивидов, групп, общностей, организаций во времени и пространстве», обеспечивающую «устойчивое функционирование социальных институтов» [1. С. 98]. Кроме того, этим автором выделены основные признаки социальной практики: воспроизводимость, массовость, устойчивость и нормативность. Анализ того, как функционирует сообщество каучсерферов в настоящее время (на основе результатов исследований других ученых, а также исследования, проведенного авторами статьи весной 2017 г.), позволяет рассматривать каучсерфинг как социальную практику, соответствующую вышеприведенному определению и обладающую выделенными признаками.

Что касается результатов исследований других авторов, то в настоящее время туризм посредством сетей гостеприимства изучают Дж.Г. Мольц и С. Гибсон [15]. Именно Дж. Мольц вводит понятие «сетевого гостеприимства», опираясь на концепцию «сетевой социальности», согласно которой социальные отношения больше не основаны на сообществах, стремящихся к стабильности и согласованности,

они рассредоточены по сетям и технологиям. «Сетевая социальность — это делегализованная социальность в движении и на расстоянии» [14. Р. 93]. По утверждению Мольц, сети гостеприимства — тоже своего рода «социальность в движении», тем не менее они содержат различные формы неподвижности, которые включают сами остановки «в кауче» и возможность только принимать гостей, не путешествуя.

Непосредственно интернет-сообщество каучсерфинга наиболее детально рассматривается в работах П. Биальски, которая указывает на формирование в его рамках «новой формы гостеприимства, которая отличается от коммерческого и дружеского (семейного) гостеприимства» [12. Р. 253]. Модели поведения каучсерферов в зависимости от их географического положения рассмотрены Э. Палтаром [16]. Кроме того, косвенно практики каучсерфинга освещены в работах Д. Розэна, исследующего проблемы доверия в интернет-сообществах [17]. Наиболее плодотворное российское исследование каучсерфинга, посвященное изучению главным образом его мотивов, было проведено в 2014 г. в ВШЭ под руководством З.В. Котельниковой [8].

Эмпирические материалы авторского исследования были собраны с помощью стратегии case-study, позволившей глубоко и детально изучить каучсерфинг, а также метода глубинного полуструктурированного интервью (проведено 21 интервью). Рекрутинг информантов осуществлялся на официальном сайте сообщества Couchsurfing.com. Отбор производился по методу «снежного кома». Первые информаторы, дающие толчок «снежному кому», были отобраны с учетом их пола, возраста, количества отзывов в профиле, года регистрации на сайте и активности участия.

Проведенный теоретический и эмпирический анализ показал, что каучсерфинг — самое популярное, но далеко не первое сообщество гостеприимства. Первое такое сообщество, Servas Open Doors, было создано в 1949 г. в Дании для формирования межкультурного взаимопонимания, толерантности и построения мира во всем мире через всемирную сеть «открытых дверей». С 1973 г. Servas признан неправительственной организацией, действующей под эгидой ЮНЕСКО, и вплоть до настоящего времени функционирует под наименованием Servas International (servas.org). Несмотря на долгий срок существования, это сообщество малочисленно, что во многом связано с тем, что у него нет своей социальной сети.

Первопроходцем в использовании информационных технологий стала сеть Hospex (hospex.icm.edu.pl), которая была основана в 1992 г. в Польше. В настоящее время данный сайт не работает и сохраняется только «для истории», а его преемником является сообщество Hospitality club (возникло в 2000 г. в Германии) — вторая по популярности сеть гостеприимства после Couchsurfing.com, запущенной в 2004 г. Ее создали экс-волонтеры Hospitality club, имевшие иное видение данного сообщества — как основанного на принципах открытости и демократии, чего, по их мнению, не доставало предыдущим сообществам.

То, что сообщества сетей гостеприимства существуют уже более полувека, видоизменяются, используют новые механизмы и инструменты своей деятельно-

сти, но выполняют все те же социально значимые функции, позволяет сделать вывод, что они характеризуются такими признаками социальной практики, как устойчивость и воспроизводимость. Более того, с тех пор, как появилось именно сообщество каучсерфинг (в 2004 г.), данный способ путешествий стал быстро набирать популярность. С этого момента люди используют его постоянно, сохраняется устойчивый интерес к нему. Результаты эмпирического исследования показывают, что есть люди, вообще рассматривающие каучсерфинг как единственно возможный для себя способ путешествий. Абсолютно все респонденты в ходе интервью отвечали, что даже несмотря на неудобства и риски, они не перестанут путешествовать с помощью каучсерфинга и/или принимать гостей, и всем всегда советуют пробовать этот способ.

Что касается еще одного признака социальной практики — массовости, то, как свидетельствует статистика самого сайта Couchsurfing.com, на данный момент на нем зарегистрировано более 14 миллионов путешественников из более чем 200 тысяч городов мира. По состоянию на август 2017 г. на сайте зарегистрировано 620 165 россиян, 4947 человек из них — жители г. Тюмени. Ежегодно г. Тюмень посещают около 600 каучсерферов (543 путешественника за 2016 г.), большая их часть — из других стран. Популярность этого ресурса среди жителей нашего города растет — еще во второй половине 2016 г. на сайте Couchsurfing.com было зарегистрировано около 3000 тюменцев [13].

Как любая другая социальная практика, каучсерфинг представляет собой совокупность действий и взаимодействий индивидов, их групп и общностей во времени и пространстве, благодаря которым реализуются социальные функции данной практики. Как правило, после регистрации в сети гостеприимства участники предоставляют подробную информацию о себе и своем «кауче» (если они планируют предоставлять жилье путешественникам), подтверждая это фотографиями. Чем больше информации предоставит участник, тем выше вероятность того, что его взаимодействие в рамках сообщества состоится. Если профиль заполнен менее чем на 50%, нет отзывов или фото, то участник вообще не может отправлять или принимать запросы других серферов.

П. Биальски изучала, как абсолютно посторонние люди взаимодействуют и сближаются во время участия в практиках каучсерфинга. Степень активности определялась частотой использования сервиса, количеством отзывов и количеством видов практик каучсерфинга, в котором респондент принимает участие (например, только серфинг, серфинг и хостинг, посещение встреч и т.п.). По результатам исследования была отмечена высокая степень доверия между участниками сообщества — большинство респондентов отмечают, что считают серферов своими друзьями и не рассматривают их как угрозу. Если прежде высокий уровень доверия или «сильная связь» формировались только при продолжительном и постоянном взаимодействии, то в случае каучсерфинга сроки значительно сокращаются [11. С. 112].

Говоря о нормативности каучсерфинга как социальной практики, необходимо отметить, что в сообществе каучсерферов есть правила, которыми должны руко-

водствоваться участники, чтобы путешествовать с помощью сети. Если путешественник их нарушает, на него поступают жалобы от других пользователей, то его профиль блокируют и исключают из сообщества. Кроме того, у членов сообщества, принимающих гостей (хостов), обычно тоже есть правила проживания, за невыполнение которых могут выселить. Вот, что ответила по этому поводу одна из информанток, имеющая опыт хостинга: «Я изначально расписала все правила проживания в профиле, после опыта добавляла правила дома. Я требую соблюдения правил от гостей, обычно с этим нет проблем, но многое приходится проговаривать».

О нормативности данной социальной практики говорит и то, что в сообществе пропагандируются такие ценности, как толерантность, открытость (как в общении, так и к новому опыту), дружба, взаимопомощь и гостеприимство. Со слов одного из информантов «для каучсерфера очень важно иметь широкий кругозор, быть приемлемым к людям других наций, культур... Я не знаю, полов, возрастов. Если ты каучсерфер, ты должен быть готов к общению и установке близкого контакта с людьми любых категорий». Модераторы сайта также могут заблокировать пользователя, который допускает, допустим, расистские высказывания в комментариях, но при этом у него нет негативных отзывов и жалоб.

Один из главных мотивов участия в практиках каучсерфинга — получение аутентичного опыта. Как отмечает один из информантов: «Какой смысл ехать куда-то, если Вы не взаимодействуете с местными жителями, не узнаете реальную культуру, которой живут люди?». Нередко к каучсерфингу прибегают с целью улучшения знания иностранного языка: «Я их всегда учу русскому языку. Пять-шесть необходимых фраз, чтобы не потеряться... практикую английский». Участие в хостинге часто связано с желанием помочь: «Мне ее, как бы, стало жалко... это был еще такой момент в рамках конфликта России с Украиной, я подумала, я обязана ей помочь». Однако довольно часто главным мотивом становится экономия денежных средств, что вызывает беспокойство у постоянных участников сообщества: «Много людей, которые не относятся особенно к путешествиям, у которых ценности не настолько похожи на наши, стали его [каучсерфинг] использовать». В случае, когда каучсерфинг рассматривается только лишь как бесплатный ночлег, не происходит эмоционального взаимодействия и обмена опытом, что противоречит основным принципам сообщества. «Под каучсерфингом подразумеваешь, что... есть такой обмен культурами. И люди обижаются на то, что ты вот просто поспал и ушел».

В целом практики каучсерфинга оцениваются позитивно — многие информанты отмечали, что он изменил их жизнь в лучшую сторону, повлиял на формирование их мировоззрения и стиля жизни. Но были выделены и негативные стороны практик: использование сайта для знакомств; формирование двоякого понимания открытости: с одной стороны, подразумевается открытость новым культурам, с другой — новым сексуальным отношениям; риск сексуального насилия. Так, многие информанты рассказывали, что хотя бы раз им приходилось

сталкиваться с приставаниями, но каких-то негативных последствий удавалось избегать. Тема воровства практически не поднималась, однако нередко информанты указывали на недопонимание из-за культурных, бытовых и иных различий. Например, одна из информанток поделилась подобным опытом — во время ее путешествия в Перу поводом для отказа в ночлеге стало несовпадение «энергетики»: «Уже вечером, когда было уже поздно и темно, о чем-то мы с ним говорим, потом резко поворачивается и говорит: „У нас с тобой разная энергетика, короче, лучше, если ты уедешь“. Это в одиннадцать вечера! Причем он знал, что у меня проблемы с картой, что у меня нет денег».

Несмотря на то, что сообщество достаточно неоднородно по составу, можно говорить о том, что в нем участвуют люди определенного типа — ориентированные на внешний мир, стремящиеся к расширению социальных связей и увеличению культурного капитала, включенные в глобальные тренды, высоко мобильные, адаптивные, готовые идти на риск. По социально-демографическим характеристикам основную аудиторию сообщества каучсерферов составляют люди в возрасте от 18 до 35 лет с высшим образованием, принадлежащие преимущественно к среднему классу, как правило, не состоящие в браке.

Проведенный анализ каучсерфинга как социального явления позволяет утверждать, что он полностью соответствует определению и признакам социальной практики. Данная практика обладает массовостью — в ней участвует огромное число людей по всему миру (более 14 миллионов человек), постоянно воспроизводится начиная с 1949 г. и является достаточно устойчивой. Несмотря на социальные изменения, сети гостеприимства продолжают существовать и приобретают все большую популярность. Кроме того, они имеют свои нормы, устав и пропагандируют определенные ценности (открытость и толерантность во всех отношениях).

Дискурс «открытости», общие ценности и идентичность участника, конструируемые внутри сообщества, способствуют установлению солидарных отношений между участниками, о чем свидетельствует высокий уровень межличностного доверия, и обобщенного доверия к сообществу в целом.

Рассмотрение практик каучсерфинга позволило выделить их особенности. Ключевая идея практик гостеприимства в каучсерфинге — реципрокный обмен, то есть оказанное гостеприимство должно быть оплачено нематериальными благами (коммуникация, внимание, межкультурный обмен). В каучсерфинге преобладает режим гостеприимства, характерный для открытых обществ: гость включается в пространство наравне с местными жителями, без придания ему особенного статуса, что позволяет максимально погрузиться и узнать новую культуру. Основными мотивами участия в практиках каучсерфинга являются стремление к аутентичности и сопричастности; изучение иностранного языка, желание помочь. Однако среди российских путешественников главным мотивом остается экономия средств.

В целом социальная практика оценивается позитивно как ее исследователями, так и информантами, даже несмотря на существующие риски. Администрация сайта couchsurfing.com, как и сами участники практик, постоянно совершенствуют способы обеспечения безопасности каучсерферов. Многие участники сообщества отмечали, что каучсерфинг изменил их жизнь в лучшую сторону, а провозглашаемые ценности повлияли на формирование их мировоззрения. Можно сказать, что практики каучсерфинга представляют собой необходимый элемент новой глобальной системы обмена гостеприимством, позволяющий социализировать людей практически в любом месте планеты. Дальнейшие же исследования каучсерфинга как социальной практики позволят отследить характер изменений, происходящих в сообществе, и оценить их влияние на его участников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Антонова Н.Л. Социальная практика: теоретико-методологические основания исследовательского анализа // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2009. № 4.
- [2] Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2008.
- [3] Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
- [4] Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический Проект, 2005.
- [5] Гириц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
- [6] Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001.
- [7] Осипова Е.Д. Трансформация социальных практик: концепция П. Бергера и Т. Лукмана в условиях кризисного общества // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 2.
- [8] Фатхутдинова Д., Спиринов А., Макаров К., Золотарева П. Феномен каучсерфинга как социально-антропологический аспект гостеприимства // hse.ru/data/2014/01/19/1327196132/Фатхутдинова_21.01.doc.
- [9] Шабанова М.А. О некоторых преимуществах интеграции экономического и социологического анализа институциональных изменений. Статья 1: институты, практики, роли // Экономическая социология. 2006. № 4.
- [10] Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // ЗПУ. 2012. № 2.
- [11] Bialski P. Becoming Intimately Mobile. Frankfurt a.M.: Peter Lang, 2012.
- [12] Bialski P. Technologies of hospitality: how planned encounters develop between strangers // Hospitality & Society. 2011. Vol. 1. № 3.
- [13] https://www.couchsurfing.com/place?latitude=57.1612975&location_text=Tyumen%2C+Tyumen+Oblast%2C+Russian+Federation&longitude=65.5250172.
- [14] Molz J.G. Travel Connections: Tourism, Technology and Togetherness in a Mobile World. L.: Routledge, 2012.
- [15] Molz J.G., Gibson S. Mobilizing Hospitality: The Ethics of Social Relations in a Mobile World. N.Y.: Routledge, 2016.
- [16] Pultar E. The Role of Geography in Social Networks: CouchSurfing as a Case Study. Santa Barbara: University of California, 2011.
- [17] Rosen D. Social networks and online environments: when science and practice co-evolve // Social Network Analysis and Mining. 2011. № 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-568-577

COUCHSURFING AS A SOCIAL PRACTICE*

M.M. Akulich, M.V. Batyreva, Y.I. Golovanova

Tyumen State University
Volodarskogo St., 6, Tyumen, 625003, Russia
(e-mail: m.m.akulich@utmn.ru; m.v.batyreva@utmn.ru;
ulianagolovanova@gmail.com)

Abstract. The article presents the results of the study of a new tourist practice in Russia — the so-called ‘couchsurfing’. The members of the social network Couchsurfing.com travel around the world and stay at other members’ homes for free if they use their homes in the same way. There is an obvious lack of data about this social phenomenon, which does not allow to define clearly its functions and to estimate its possible transformations in the future. Therefore, the authors conducted an analysis of publications on hospitality network and in-depth interviews with couchsurfers to define the features of the couchsurfing as a social practice. It is a set of actions and interactions of individuals, groups and communities, which perform important social functions. The couchsurfing possesses all features of social practices: reproducibility, generality, stability and normativity. Thus, common values of couchsurfers contribute to the solidarity within the community, to the high level of interpersonal trust and generalized trust. The main motives for participating in couchsurfing are search for self-identification and social ties (belonging), learning a foreign language, seeking for help and saving money. Despite the risks, the researchers and informants positively evaluate the couchsurfing practices, especially for the ways to ensure couchsurfers’ safety are improving, and the couchsurfing changes the lives of its participants by positively affecting their values and worldview. The couchsurfing constitutes an essential element of a new global system of hospitality that allows people to visit and socialize anywhere in the world.

Key words: social practice; tourism; hospitality; couchsurfing; social network; network community; new forms of mobility; globalization

REFERENCES

- [1] Antonova N.L. Sotsial'naya praktika: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovatel'skogo analiza [Social practice: Theoretical and methodological grounds for the analysis]. *Izvestiya Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye Nauki*. 2009; 4 (In Russ.).
- [2] Volkov V.V., Kharkhordin O.V. *Teoriya praktik* [Theory of Practice]. Saint Petersburg: Izd-vo EUSPb; 2008 (In Russ.).
- [3] Garfinkel H. *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in Ethnomethodology]. Saint Petersburg: Piter; 2007 (In Russ.).
- [4] Giddens A. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2005 (In Russ.).
- [5] Geertz C. *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. Moscow: ROSSPEN; 2004 (In Russ.).
- [6] Zaslavskaya T.I. *Kto i kuda stremitsya vesti Rossiyu? Aktory makro-, mezo- i mikrourovney sovremennogo transformatsionnogo protsesssa* [Who wants to lead Russia and where? Actors of macro-, meso- and micro-levels in today's transformations]. Moscow: MSSSES; 2001 (In Russ.).
- [7] Osipova E.D. Transformatsiya sotsialnykh praktik: kontseptsiya P. Bergera i T. Luckmana v usloviyakh krizisnogo obshchestva [Social practices transformation: P. Berger and T. Luckmann theory in crisis society]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 15(2) (In Russ.).

* © M.M. Akulich, M.V. Batyreva, Y.I. Golovanova, 2017.

- [8] Fathutdinova D., Spirin A., Makarov K., Zolotareva P. Fenomen kauchserfinga kak sotsial'no-antropologicheskii aspekt gostepriimstva [Phenomenon of couchsurfing as a social-anthropological aspect of hospitality]. hse.ru/data/2014/01/19/ 1327196132/Фатхутдинова_21.01.doc (In Russ.).
- [9] Shabanova M.A. O nekotorykh preimushchestvakh integratsii ekonomicheskogo i sotsiologicheskogo analiza institutsionalnykh izmeneniy. Statya 1: instituty, praktiki, roli [On some advantages of integration of economic and sociological analysis of institutional changes. Article 1. Institutes, practices, roles]. *Journal of Economic Sociology*. 2006; 4 (In Russ.).
- [10] Shugalskiy S.S. Sotsialnye praktiki: interpretatsiya ponyatiya [Social practices: An interpretation of the concept]. *ZPU*. 2012; 2 (In Russ.).
- [11] Bialski P. *Becoming Intimately Mobile*. Frankfurt a.M.: Peter Lang; 2012.
- [12] Bialski P. Technologies of hospitality: How planned encounters develop between strangers. *Hospitality & Society*. 2011; 1(3).
- [13] https://www.couchsurfing.com/place?latitude=57.1612975&location_text=Tyumen%2C+Tyumen+Oblast%2C+Russian+Federation&longitude=65.5250172.
- [14] Molz J.G. *Travel Connections: Tourism, Technology and Togetherness in a Mobile World*. London: Routledge; 2012.
- [15] Molz J.G., Gibson S. *Mobilizing Hospitality: The Ethics of Social Relations in a Mobile World*. New York: Routledge; 2016.
- [16] Pultar E. *The Role of Geography in Social Networks: CouchSurfing as a Case Study*. Santa Barbara: University of California; 2011.
- [17] Rosen D. Social networks and online environments: When science and practice co-evolve. *Social Network Analysis and Mining*. 2011; 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-578-591

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ КАК СПОСОБ АДАПТАЦИИ К ИНОЭТНИЧНОЙ СРЕДЕ*

И.И. Подойницына, С.Г. Петров,
А.А. Федорова, П.И. Яковлев

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
просп. Ленина, 1, Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия, 677000
(e-mail: irena_ivan@mail.ru, st27petrov@mail.ru,
f_aigy_sher@mail.ru, pyakovlev14gmail.com)

В статье анализируются методологические и эмпирические аспекты кросс-культурных коммуникаций. Экономическая и культурная глобализация приводят к свободному передвижению трудовых мигрантов по всему миру, однако этот процесс может сопровождаться определенными трудностями. Авторы считают, что даже подготовленный в теоретическом плане человек, который детально ознакомился с темой влияния культурных различий на систему управления организациями в разных странах, все равно испытывает культурный шок, работая за границей. Культурный шок — это состояние дискомфорта, фрустрации и даже депрессии, вызванное ситуацией попадания в иноэтническую среду. На прикладном уровне авторы рассматривают так называемые «кросс-культурные эксперименты» — попытки индивида (специалиста определенной нации) опробовать свои силы, умения, профессиональные компетенции в иноэтнической среде. Социологическое исследование по типу культурологического бенчмаркинга было проведено в два этапа: на первом этапе опрашивались иностранцы, работающие в столице Республики Саха (Якутия), на втором этапе — россияне, работающие за границей, в основном в США. В Республике Саха в последние пять лет усилился миграционный приток из Китая, однако подавляющую часть трудовых мигрантов продолжают составлять представители ближнего зарубежья, в основном выходцы из Таджикистана, Киргизии и Армении. Иностранцы, работающие в Якутии, и россияне, работающие за границей, испытывают примерно одинаковые трудности в новом трудовом коллективе, и в адаптации им помогают друзья, родственники, члены этнообщины, но не кросс-культурные коучеры и наставники. Если такая кадровая технология, как подбор, отбор и наем иностранного специалиста, работает достаточно слаженно, то другие HR-технологии кросс-культурного менеджмента (мотивации, обратная связь и др.) пока от нее отстают. Авторы считают необходимым вводить в интернациональных коллективах как в России, так и за рубежом курсы по кросс-культурной адаптации, а также систему «баддинга» (budding).

Ключевые слова: глобализация; кросс-культурный менеджмент; культурный шок; кросс-культурная адаптация; культурологический бенчмаркинг; подбор и отбор персонала; обратная связь; кросс-культурные коучеры

Кросс-культурный менеджмент изучает управление поведением людей на стыке культур — национальных, региональных, обусловленных особенностями исторической эпохи (патриархальной, советской, рыночно-капиталистической и др.), корпоративных. Экономическая и культурная глобализация, которая трактуется многими учеными-обществоведами как одна из главных характеристик XXI века,

* © Подойницына И.И., Петров С.Г., Федорова А.А., Яковлев П.И., 2017.

приводит к созданию мультинациональных и транснациональных корпораций, свободному перемещению трудовых мигрантов не только внутри страны, но и между странами и государствами [1. С. 142]. Несмотря на то, что современный человек может в вузе или на специальных курсах изучать такие темы, как особенности кросс-культурных коммуникаций, влияние культурных различий на систему управления организациями в разных странах, даже при хорошей подготовке человек не застрахован от культурного шока, если поедет работать в другую страну.

МЕТАТЕОРИИ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Антрополог К. Оберг впервые употребил термин «культурный шок» в 1954 году и определил его как страх, вызванный потерей знакомых опознавательных знаков в новом социальном общении [4. С. 34]. Культурный шок — это состояние дискомфорта, фрустрации, вызванные ситуацией попадания в инокультурную, инонациональную среду. Первая стадия культурного шока — «радостное оживление», удовольствие от получения новых впечатлений; вторая — «фрустрация и озлобление», которые вызваны необходимостью контактов с иной системой ценностей, иными этическими стандартами и нормами поведения; третья стадия — «выздоровление», или преодоление культурной обособленности, социализация в инокультурной среде; четвертая — «приспособление», коррекция своей системы ценностей, критическое переосмысление сложившихся картин мира [5. С. 76]. Достаточно часто трудовой мигрант, приехавший жить и работать в другую страну, так и не может психологически «выбраться» из второй стадии и, не приспособившись к новым условиям, уезжает.

Современные исследователи кросс-культурных команд Г. Тоегел и Ж.-Л. Барсоуи [10] пишут, что силой таковых является наличие, а иногда и концентрация разнообразного опыта, разных точек зрения и подходов к делу. Однако не всегда этот опыт востребован при выполнении профессиональных заданий. За 25 лет исследований межнациональных коллективов ими были обнаружены три ситуации, при которых чаще всего возникают «трудности перевода» — непонимание между сотрудниками. Первая ситуация — генерация идей. Нормы участия в этом процессе отличаются в разных культурах. Члены команды из эгалитарных, индивидуалистически настроенных стран (США, Австралия и др.) могут свободно высказывать свои суждения, порою даже необдуманные. Представители стран с ярко-выраженной иерархической структурой (Япония и другие азиатские страны) высказываются только после того, как своим мнением поделятся сотрудники старшего поколения, с большим стажем работы. Тайский культуролог Р. Уэлти пишет: тайцы уверены, что признание авторитета власти, руководителя организации является признаком «культурной личности»; стремление высказать свое мнение, не совпадающее с суждением руководства, воспринимается в Таиланде как агрессивность, аномальное поведение [13. С. 168—169].

Вторая ситуация — несогласованность действий членов команд, обусловленная этническими стереотипами и моделями поведения. Вспомним автора теории этносов Л.Н. Гумилева, который считал главным маркером этноса стереотипы по-

ведения: «Различия расовые не имеют решающего значения, а различия этнические лежат в сфере поведения» [2. С. 145]. Повышенную стойкость этноса можно объяснить наличием доминант поведения, сменить их можно только «лицемерно», подстраиваясь под обстановку, на время, считал ученый. Можно предположить, что сильный, доминантный признак всегда будет проявляться: как пишут Тоегел и Барсоуи: когда работники из Азии и Скандинавии хранят тишину и невосприимчивость в знак оппозиции, или пытаются держать паузу, представители эмоционально-выразительных культур не могут адекватно воспринять этот посыл, поскольку не знают, как трактовать эту тишину в важных переговорах, и они могут зайти в тупик.

Третья ситуация, которая может служить «яблоком раздора» в межнациональном коллективе — обратная связь, одна из спорных кадровых технологий. Руководители из индивидуалистических стран (США) воспринимают «обратную связь» как возможность показать себя, как самопрезентацию. По их мнению, наличие в организации каналов обратной связи свидетельствует о демократичности отношений между разными уровнями персонала. Напротив, представителям коллективистских культур непривычно слушать критику в свой адрес в общественных местах, критика трактуется как «унижение» [10]. В некоторых восточных странах, с большой дистанцией власти, «обратная связь» не принята даже в развитых корпоративных культурах.

Многие компании, принимающие активное участие в международном бизнесе, не используют подготовку к кросс-культурным коммуникациям, или кросс-культурную адаптацию для своих менеджеров, что объясняется рядом причин: высшее руководство считает принципы управления универсальными и не верит в эффективность кросс-культурной подготовки; руководство международных организаций уверено, что топ-менеджерам полезно знать стили управления, обусловленные разными культурами, но осведомленность рядовых сотрудников компаний может закончиться самостоятельным изучением тем и собственным опытом [3].

Как мы видим, культурные установки топ-менеджеров крупных международных фирм явно нуждаются в корректировке. В литературе встречаются рекомендации о том, как вести международный бизнес. Так, П. Долакия дает три совета: объединение различий; содействие открытому общению; формирование прочных отношений между работниками [12]. Объединение различий достигается за счет создания специальных условий, с помощью которых возможно проявление возможностей сотрудников кросс-культурных команд, в том числе это могут быть специальные праздники, неформальные кружки и др. Полезно также использовать тимбилдинг — проведение инновационных игр, психологических тренингов по формированию лояльности компании и других мероприятий.

Изучение литературы по кросс-культурному менеджменту последнего времени позволило сопоставить выводы современных ученых со знаменитыми исследованиями Г. Хофстеде. Как известно, голландский исследователь провел комплексные кросс-культурные исследования с 1967 по 1973 годы, в результате чего разра-

ботал четырехфакторную модель культуры. В каждой культуре присутствуют четыре параметра, но в разных комбинациях: дистанция власти, индивидуализм, мужественность, избегание неопределенности. В США, для которых характерны высокий уровень индивидуализма и маскулинности в деловой культуре, выполнение рабочих задач важнее выстраивания доверительных отношений; небольшая дистанция власти позволяет говорить о преобладании демократического стиля руководства [4. С. 145—147]. Спустя почти сорок лет кросс-культурные бенчмаркинги подтверждают: представители США, работающие в кросс-культурных командах, уверенно ведут себя в процессе генерации идей, ожидают, что руководство примет во внимание их мнения и рекомендации, признают самопрезентацию как стиль демократического поведения, креативны, способны привлечь во внимание продвинутое технологии кадрового менеджмента. Во многих восточных странах, таких как Китай, Япония, Малайзия, Филиппины, Южная Корея, дистанция власти существенно больше, что свидетельствует о иерархичности и общности в целом, и организации как его части, о принятом в деловых коммуникациях авторитарном стиле. Уровень индивидуализма во всех этих странах невелик, коллективизм, семейственность, общинность ценится в гораздо выше индивидуализма. Исследования последнего времени подтверждают выводы голландского культуролога: представители стран с ярко выраженной иерархической культурой свято чтут культ старших по возрасту, стажу и должностному положению менеджеров.

Согласно данным Хофстеде, Россия в кадровом менеджменте занимает средние позиции между Западом и Востоком. Если брать такой параметр, как «дистанция власти», то Россия ближе к восточным странам (таким как Китай, Индия и др.) — иерархия, неравенство, крайний разрыв между администрацией и рядовыми сотрудниками, коллективизм — в этом плане Россия близка Японии. Но по степени мужественности, напротив, — США и европейским странам (к примеру, Швейцарии): это ориентация на выстраивание карьеры, высокую оплату, быстрые решения на основе расчета.

Основной целью предпринятого социологического исследования, или культурологического бенчмаркинга, было изучение кросс-культурных коммуникаций. На первом этапе опрашивались представители иностранных государств, работающие на территории Республики Саха (Якутия), на якутских предприятиях (апрель-май 2017-го). На втором этапе опрашивались россияне, работающие за границей: интервьюирование провели семь студентов бакалавриата Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (опрашивались россияне в США, работающие в американских фирмах, в июне 2017 года). В ходе исследования ставилась задача изучить отношение иностранных трудовых мигрантов к российской деловой культуре, а также наличие (или отсутствие) у них признаков культурного шока; выявить, как протекает кросс-культурная адаптация; выяснить, фиксируются ли у россиян, работающих в иностранных фирмах, элементы кросс-культурного шока, с какими трудностями они сталкиваются за границей, как протекает их кросс-культурная адаптация; предло-

жить рекомендации по преодолению трудностей работы в кросс-культурных командах. Мы искали иностранцев, работающих в Якутске, используя знакомых, социальные сети, некоторые кафе Якутска, где часто собираются иностранцы, но не сосредотачивали внимание на одном конкретном предприятии. Мы полагали, что наемные работники, работающие за границей — будь то трудовые мигранты на территории Якутии, или россияне, работающие за рубежом — всегда испытывают состояние культурного шока; со временем они приспосабливаются к ино-этнической среде; существуют уникальные примеры кросс-культурных экспериментов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЯ

В первом этапе исследования приняли участие 70 человек, в основном мужчины (87%), поскольку в кросс-культурные перемещения и миграции по маршруту «зарубежье — Якутия» вовлекаются главным образом мужчины в возрасте 25—40 лет, т.е. находящиеся в самом мобильном и продуктивном возрасте для карьерных устремлений. В нашу выборку попали в основном жители ближнего зарубежья, граждане СНГ — они традиционно в постперестроечный период принимают участие в миграционных процессах и достаточно часто едут в Якутию. В число трудовых мигрантов в Якутии оказались вовлечены также представители Европы, Азии, Ближнего Востока, Америки, Африки, но фактически в единичных случаях, исключение составляет Китай, китайцы — восточные соседи Якутии — чаще других представлены среди иностранных трудовых мигрантов. Представители дальнего зарубежья едут работать в республику гораздо реже, чем жители СНГ, что объясняется экстремальностью климата, отсутствием крупных промышленных строек, ограниченностью рынка труда, сложностью транспортной схемы, трудностями в оформлении визы и др. Официальная статистика миграций по Республике Саха (Якутия) такова: в 2016 году на миграционный учет было поставлено 74 010 человек, из них 27 635 человек приехали работать; 35% трудовых мигрантов из зарубежья составляют выходцы из Таджикистана, на втором месте — киргизы, на третьем — армяне [6]. Исходя из этих квот, мы опросили прежде всего таджиков, киргизов, армян, а потом уже представителей других этнических групп [9].

Если проанализировать полученные анкеты по профессиональному критерию и задаться вопросом, представители какой профессии мигрируют наиболее интенсивно, являются более конкурентоспособными на рынке, то окажется, что в сфере физического труда, это строители, в сфере обслуживания — продавцы (треть опрошенных), а в области интеллектуальных занятий не прослеживается ни одной модной или доминантной профессии. В нашей выборке оказались специалисты с дипломами архитектора, дизайнера, журналиста, инженера-строителя, инженера-физика, экономиста, лингвиста, юриста, педагога, политолога и врача-стоматолога. Мы считаем этот результат показательным: во-первых, он позволяет опровергнуть распространенный стереотип, что на рынке котируются в основном рабочие мужские специальности (а нужны и люди умственного труда, причем в не меньшей степени); во-вторых, сам факт, что работники с «штучными», креативными спе-

циальностями, предлагают себя в разных странах мира и в уголках СНГ, означает дальнейшую экономическую и культурную глобализацию, возможно даже начало эры кросс-культурных коммуникаций.

Этносоциологи отмечают, что в общественном сознании якутян сложились определенные стереотипы: китайцы торгуют на столичном рынке, узбеки продают фрукты и открывают хорошие кафе с национальной кухней, армяне занимаются строительством. Этносоциологические исследования в Якутии подтверждают эти закономерности — одно из проявлений этнокультурного разделения труда [7]. Фиксируется и другая тенденция: некоторые трудовые мигранты с высшим образованием работают на рабочих специальностях, так, в нашей выборке уроженец Израиля, Авив, по профессии юрист, в Якутии занимается продажей автомобилей, а китайцы Чжи и Чжоу с высшим образованием торгуют на рынке и др. Еще один важный аспект в характеристике опрошенных: большинство (71%) имеют трудовой стаж менее десяти лет, значит, их поездку за рубеж с рабочей визой мы можем отнести к серии кросс-культурных экспериментов, под которыми понимаем попытку индивида, работающего специалиста определенной нации, опробовать свои силы, умения, компетенции в иноэтнической среде, обогатиться новыми знаниями и, возможно, новыми установками в сфере труда.

С чего же начинаются кросс-культурные эксперименты в сфере труда? Пожалуй, с того, что индивид, сидя дома за компьютером, в уютных и удобных для себя повседневных коммуникациях (бытовых условиях) осознает внутреннюю потребность ехать в новые края. При этом подавляющее большинство осознает, что их ждут трудности — и все равно едут. Одна из главных трудностей, что непременно «встретит» их на пороге новой жизни, в неизведанных условиях — это кросс-культурный шок.

Интересно, что из многочисленных каналов трудоустройства опрошенные предпочли два: поиск нового места работы с помощью знакомых и поиск вакансий с помощью Интернета. Несмотря на то, что в СМИ не раз появлялась информация, что сайты по трудоустройству иностранных граждан не слишком добросовестны и могут предоставлять некачественную и лживую информацию (преувеличивается размер заработка, сообщается не вся правда об объеме работы, должностных обязанностях и др.), тем не менее специалисты даже эксклюзивных профессий используют возможности Интернета. Что касается первого и самого используемого канала, то чаще им пользуются представители ближнего зарубежья, выходцы из среднеазиатских республик. Они выезжают на новое место работы семьями, кланами, активно используя помощь землячеств, однако это может приводить и к тому, что приехавший на заработки иностранец замыкается в своей этнообщине и не выходит в другие этноконтактные зоны. Большинство опрошенных (71%) отметили, что их позитивно и приветливо приняли в трудовом коллективе в чужой стране, но при этом половина заявила, что главной трудностью при трудоустройстве была адаптация в коллективе, компании, регионе. Таким образом, мы видим, что культурный шок при переезде, даже временном, в другую страну испытывает большинство иностранцев.

Мы задали вопрос по поводу «обратной связи» в российских коллективах в таком простом и понятном для всех проявлении, как обращение к начальнику и коллегам за помощью и советом в случае возникновения трудностей. Для местных граждан характерен такой стиль поведения: к начальнику за советом идти в исключительном случае, хотя бы потому, что он может трактовать твое обращение как слабость и некомпетентность. Однако трудовые мигранты так не считают: большинство (77%) обращаются и к начальнику, и к коллегам за профессиональными консультациями, не считая это зазорным. Треть опрошенных ответили на этот вопрос иначе: *«трудностей не было, со всем справляюсь»* (Ямато, Япония, 30 лет, преподаватель; Артем, Армения, 37 лет, инженер-строитель); *«если возникнет трудность, обращаюсь только к друзьям»* (Азамат, Кыргызстан, 28 лет, повар); *«если что, обращаюсь к коллегам, но не к начальнику»* (Микаэл, Армения, 26 лет, помощник кассира; Хэнсол Шин, Южная Корея, 28 лет, ассистент преподавателя). Наибольший интерес представляет такой ответ: *«я многое не понимал в организации трудового процесса, видел много недостатков, даже письмо начальнику по этому поводу написал, но потом порвал его, не отправил... Я видел, что никто не говорит о недостатках в открытую, только в узком кругу. Я не хотел исполнять роль плохого персонажа»* (Адам, Судан, 28 лет, детский хирург).

Теперь представим себе, что первичный этап адаптации иностранца к новой иноязычной, иноэтнической среде, в новом трудовом коллективе прошел успешно, ему подсказали правильную линию поведения. Новый человек, иностранец, начинает постепенно узнавать «подводные камни» в функционировании коллектива, а затем оказывается, что первоначальная мотивация, которая двигала молодым мужчиной, чтобы приехать в новые края, пропадает, наступает разочарование в том, что он увидел (что соответствует и теории кросс-культурного шока). В этот момент очень важно использовать новые мотиваторы труда, вовлечь иностранца в программы мотивации (к примеру, в программу вовлечения сотрудников в дела компании и др.) [8. С. 122—123]. Половина опрошенных отметили, что их не устраивает система мотивации труда в их коллективе, хотя денежным вознаграждением многие довольны. Зачастую иностранцы получают намного больше, чем местные, и такая кросс-культурная политика принята во многих странах: примерно половина опрошенных получают 1000 долларов, другая половина — от 1000 до 5000 долларов; есть респонденты, которые получают 5000 долларов, например, в сфере строительства.

Свежим взглядом новичка респонденты заметили следующие особенности российского менеджмента на предприятиях в Якутии: более демократичные отношения между начальством и подчиненными; сплоченный коллектив; дружественные отношения между коллегами; высокая конкуренция между работниками; уважительное и доверительное отношение к мигрантам; комфортные условия труда («уютные коммуникации»); самодисциплина, честность, мотивация; коллективизм. Представители европейских стран, сравнивая российский и европейский менеджмент, отмечали, что в Европе более четкий и развитый тайм-менеджмент, большее значение придается посредническим или рекрутинговым агентствам. Трудо-

вые мигранты из азиатских стран подчеркивали, что для их стран характерно более уважительное отношение к старшему поколению. Работающие в якутских фирмах японцы, корейцы и китайцы отметили, что их удивил демократизм в отношениях начальников и подчиненных, в их странах все по-другому: диктатура начальства, абсолютное подчинение вышестоящему лицу, четкие границы субординации. В то же время они признали, что привычка к тяжелому труду помогает им выживать в разных условиях, в том числе на работе в других странах.

Приведем выдержки из ряда интервью в Якутске, которые свидетельствуют, на наш взгляд, о выборе индивидуальной стратегии поведения в ходе кросс-культурных экспериментов. Адам, уроженец Судана, 28 лет, детский хирург: *«Я закончил медицинский институт в Санкт-Петербурге, никто из моих сокурсников не хотел ехать в интернатуру в Якутск: слишком далеко от центра, кроме того, все считали, что в Якутске почти нет цивилизации. Вначале, по приезде в Якутск, я испытал приятное удивление, от того, что в городе много современных зданий, много даже элитной архитектуры, да и само здание Якутского медицинского центра современно и снаружи, и внутри. А потом на меня свалилась сильнейшая депрессия — то, чему меня учили в Петербурге, здесь совсем не пригождалось. И цивилизации в некоторых сугубо медицинских вопросах, действительно, не хватало... В плане деловых коммуникаций сразу возникли проблемы: я привык о недостатках говорить в лицо, конкретно, особо слов обтекаемых не подыскивал, а здесь так не принято... Тем не менее я решил: пусть я буду считаться плохим, но я буду говорить правду...».*

Артем, уроженец Армении, 37 лет, инженер-строитель: *«Работаю бригадиром строительной бригады, хотя образование высшее. Устроился на работу в Якутию с помощью Интернета, использовал резюме. И хотя в коллективе меня приняли хорошо, и был уже опыт работы за границей, я не чувствовал себя стопроцентно уверенно. К примеру, я не испытывал необходимости вне работы общаться с коллегами, ходить на корпоративы, я тосковал по родине и испытывал желание общаться только с представителями армянской общины. Я считаю, что в Армении люди всегда и везде помогают друг другу, более отзывчивы к чужой беде — в Якутии я этого не заметил. Хотя, может быть, мне мешал понять якутян языковой барьер... Я стал искать возможности выучить якутский язык, чтобы понять тех людей, с кем я работаю. Может быть, я поторопился, утверждая, что они не так душевны...».*

Жан-Пьер, уроженец Бельгии, 75 лет, преподаватель, профессор: *«До Якутска у меня был опыт преподавания в Бельгии, Франции, России. Я почти не испытывал культурного шока после прибытия в новый вуз, сама по себе университетская среда, объединяющая людей из разных городов и стран, благодаря своему особому духу весьма способствует быстрой адаптации новичка, даже в таком возрасте, как у меня... В Бельгии и Франции я получал от 5 до 7 тысяч долларов, в Якутии значительно меньше... В Якутии я заметил особенности деловых коммуникаций: всегда и везде приятные отношения как с начальством, так и с коллегами, без зависти и без ревности...».*

Ян, уроженец Китая, 30 лет, продавец на рынке: *«Я приехал работать в Якутию по совету друзей и знакомых, с их помощью. Продавцы с рынка Столичный встретили меня приветливо. Я знал до поездки, что в Якутске достаточно много китайцев, которые занимаются торговлей, общепитом, открывают рестораны и кафе. И все же я почувствовал, как мне тяжело — мешал языковой барьер, меня плохо понимали покупатели, ругались и нервничали. Русский язык оказался очень сложным ... и все же я освоил правила общения на рынке, специальные выражения, а не только «десыво-десыво». Уже четыре года стою за прилавком. Заработок — от 1 до 3 тысяч долларов. Уезжать не собираюсь».*

На наш взгляд, особенность стратегий поведения иностранных работников в Якутии в том, что респонденты достаточно быстро прошли первую стадию культурного шока («радостного оживления») и вторую стадию («фрустрации и озлобления») и вступили в перспективную третью стадию («выздоровления»). Для первой стадии, как отмечают многие исследователи, характерен такой стиль поведения — даже если человек говорит на языке страны, куда приехал, его часто не понимают и смеются над ним [4. С. 35]. Многие респонденты переживают серьезную депрессию, понимая, что у них иные отношения к формальностям и привычки неформального общения, испытывают трудности на фазе генерации идей, чувствуют несогласованность действий внутри профессиональных команд, но это не мешает приезжим специалистам осознавать свои ошибки, социализироваться, чувствовать «вкус» работы в чужой стране. Мы увидели также, что университетская среда благоприятна для быстрого прохождения этапов кросс-культурного шока, наиболее пластична и позволяет иностранцу адаптироваться с большим успехом, нежели в других местах.

На вопрос о том, кто помог иностранцам пройти процесс адаптации в новых коллективах в Якутии, были получены такие ответы: *«друзья и знакомые»* (Ахмед, Кыргызстан, 25 лет, продавец; Замира, Кыргызстан, 48 лет, администратор в парикмахерской; Бахтияр, Узбекистан, 32 года, продавец; Мэн, Китай, 38 лет, продавец на рынке; Чжоу, Китай, 37 лет, продавец на рынке; Якуб, Таджикистан, 24 года, инженер-технолог); *«никто не помогал, сам выживал, сам везде ходил и договаривался»* (Артем, Армения, 37 лет, инженер-строитель; Богдан, Узбекистан, 46 лет, таксист); *«родственники»* (Долгат, Казахстан, 30 лет, врач-стоматолог); *«папа помог»* (Борис, Таджикистан, 23 года, бетонщик); *«дядя, он меня и на работу устроил»* (Бахыт, Таджикистан, 21 год, шашлычник); *«сотрудники управления международных отношений вуза, а также сила воли и верность семейным традициям — отец и дядя учились, долго жили в Санкт-Петербурге, тоже северном городе»* (Адам, Судан, 28 лет, детский хирург); *«помогли друзья и корпоративы»* (Макс, ФРГ, 24 года). Как видим, в процессе адаптации в чужой стране трудовым мигрантам в коллективе мало кто помогает, несмотря на то, что к ним относятся достаточно приветливо, *«с улыбкой на лице»*. Мало кто желает брать на себя функцию наставников, коучеров, менторов. В то же время друзья из этнообщин не всегда владеют объективной информацией о состоянии дел в трудовом коллективе и не могут взять на себя роль кросс-культурных наставников.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВТОРОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЯ

На втором этапе исследования было опрошено 24 человека — россияне, работающие за границей — в странах Азии, Европы и в Америке. Гендерное «лицо» трудовой миграции по маршруту «Якутия — зарубежье» несколько иное: мужчин и женщин в нашей небольшой выборке оказалось равное количество. Возраст трудовых мигрантов, уезжающих за границу, — от 25 до 40 лет, большинство имеют стаж трудовой деятельности до десяти лет, трудоустраиваются с помощью Интернета, знакомых, используют помощь рекрутинговых агентств.

Интересно, какие профессии могут конкурировать на международном рынке, или какие профессиональные компетенции якутян могут пригодиться за границей. Это такие профессии: менеджер по развитию — девелопер, инженер-энергетик, компьютерный дизайнер, координатор по логистике и закупкам, экономист, финансовый аналитик, маркетолог-аналитик, инженер-программист, юрист. Но, как и в случае с трудовыми мигрантами в Якутию, выезжающие на работу за границу часто вынуждены опускаться на нижние ступени в своей карьере, чтобы выжить в новой среде — люди с высшим образованием становятся рабочими или официантами, меняют профессии, чтобы приспособиться к новым требованиям на рынке труда.

Большинство опрошенных отметили, что их приветливо встретили в новом коллективе, но процессы адаптации у россиян за границей проходят также по непростому сценарию: россияне также чувствуют «трудности перевода» на фазе генерации идей, командной работы, формального и неформального общения и др. Так, традиционно считается, что обратная связь за рубежом, в США особенно, очень развита, и авторы одной популярной теории современного американского менеджмента под названием «one minute management» даже предложили формулу — «Feedback is a breakfast for champion» [11]: фактически «кто использует обратную связь, тот побеждает». Половина россиян, работающих за границей, обращаются за советом и к начальнику, и к коллегам, поскольку это позитивно воспринимается в тех странах, где они трудятся. Но другая половина рассудила иначе: *«да, я обращаюсь за помощью, но только к коллегам, и в том случае, когда помощь крайне необходима»* (Максим, 24 года, менеджер по развитию в Южной Корее); *«больше подхожу к коллегам»* (Самид, 24 года, официант на Мальте); *«зависит от случая»* (Максим, 36 лет, компьютерный дизайнер в США); *«нет, я со всем справляюсь или пытаюсь справиться сам»* (Иван, 30 лет, юрист в США).

Интересно выделить те черты менеджмента, которые россияне заметили за границей: для Южной Кореи характерен авторитет начальства — гораздо в большей степени, чем для российских фирм; на китайских предприятиях бросается в глаза коллективизм; в Австралии «приятным бонусом» кадрового менеджмента явилось полное гендерное равноправие; в Канаде, Японии и Америке россияне отметили умение развивать командный дух и четко строить командную работу.

Работа за рубежом, в крупных корпорациях позволила многим россиянам, особенно молодым, раскрыть свои таланты, испытать себя на прочность, порой данные кросс-культурные эксперименты заканчивались для них тем, что молодых

профессионалов приглашали работать в зарубежные фирмы. Это тот удачный случай, когда кросс-культурный шок заканчивается почти полным приспособлением к обстановке. Так, Максим получил диплом бакалавра как «менеджер по развитию» в Университете Менджи (Сеул), отправил резюме в одну из южно-корейских фирм (старт-апов), не веря в успех мероприятия, и, не дожидаясь ответа, уехал домой, но через месяц его пригласили на работу. Молодой человек вернулся в Южную Корею и занялся исследованием рынка, отлично проявил себя в сфере маркетинга, побывал в командировках в США, Сингапуре, и ему предложили продлить контракт. В адаптации ему помогло знание четырех языков. При этом далеко не все ему нравилось в новой фирме: трудно было привыкнуть к абсолютной диктатуре начальства, по принуждению ходил на корпоративы, а *«единственной системой мотивации были собственные успехи»*.

В еще более драматичных красках пишет о своей карьере во Франции якутянка Вилена, 37 лет. С 2012 года она живет во Франции, со своей профессией преподавателя истории и обществознания она оказалась ненужной, стала переучиваться на бухгалтера, поступив в государственный университет дистанционного обучения. Но и получив вторую профессию, Вилена столкнулась с конкуренцией на рынке труда, языковыми барьерами, сложной многоступенчатой системой отбора специалиста (резюме — мотивационное эссе — телефонный разговор — первое собеседование — второе собеседование). Однако и Вилена сумела вписаться в социальный контекст страны.

Максим, 36 лет, специалист по компьютерной графике и дизайну, окончил один из престижных вузов в Москве и мечтал попробовать силы в США, *«думал, сразу оторвут с руками и ногами»*. Посылал резюме в несколько фирм, тщательно готовил портфолио, пережил много отказов работодателей и почти привык к ответу «спасибо, мы вам перезвоним». И все же ему повезло — пригласили на работу в США. *«Субкультура компьютерных дизайнеров в США и России примерно одинакова: креативность, стремление работать в свое удовольствие и на самого себя, установка на высокий заработок, жесткую конкурентоспособность и др. И даже любовь к корпоративам у русских и американцев примерно одинаковая... Они всегда сплывают команду, а американцы — специалисты в формировании командного духа. Кроме того, мы с американцами похожи еще тем, что любим высказывать независимые суждения и непременно настаиваем на своей правоте»*.

Была в нашей выборке группа респондентов, которых можно отнести к категории «людей мира». Они работали в разных странах и относительно быстро привыкали к кросс-культурным командам. Например, Ксения, 28 лет, работала на Украине, Америке, Турции, ОАЭ. Интересно, что ее профессия по диплому «социолог», но она работает бортпроводником в международной компании Emirates (ОАЭ). Каждый рейс у нее новые коллеги, у них безналоговая система зарплаты, как таковой нет системы мотивации, кроме одной, — видеть новые города, получать необычные впечатления. Единственное, что хотела бы поменять Ксения в своей работе, — это *«отменить часовые пояса»*. Мы попросили Ксению уточнить, помогла ли ей профессия социолога в работе на международных авиалиниях:

«безусловно, помогла — находится в обществе и взаимодействовать с ним, понимать представителей различных групп населения, обобщать, формировать в своем сознании типы людей, а затем применять эти знания на практике и др.». На вопрос об особенностях менеджмента она ответила: *«в таких «плавающих», быстро обновляющихся коллективах есть огромные плюсы! Каждый рейс — новая проба сил. Если с кем-то „не заладилось“, успокаиваешь себя тем, что большие не увидишь этого коллегу. Психологически мы всегда свободны. Мы получаем удовольствие от постоянной смены ощущений, и ценим момент»*. Мы приводим этот пример, чтобы подчеркнуть: есть группа специалистов, у которой кросс-культурный эксперимент проходит в необычном формате.

Итак, рассмотрев кросс-культурные коммуникации на теоретическом и эмпирическом уровнях, следует признать, что вопросы кросс-культурного менеджмента остаются актуальными в период расцвета культурной и экономической глобализации; иностранные трудовые мигранты неизбежно испытывают культурный шок в первые месяцы работы в чужой стране, независимо от стажа и опыта профессиональной деятельности, пола и возраста; в новых кросс-культурных командах иностранные мигранты всегда выделяют особенности менеджмента в стране пребывания и пытаются осмыслить их, формируя новые культурные установки; в рамках кросс-культурного бенчмаркинга проводятся уникальные кросс-культурные эксперименты, позволяющие мигрантам успешно приспосабливаться к новой иноэтнической обстановке и делать успешную карьеру. Тем не менее, необходимо разрабатывать программу кросс-культурной адаптации в межнациональных коллективах — как многоуровневую систему, позволяющую осуществлять эффективную психофизиологическую, социальную, культурологическую и экономическую адаптацию иностранных сотрудников. В программу должны войти такие элементы, как тимбилдинг, привлечение «адвокатов-дьяволов», или медиумов, способствующих стимулированию здоровых дискуссий, обучение навыкам открытого общения, языковые курсы, привлечение кросс-культурных коучеров, или организация «баддинга» — это прежде всего поддержка, помощь, в какой-то мере руководство и защита одного человека другим, чтобы были достигнуты высокие результаты в работе. Этот метод основан на предоставлении друг другу объективной и честной обратной связи: приезжий прикрепляется к местному, и вместе они стараются выполнять задачи той кросс-культурной команды, в которой трудятся. Полезно также проведение культурных бенчмаркингов, так как это форма обратной связи и диагностики атмосферы взаимоотношений в межнациональном коллективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Гражданское общество в эпоху глобализации / Под ред. И.И. Подойницыной. СПб.: изд-во СПбУТУиЭ, 2017.
- [2] Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990.
- [3] Костина И.А., Хожемто В.В. Управление кросс-культурной адаптацией в международном бизнесе // www.cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-kross-kulturnoy-adaptasiey-v-mezhdunarodnom-biznese.

- [4] *Мясоедов С.П., Борисова Л.Г.* Кросс-культурный менеджмент. М.: Юрайт, 2015.
- [5] *Мясоедов С.П.* Основы кросс-культурного менеджмента. Как вести бизнес с представителями других стран и культур. М.: Дело, 2003.
- [6] Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2016 года // mvd.ru.
- [7] *Подойницына И.И.* Этнокультурные аспекты разделения труда в современной Якутии // *Вестник СПбГУ*. 2012. Серия 12. № 3.
- [8] Развитие кадрового менеджмента в организациях современной Якутии / Под ред. И.И. Подойницыной. СПб.: изд-во САУ, 2016.
- [9] Рост числа мигрантов в России вышел на докризисный уровень // www.rbc.ru/politics/06/12/2016/5816.
- [10] *Тоегел Г., Барсоуи Ж.-Л.* Ситуации, когда межкультурная коммуникация рухнет // *Harvard Business Review*. April 2014.
- [11] *Blanchard K., Lorber R.* Putting the One Minute Manager to Work. N.Y.: Harper Collins Publishers, 1984.
- [12] *Dholakiya P.* 3 tips for managing a cross-cultural workforce // www.entrepreneur.com/amphtml/288796.
- [13] *Welty R.* Thai Culture and Society. Bangkok: Asia Books, 2012.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-578-591

CROSS-CULTURAL EXPERIMENTS AS AN ADAPTATION STRATEGY*

**I.I. Podoynitsyna, S.G. Petrov,
A.A. Fedorova, P.I. Yakovlev**

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University
Prosp. Lenina 1, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000
(e-mail: irena_ivan@mail.ru, st27petrov@mail.ru, f_aigy_sher@mail.ru,
pyakovlev14gmail.com)

Abstract. The article considers methodological and empirical aspects of cross-cultural communications under the economic and cultural globalization that determined the free movement of labor migrants around the world though this process is accompanied by certain difficulties. The authors believe that even a theoretically prepared person that knows about the influence of cultural differences on the organizational management in different countries will experience a cultural shock when working abroad. The cultural shock is a discomfort, frustration and even depression caused by getting into an unfamiliar environment. At the applied level, the authors analyze the so-called ‘cross-cultural experiments’ — attempts of an individual (a working specialist of a certain nation) to test one’s strength, skills, and professional competencies in a foreign company. The authors’ sociological study of a cultural benchmarking type consisted of two stages. At the first stage, foreigners working in the capital of the Republic of Sakha (Yakutia) were interviewed; at the second stage, the Russians working abroad, mainly in the USA, were interviewed. The migration flows from China have recently intensified in Yakutia, but the overwhelming majority of labor migrants are still from West and Central Asia, mainly from Tajikistan, Kyrgyzstan, and Armenia. The foreigners working in Yakutia and Russians working abroad experience same difficulties of adaptation in a new collective. Friends, relatives, members of the ethnic community, but not specially trained cross-cultural coaches

* © I.I. Podoynitsyna, S.G. Petrov, A.A. Fedorova, P.I. Yakovlev, 2017.

and mentors, help them with adaptation. Such a personnel technology as selection, recruitment and headhunting works reasonably well, while other HR technologies of cross-cultural management (motivation, feedback, etc.) are still lagging behind. The authors insist on introducing courses on cross-cultural adaptation in international groups both in Russia and abroad together with a system of the so-called ‘budding’.

Key words: globalization; cross-cultural management; cultural shock; cross-cultural adaptation; culturological benchmarking; personnel selection; feedback; cross-cultural coaches

REFERENCES

- [1] *Grazhdanskoe obshchestvo v epohu globalizatsii* [Civil Society in the Era of Globalization]. Pod red. I.I. Podoyntsynoy. SPb.: izd-vo SPbUTU i Je; 2017 (In Russ.).
- [2] Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Biosphere of the Earth]. Leningrad: Gidrometeoizdat; 1990 (In Russ.).
- [3] Kostina I.A., Hozhempo V.V. Upravlenie kross-kul'turnoj adaptatsiej v mezhdunarodnom biznese [Managing cross-cultural adaptation in the international business]. www.cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-kross-kulturnoy-adaptatsiej-v-mezhdunarodnom-biznese (In Russ.).
- [4] Myasoedov S.P., Borisova L.G. *Kross-kul'turnyj menedzhment* [Cross-Cultural Management]. Moscow: Yurayt; 2015 (In Russ.).
- [5] Myasoedov S.P. *Osnovy kross-kul'turnogo menedzhmenta. Kak vesti biznes s predstaviteljami drugih stran i kultur* [Cross-Cultural Management Fundamentals. How to Conduct Business with Representatives of Other Countries and Cultures]. Moscow: Delo; 2003 (In Russ.).
- [6] Otdelnye pokazateli migracionnoj situatsii v Rossijskoj Federatsii za janvar-dekabr 2016 goda [Some indicators of migration in the Russian Federation in January-December 2016]. mvd.ru (In Russ.).
- [7] Podoyntsyna I.I. Etnokulturnye aspekty razdelenija truda v sovremennoj Yakutii [Ethnic-cultural aspects of the division of labor in today's Yakutia]. *Vestnik SPbGU*. Serija 12. 2012; 3 (In Russ.).
- [8] *Razvitie kadrovogo menedzhmenta v organizacijah sovremennoj Yakutii* [Development of Personnel Management in Today's Yakutia Organizations]. Pod red. I.I. Podoyntsynoy. Saint Petersburg: izd-vo SAU; 2016 (In Russ.).
- [9] Rost chisla migrantov v Rossii vyshel na dokrizisnyj uroven [The number of migrants in Russia reached the pre-crisis level]. www.rbc.ru/politics/06/12/2016/5816 (In Russ.).
- [10] Toegel G., Barsoi J.-L. Situatsii, kogda mezhkulturnaja kommunikacija ruhnet [Situations when intercultural communication will collapse]. *Harvard Business Review*. April 2014.
- [11] Blanchard K., Lorber R. *Putting the One Minute Manager to Work*. New York: HarperCollins Publishers; 1984.
- [12] Dholakiya P. 3 tips for managing a cross-cultural workforces. www.entrepreneur.com/amphhtml/288796.
- [13] Welty R. *Thai Culture and Society*. Bangkok: Asia Books; 2012.

ЭССЕ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-592-612

ОБРАЗ СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОСТЮМА*

А.В. Панкова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
(e-mail: anjanstja@rambler.ru)

В статье представлена попытка показать возможности социологического анализа феномена свободы через декодирование соответствующих смыслов, заключенных в различных элементах одежды отдельного исторического периода. Автор признает, что исследовать понятие свободы в социологии чрезвычайно трудно по причине неуловимости (непонятны и неоднозначны эмпирические индикаторы ее наличия и степени выраженности) и одновременно универсальности (каждый человек имеет собственное представление о свободе и способах ее маркирования) данного понятия. Ни в коем случае не претендуя на разработку некоторой модели социологической оценки свободы через ее внешние проявления в костюме, автор лишь пытается обозначить общие контуры возможного социологического рассуждения по данной теме. В начале статьи кратко обозначены сложившиеся в литературе трактовки соотношения свободы и причинности, подходы к интерпретации свободы (внешняя и внутренняя ее проекции), аналитические «оптики» для исследования способов самовыражения в одежде (акцент сделан на ценностно-деятельностном подходе), «элементы» свободы (возможности и ограничители, освобождение и закрепощение — как зафиксированные в соответствующих кодовых системах костюма). Основная часть статьи посвящена рассмотрению того, как все перечисленные аспекты предлагаемого социологического анализа костюма как отражающего определенную степень свободы человека/группы в обществе прослеживаются в российском обществе в рамках особого исторического периода (1861—1905 годы), так называемой «постреформенной эпохи», когда наметились возможности для демократизации общества и его развития в капиталистическом формате. Автор отмечает различия двух этапов, характеризующихся общественно-политическими особенностями: канун буржуазных реформ и первые годы после отмены крепостного права; период с 1880-х годов. Однако сосредоточивает внимание на описании конкретных изменений костюма, которые прослеживались в обществе в целом (скажем, принятие и адаптация европейского городского костюма) и в разных слоях (городского) общества той эпохи (мещанство, дворянство, купечество и др.), отмечая также внутрисловные и внесловные, поколенческие и гендерные особенности трансформации костюма.

Ключевые слова: свобода, одежда, коды, декодирование, ценностно-деятельностный подход, российское общество в пореформенный период, векторы трансформации городского костюма

Исследовать понятие свободы в социологии чрезвычайно трудно, прежде всего в связи с неуловимостью и универсальностью данного понятия. Каждый индивид понимает его по-своему, в зависимости от собственной системы координат,

* © Панкова А.В., 2017.

поэтому многие ученые говорят о невозможности исследования свободы, поскольку «все, что становится объектом научного изучения, предполагает наличие предшествующей причины» [3. С. 111], а свобода таковой не обладает. Однако свобода и причинность не составляют логического противоречия: «Индивид, осознающий свою собственную свободу, не исключается из мира причинности, а скорее воспринимает свою собственную волю как очень специфическую категорию причины, отличную от других причин, с которыми он должен считаться. Но это отличие нельзя доказать научно... Не существует методов фиксации свободы ни в себе, ни в другом человеке, есть лишь внутренняя субъективная убежденность, которая моментально растворится, как только к ней применят инструмент научного анализа» [1. С. 114—116]. С невозможностью зафиксировать свободу можно согласиться при условии связывания ее со свободой воли, что же касается свободы действия и свободы выбора, то они вполне поддаются научному исследованию, в том числе социологией: ее интересует феномен несвободы, факторы, ограничивающие уровень индивидуальной свободы в процессе изменения свободы социетальной. В этом смысле в социологии свобода «имеет причинность» и можно говорить о большей-меньшей свободе в терминах изменения степени несвободы.

Можно выделить в социологии две точки зрения на феномен свободы: внутреннюю и внешнюю. Используя внутреннюю проекцию, исследователь фокусируется на социальном субъекте, который оценивает уровень и динамику своей свободы исходя из своих жизненных целей, ценностей и возможностей их достижения на данный момент. Эти представления разделяют все социальные изменения на актуальные и неактуальные для определенного индивида или групп, т.е. в центре исследования оказывается процесс восприятия социальным субъектом происходящих изменений и своего места в обновленном социальном пространстве. Случаи, когда восприятие индивидом реальности значительно отличается от реального состояния дел, также можно считать характеристикой новой реальности. Иными словами, внутренняя точка зрения на свободу и внутренняя свобода — разные понятия, поскольку последнее обозначает личное пространство индивида, в котором он может оставаться самим собой [26]. В социологии в рамках данной проекции изучается переживание актором (группой) социальных изменений сквозь призму его (ее) личных координат: каждый субъект в каждый момент времени обладает своей «линейкой», мерой, точкой отсчета изменений в социальной реальности и оценки своего места в ней (безусловно, внутренние обстоятельства лишь условно внутренние — это продукт прошлого влияния внешней среды на индивида).

Что касается внешней проекции, то здесь во главу угла ставятся изменения во взаимоотношениях субъекта с социальной средой (государство, другие группы и т.п.) независимо от отношения субъекта к ним (актуальны ли они для него, осознаваемы и т.д.). Исследователей интересует, какую область потенциальной свободы в реальности задают социальные системы разных типов либо одна и та же система в разные исторические периоды, изучаются гарантии свободы, ее подкрепление социальными институтами, ограничения, накладываемые обществом на индивида, динамика шансов на изменение ситуации в сторону «освобождения»

и т.д. Данная перспектива позволяет рассматривать любое общество как отличное от других своим «способствующим потенциалом», т.е. возможностями для формирования и проявления индивидуальностей [26]. Э. Фромм писал: «различия между индивидами в каждом обществе кажутся значительными, но в любом обществе существует определенный предел индивидуализации, за который нормальный индивид выйти не может» [22. С. 258]. Кроме того, и социальное распределение свободы различно в разных обществах, что выражается в том числе и через костюм. Самовыражение через одежду — явление в социальной истории сравнительно недавнее, причем не все слои общества могли и до сих пор могут позволить себе такую возможность, поэтому примеры индивидуализации можно уловить лишь в тех слоях общества, которые обладали(ют) достаточно высоким статусом для выражения собственного мнения [20].

Для оценки возможностей свободного самовыражения в одежде необходимо объединить несколько аналитических «оптик» [21]: институционально-правовую, ценностно-деятельностную и стратификационную. В частности, ценностно-деятельный подход подразумевает учет значимости для субъекта изменений в сфере освобождения или закрепощения: не все изменения, даже формально положительные, могут рассматриваться субъектом как позитивные, они могут носить для него нейтральную или даже негативную окраску (на что влияет множество факторов). Кроме того, социологи признают и разное понимание свободы индивидами, но, несмотря на это, свобода считается универсальной ценностью в том смысле, что независимо от возраста, пола, расы, социального положения и т.д. важна способность человека достигать важных для него целей или следовать тем ценностям, которые для него значимы. В статье используется универсальная точка зрения на свободу, а специфичность и разнообразие трактовок свободы определяется заданным историческим периодом (российское общество середины XIX — начала XX века). Таким образом, интеграция внутренней и внешней точек зрения на свободу позволяет одновременно изучать три вида свободы: социетальную, групповую и индивидуальную.

Основными составляющими свободы являются: освобождение, возможности и ограничители. Под «освобождением» понимается процесс обретения индивидами (группами) больших возможностей для выбора и осуществления жизненно важных целей и ценностей вследствие изменения социальной среды либо благодаря собственным стараниям. Возможности — это совокупность условий для осуществления чего-либо, и условия могут быть не только внешними, но и внутренними, т.е. это индивидуальные способности индивида (умения, знания, навыки). Границы возможностей регулируются ограничителями — это преграды, снижающие уровень свободы субъекта относительно некоторого состояния. Ограничитель может воздействовать таким образом, что возможности субъекта не будут уменьшаться, однако для поддержания предыдущего состояния усилий придется прикладывать больше. Так, в периоды особых социальных потрясений «неосознаваемые ранее ограничения становятся явными, и, напротив, часть из осознаваемых ранее ограничений в новых условиях уходит на второй план, начинает восприни-

маться преимуществом, а не недостатком прежней жизни; в изменившихся условиях одни ограничения отмирают сами собой, другие — преодолеваются с большей легкостью, чем прежде, третьи же, напротив, предстают новыми непреодолимыми преградами и т.д.» [26]. В подобные периоды происходят наибольшие изменения в кодах костюма, возникают новые практики и коды свободы, причем изменения могут носить не только политический или экономический характер, а быть связаны с повседневной жизнью индивидов (впрочем, все сферы жизни взаимосвязаны, следовательно, трансформация в одной области влечет изменения в других). В этом смысле любое общество является постоянно изменяющимся, однако изменения в ряде областей порождают наибольшие потрясения и отражаются на отношении человека к собственному телу и одежде. Проиллюстрируем эту зависимость на истории русского костюма.

По замечанию Э. Холландер, «попытки рассмотреть эстетику одежды исключительно с точки зрения экономической, или политической истории, или истории технологической, или даже с точки зрения социальных обычаев и традиций, с которыми она находится в столь тесной и повседневной связи, могут оказаться весьма продуктивными, если ставить вопрос о механизмах влияния всех этих контекстов на тот символический язык, на котором говорит одежда» [23. С. 14]. Наиболее подходящей моделью для изучения семантической структуры общества с точки зрения костюма (и не только костюма [19]) является теория У. Эко о коде (S-код, «семантический код») и процессе коммуникации, где любой элемент костюма рассматривается как особый проводник в коммуникации. Эко отказывается от общепринятой теории информации, предполагающей наличие отправителя, сообщения и адресата: сообщение понимается за счет кода, общего для отправителя и адресата. По мнению Эко, в коммуникации участвует не один код, а целый ряд кодов, поэтому сообщение может восприниматься по-разному в зависимости от культурных обстоятельств. Культурный код необходим для передачи сообщения, сконструированного на основе системы культурных элементов, число комбинаций которых ограничено: число выборов уменьшается, в то время как число возможностей передачи сообщения увеличивается (код позволяет прикреплять к ним все новые семиотические метки).

Соответственно, уровень свободы общества и индивида выражается через костюм по-разному в зависимости от культурных детерминант, однако можно выделить общие моменты в трансформации кодификаций, обозначив коды, связанные с внутренней свободой: коды закрепощения (неудовлетворенность уровнем свободы) и коды свободы (принятие существующей системы, удовлетворенность). Для оценки уровня свободы в обществе следует обращать внимание на (1) коды материала костюма, (2) коды состояния одежды, (3) коды различий между разными слоями (насколько сильны различия), (4) коды самовыражения (насколько индивид может позволить себе самовыражение), (5) коды идеала эпохи (насколько костюм соответствовал идеалу эпохи) и (6) коды разнообразия костюма (для каждой функции — свой костюм).

Безусловно, все исторические изменения костюма оказали влияние на современный внешний вид и отношение человека к своему телу, однако наиболее ин-

интересно с этой точки зрения последнее столетие — сравнительно недавний период, который жив в памяти людей. Нижняя хронологическая граница рассматриваемого периода — 1861 год, начало либеральных реформ, запустивших процессы интенсивной урбанизации страны и формирования принципиально новой городской культуры. Верхняя хронологическая граница — 1905 год. Данный период важен потому, что предположительно именно в это время происходят наибольшие изменения в костюме, связанные с трансформацией кодов свободы. Кроме того, с XIX века в России и на Западе формируется стремление индивида к воспроизводству в одежде частного и группового самоопределения. С одной стороны, некоторые люди вследствие изменений пытаются выделиться, чтобы обособиться, подчеркнуть свою уникальность и особенность своей группы (одежда, особенно новая, заимствованная у других стран, позволяла экспериментировать в рамках общего идеала того времени). С другой стороны, именно в этот период появляется возможность скрыть свое «Я» за одеждой, которую носят все (этот механизм особенно свойственен нынешнему обществу).

Буржуазные реформы середины XIX века стали точкой отсчета становления капиталистического периода в истории нашей страны: происходит отмена крепостного права, предоставившая крестьянству, в частности, свободу передвижения; активно развивается отходничество, усилившиеся экономические связи между городом и деревней, и значительная часть крестьянства переселяется в города. Отмена крепостного права повлекла за собой необходимость более активного включения бывших крепостных в сферу профессиональной культуры, поэтому открываются сельские школы, распространяется грамотность. Образование в обществе пользуется особой популярностью в периоды бурного развития производительных сил и смены общественных укладов, поэтому образованный человек являлся идеалом того времени.

В 1861 году страной правил Александр II, он отменил крепостное право и запустил первые либеральные реформы, однако погиб вследствие террористического акта революционной организации «Народная воля». Внешняя политика Александра II была направлена на расширение Российской империи: к стране были присоединены Северный Кавказ, Средняя Азия, Дальний Восток, Батуми, Бессарабия. Многие соотечественники критиковали его политику за бессмысленность завоевания этих стран, при нем был подписан «ущербный» Берлинский трактат, продана Аляска и т.д. Именно с эпохи Александра II начинается рост общественного недовольства, появляются первые революционеры: группа Нечаева, кружки Заичневского, Ольшевского, Ишутина, организация «Земля и Воля», группа офицеров и студентов (Иваницкий и др.), готовившая крестьянское восстание [16. С. 114—139]. С 1870-х годов эти тенденции расширились, что оказало влияние и на коды свободы и закрепощения в одежде, и на трансформацию костюма в целом. Кроме того, при Александре II происходит сближение страны с Францией (распространение французской моды).

Политика отца была воспринята императором Александром III как неверная. Он полагал, что ошибкой отца стало чрезмерное доверие народу, поэтому с начала

царствования он заявляет о намерениях не ослаблять самодержавную политику и усиленно пропагандировать лозунг «Православие, Самодержавие, Народность», появившийся еще при его дедушке Николае I (именно в годы его правления распространяется псевдорусский стиль, в том числе в одежде, среди дворян). При Александре III не было войн, хотя Европа укрепляла свои позиции на мировой арене (что не могло не сказаться на внешнем виде костюма).

При Николае II, напротив, было несколько войн, в том числе русско-японская (1904—1905) и Первая мировая (1914—1918). Существуют разные точки зрения на данную фигуру: одни говорят о недостатке характера у императора, вследствие чего произошли революции и последующие изменения в стране; другие отмечают заслуги Николая II перед отечеством. Согласно статистике, налоги в России до Первой мировой войны были самыми низкими в мире: бремя прямых налогов в России было почти в 4 раза меньше, чем во Франции, более чем в 4 раза меньше, чем в Германии, и в 8,5 раз меньше, чем в Англии; бремя косвенных налогов было в среднем вдвое меньше, чем в Австрии, Франции, Германии и Англии [2]. Кроме того, с 1890 по 1913 г. производительность русской промышленности увеличилась в 4 раза, и это были реально работающие фабрики и заводы (что можно было увидеть во внешнем виде жителей страны). При Николае II растет вывоз сельскохозяйственных продуктов из России в Англию (зерна и муки) и Западную Европу [2]; проводится аграрная реформа. Противоречия вокруг данной исторической фигуры связаны и с разделением страны на лагеря: поддерживающих и противостоящих самодержавию (что, предположительно, можно увидеть в костюме).

Отмена крепостной зависимости создавала новые социальные возможности для демократизации общества, чему не особенно способствовало самодержавие. Благодаря участию российской интеллигенции в стране была фактически создана народная школа, положено начало системе технических училищ, включая отраслевые высшие учебные заведения и семинарии, готовящие учителей начальных классов; открылось множество музеев и библиотек. В этот период начинают зарождаться предпосылки гражданского общества как сферы реализации различных общественных интересов (правовых, образовательных, культурных), не связанных с деятельностью государства [28. С. 220].

В целом в развитии пореформенной России можно выделить два этапа, различающихся общественно-политическими особенностями развития общества: 1) канун буржуазных реформ и первые годы после отмены крепостного права; 2) период с 1880-х годов. В первые два пореформенные десятилетия активно распространялось просвещение народа, было пересмотрено законодательство о печати, художественно-изобразительное искусство продвигало идеи демократизма и революционного народничества. Так, одна из участниц педагогического движения 1860-х годов Е.Н. Водовозова вспоминала: «Эти годы можно назвать весной нашей жизни, эпохой расцвета духовных и общественных идеалов, временем горячих стремлений к свету и к новой, еще неизведанной деятельности... небывалое до тех пор стремление общества к нравственному и умственному обновлению... как охватило русских людей лихорадочное движение вперед, как страстно стре-

милась молодежь к самообразованию и просвещению народа, какую непреклонную решимость выражала она, чтобы сразу стряхнуть с себя ветхого человека, зажить новою жизнью и сделать счастливыми всех нуждающихся и обремененных. Такое небывалое до тех пор стремление общества к нравственному и умственному обновлению имело громадное влияние на изменение всего мирозерцания русских людей, а вместе с тем и на многие явления жизни, на отношение одного класса общества к другому» [12. С. 256]. Возникают первые благотворительные общества, что было связано с упрощением процедуры их создания и поддержкой правительства. С 1850-х годов начинается рост легкой промышленности: на место помещичьих фабрик приходят капиталистические вместе с наемными рабочими [10. С. 63]. Начинается рост массового производства (в основном в крупных городах), появляются новые технические усовершенствования, развивается портняжное дело, расширяется оптовая и розничная торговля, постепенно внедряются новые формы продажи (разъездной, рассылки в другие города по заказам и пр.), что делает товары более дешевыми и доступными, растет платежеспособность представителей средних и низших слоев, т.е. увеличивается их экономическая свобода.

Однако 1880-е годы современники называли «глухими и черными», потому что усилилась государственная поддержка православной церкви, ее влияние на систему школьного образования; был издан «указ о кухаркиных детях», запрещающих поступление в гимназии детям простолюдинов: «при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, не следует выводить из среды, к коей они принадлежат» [15]. Тем не менее, изменения в стратификационной системе были неизбежны — появляется новый слой горожан, промышленный пролетариат. В целом, к 1917 году в Российской империи существовало 4 основных сословия: дворянство, духовенство, городское и сельское население.

Городское население делилось на *почетных граждан, купцов, цеховых мастеров, мещан, мелких собственников, рабочих людей (работающих по найму)*. Посадское, или городское, торгово-ремесленное население, в отличие от дворянства и духовенства, не было привилегированным и обязано было платить «государево тягло»: налоги и повинности, в том числе рекрутскую повинность [25. С. 340]. К особой группе в городском сословии относились крупные капиталисты, владевшие капиталом более 50 тысяч рублей, оптовые торговцы и владельцы кораблей: с 1807 года они назывались «первостатейное купечество», но с 1832 года название изменилось на *почетных граждан*. Последние подразделялись на потомственных и личных: званием потомственного почетного гражданина обладала крупная буржуазия, дети личных дворян, священников и дьяков, художники, агрономы, артисты имперских театров, лица, которые были усыновлены потомственными дворянами и почетными гражданами, а также окончившие технические училища, учительские семинарии и артисты частных театров. Почетные граждане пользо-

вались рядом привилегий: освобождались от личных повинностей, от телесных наказаний и т.д. [13. С. 143].

Основным городским населением было *мещанство*. Каждый мещанин был приписан к городскому обществу, которое можно было покинуть только по временному паспорту, а изменить — только с разрешения властей. Мещане были обязаны выплачивать подушную подать, подлежали рекрутской повинности и телесному наказанию, не имели право работать на государственной службе, на военной службе не обладали правами вольноопределяющихся. Им было разрешено вести мелкую торговлю, работать по найму, заниматься промыслом. В каждом городе создавалось мещанское общество с избираемыми управами, старостами и их помощниками (с 1870 года). Мещанам принадлежала большая часть городского недвижимого имущества. В середине XIX века мещане впервые освободились от телесных наказаний, с 1866 года — от подушной подати (сословный налог). Принадлежность к мещанскому сословию передавалась по наследству, записаться в мещане могли лица, которые были обязаны избирать род жизни, после отмены крепостного права все крестьяне получили такую возможность, но только при условии увольнения из сельского общества и разрешения властей. Кроме того, крестьянину было необходимо обладать городской недвижимостью или заниматься торговлей или ремеслом, платить подати и исполнять общественные службы. Мещане обладали правом корпоративного объединения и сословного самоуправления (через мещанские управы), существовал отдельный мещанский суд. Мещане, занимающиеся ремеслом, относились к цеховым: любой, кто постоянно занимался ремеслом, был обязан записаться в цех.

Мещане, которые разбогатели и развили свое дело, переходили в *купцы*, в то время как обедневшие купцы — в мещане. В 1863 году была отменена третья, самая низшая гильдия купцов, и все они снова стали мещанами. Помимо крестьян в мещане переходили и бывшие военнослужащие, у которых была льгота — свобода от податей. После отмены крепостного права численность мещан резко возросла, прежде всего за счет крестьян, которые стремились стать мещанами, чтобы не платить подушную подать. В действительности они не занимались торговлей и ремеслами, а, купив дом в городе, арендовали землю и продолжали жить земледелием. Некоторые из мещан получали образование и переходили в сословие разночинцев [7]. С 1811 года численность мещан значительно выросла и к 1897 году составила 44% городского населения.

В пореформенное время возникли новые слои городского населения — торгово-промышленная буржуазия, а также пролетариат, который пополнялся за счет крестьян и городского мещанства. Мещанство оставалось основным слоем в российских городах и в конце 1890-х годов составляло 10,7% населения России, крестьянство — 84% (согласно данным Всероссийской переписи 1897 года). Люди приезжали в город не только за новыми экономическими возможностями, но и за благами городской жизни: образование, пожарная безопасность, торговля, общественно-культурная жизнь, водопровод и канализация, электрическое освещение в домах и на улицах, железнодорожные вокзалы, депо, электро- и телефонные

станции. Однако деревенская Россия продолжала доминировать над городской по причине невысоких масштабов и темпов урбанизации. Признаки урбанизации, которая меняла профессиональную структуру населения, формировала специфически городской образ жизни и повышала социальную мобильность, проявлялись лишь в некоторых столичных городах, которые и стали центром «свободы», а городской житель — идеалом свободы.

Крестьяне были обязаны платить подушную подать, а также иные налоги и сборы для содержания армии, флота, строительства, промышленности и т.д. Крестьяне были основным источником пополнения армии, они же были вынуждены осваивать новые земли. В крестьянстве существовала своя иерархия: *помещицы, государственные посессионные и удельные, принадлежащие царской фамилии*. После 1861 года крестьяне официально стали свободными сельскими обывателями с гражданскими правами. Выйдя из крепостничества, крестьяне стали объединяться в сельские общества, для управления которыми образовывали волость. В селах и волостях крестьянам было предоставлено самоуправление. Юридических свобод у крестьян стало больше, следовательно, их новый костюм должен был содержать больше кодов свободы.

Дворяне на протяжении XVIII века усиливали свой статус господствующего сословия посредством множества изменений как в самоорганизации, так и в правовом положении. Во-первых, произошла внутренняя консолидация прежних иерархий, стирание различий между существовавшими ранее группами служилых «по-отечеству» (бояре, дворяне московские, дворяне городовые, дети боярских, жильцов и т.д.). Большую роль в данном процессе сыграл указ о единонаследии 1714 года, устранивший различия между вотчинами и поместьями: все дворяне-землевладельцы получали землю на основе единого положения о недвижимой собственности. Табель о рангах (1722) устранил остатки местничества (прежде всего в юридическом плане): каждый дворянин начинал службу с самой низкой позиции 14 класса в морской или военной службе (корнета, прапорщика, гардемарина) или в качестве коллежского регистратора в гражданской службе. Теперь юридически большее влияние имели способности, личные заслуги и преданность государю. Однако при Анне Ивановне в 1736 году срок службы был ограничен 25 годами, затем Указ о вольностях дворянских 1762 года отменил для дворян обязательную службу и освободил от телесных наказаний. Их положение стало, действительно, вольготным, что подтвердила Екатерина II. Учреждение для управления губерний (1775) и Жалованная грамота дворянству (1785) окончательно закрепили положение дворян. К началу XX века дворянство было не только самым привилегированным сословием, но и самым сплоченным, образованным и адаптировавшимся к государственной власти. Первая русская революция стала толчком к дальнейшему политическому объединению дворянства: в 1906 году на всероссийском съезде уполномоченных дворянских обществ был создан Совет объединенного дворянства [30. С. 402], который оказывал значительное влияние на правительственную политику. Соответственно, костюм дворянина рассматриваемого периода должен содержать коды свободы и демонстрировать ориентацию на одежду императорской семьи.

В XIX — начале XX веков в Российской империи господствовал консервативно-патриархальный уклад жизни, в котором женщина занимала подчиненное положение: оно закреплялось юридически, поддерживалось высшими органами государственной власти и значительной частью населения страны. В XIX веке в научных и общественных кругах доминируют теории о природных основаниях неполноценности женщин (слабее физически и глупее мужчин), но в то же время, с 1830-х годов, передовая интеллигенция (Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, М.Л. Михайлов, К.Д. Ушинский и др.) писали о необходимости освобождения женщин от мужского гнета [8]. С середины XIX века начинается активная критика гражданских законов по отношению к женщине, сравнивается российское и зарубежное законодательство, критике подвергается свод законов, посвященный браку и семье, а также порядку наследования. По мнению критиков, законодательство было устаревшим и не давало женщинам политических прав, ограничивало их права на образование и применение полученных знаний в профессии.

Вследствие сложной внутривластной обстановки и роста критических статей авторитетных юристов начали предприниматься попытки разработать новый проект гражданского уложения, в котором права женщин были бы расширены. Так, за освобождение женщин от телесных наказаний выступали А.Г. Тимофеев, А.Ф. Кистяковский, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий и др. С развитием промышленного производства начался рост числа женщин, занятых на фабриках, стали подниматься вопросы об охране прав трудящихся женщин. К началу XX века возросло число сторонников идеи предоставления женщинам политических прав и права свободно осуществлять свою профессиональную деятельность [8]. Перед революцией 1905 года появляются, а затем активно развиваются женские организации, которые сыграли важную роль в раскрепощении женщин. Положение женщин по сословиям различалось: так, женщина в крестьянской семье, как в других сословиях, была обязана заниматься домашним хозяйством, однако ее хозяйство предполагало и тяжелый физический труд — помощь мужу на полях. Незамужняя девушка не имела никаких прав, голоса в семье, ее имущество ограничивалось приданым и долей в семейном имуществе. Жениха для дочери выбирали родители, однако мнение невесты часто учитывалось. После заключения брака женщина оказывалась полностью зависима от мужа, однако когда муж уезжал на заработки, женщина оставалась за главную. После смерти мужа вдова получала все права хозяйки и могла управлять свободно имуществом дома. В некотором роде прав у крестьянских женщин было больше, чем у других сословий, что было связано прежде всего с выживанием. Несмотря на это, крестьянские женщины были обязаны жить под одной крышей с мужем и несли повинность, если убегали из дома (только муж мог разрешить женщине покинуть дом). Фактически имущественные права крестьянок, в отличие от представительниц других сословий, определялись не столько родственными отношениями, сколько их ролью в ведении общего крестьянского хозяйства. Следовательно, можно предположить,

что костюм крестьянок отличался от женского костюма других сословий не только кодами статуса и социального положения, но и большим числом кодов свободы.

Однако в больше степени нас интересует городской костюм, который отражал несколько важных тенденций того времени: активное развитие отношений с Европой (в костюме отражаются коды идеала европейской свободы) и профессиональное развитие городов (соответствующие коды в женском и мужском костюме). Исследователи костюма выделяют три основных этапа в распространении городского европейского костюма среди российских горожан [27]: 1) 1850—1860-е годы — распространение европейского костюма за пределы дворянского сословия, некоторые купцы и мещане начинают носить подобного вида костюм. Значительная часть городского населения, особенно в провинции, все еще носит сословную одежду, но костюм европейского покроя появляется в столицах и губернских городах, т.е. изменения в костюме происходят до социальных потрясений, костюм реагирует на настроения в обществе. В светской женской моде господствуют кринолин, корсет и пышная декоративная отделка; в мужской одежде цилиндр вытесняют шляпы. С 1867 года завершается мода на широкие платья на кринолине, появляются платья с турнюрами и треном (рис. 1); в мужской одежде во второй половине 1860-х годов появляется костюм-тройка; 2) 1870—1880-е годы — широкое распространение в качестве повседневного городского европейского костюма; в последней трети XIX века на основе европейского костюма вместе с русской рубашкой формируется выходной костюм фабричных рабочих (рис. 2); 3) 1890—1905 годы — завершение перехода к костюму европейского типа всех слоев городского населения; распространяется готовая одежда, обеспечивающая свободу движения своему владельцу, соответствующая новым гигиеническим требованиям; в 1890-е годы упрощается крой женской одежды, возрастает число женщин, самостоятельно зарабатывающих себе на жизнь (представители дворянского, духовного и мещанского сословий), и они отказываются от корсетов, турнюров и тренов (шлейфов), от «обеляющей» косметики; в 1899 году появляется тальер — женский деловой костюм (рис. 3) [11. С. 214].

Рисунок 1

Рисунок 2

Допетровский городской костюм по сравнению с костюмом XVIII и XIX веков достаточно статичен и традиционен, тогда как в пореформенной России городской костюм стал весьма самобытен. Именно в этот период зарождается и распространяется мода на «русское платье»; изменяются гендерные роли и появляются два специализированных типа женской одежды — спортивный и производственно-профессиональный. Хотя в целом сословный костюм вытесняется общегородским, сословные разграничения сохраняются, особенно в женской одежде. Так, многие дворянки того периода носят по парижской моде сложные и вычурные наряды (кринолин, турнюр, трен, рукабуф), которые содержат в себе коды отличия от купеческого сословия и простонародья. Вероятно, такие вычурные наряды стали следствием «выравнивания», некоторым протестом и отказом от принятия эгалитарных социально-профессиональных изменений в городской среде (в начале 1860-х годов кринолины достигали таких размеров, что затрудняли движение не только своей хозяйки, но и окружающих — рис. 4). Костюмы изготавливались из дорогих тканей, которые не могли себе позволить представительницы других сословий: шифон, тюль, бархат, шелк и т.д. В 1870-х кодами отличия и социального положения в женских платьях были его детали: обильное украшение воланами, манжетами, драпировками и плиссировками из тюля, цветами, перьями, кружевами и т.д. Впрочем, к концу XIX века женщины высших сословий смиряются и начинают носить деловые костюмы. В целом женская одежда становится проще, с меньшим числом деталей (но внимание переключается на аксессуары, чрезвычайно украшенные веера, заколки для волос, шляпки с брошами и цветами и т.д.).

Рисунок 3

Рисунок 4

Свою индивидуальность многие дворяне проявляли в стиле «а-ля рус»: женщины носили очень простые, без дополнительных деталей платья; турнюр заменялся бантом или небольшой драпировкой; в моду входят павло-посадские платки. «Сам император Александр III был убежденным славянофилом и проводил в жизнь псевдорусский стиль» [4. С. 27]. Многие дворяне носили льняные платья с фартуками, отделанные суровым кружевом, как бы показывая свое нежелание что-либо менять: император Николай II и его семья, вслед за Александром III, были любителями традиционных русских нарядов (рис. 5). Одним из известных коллекционеров русских народных костюмов была Н.Л. Шабельская, жена крупного землевладельца: она была не просто коллекционером костюма, а коллекционером технологии и ремесла, собирала вышивку, изделия мастериц со всей России; создавала школы для девушек по кройке и шитью, где они учились шить, как мастерицы прошлого [18]. Она собрала крупную коллекцию, однако совмещать правильно элементы народной одежды не умела, поэтому нельзя назвать воспроизводимый ею стиль русским, в нем присутствовали и подлинные элементы русского костюма былых эпох, и стилизованные (рис. 6). У дворян сохранялись различные платья: праздничные (выходные), повседневные, позже появился деловой костюм — каждое платье отличалось особыми функциями (наиболее неудобными были бальные платья 1860-х годов с огромными кринолинами, в них девушки были похожи и передвигались, как «облака»).

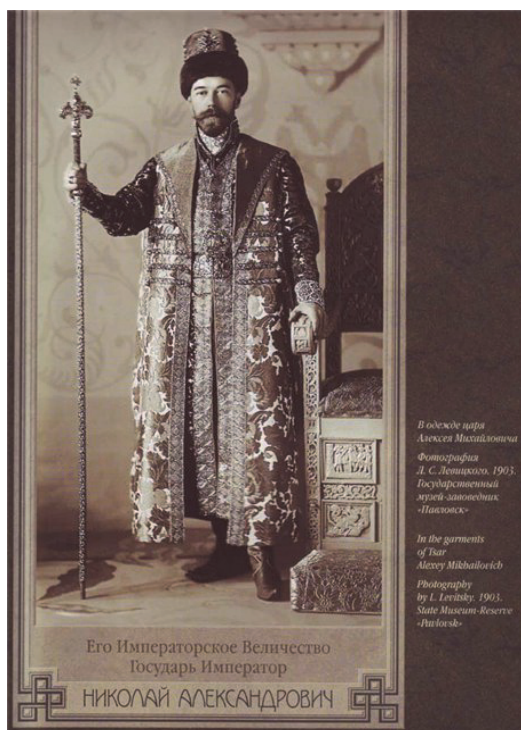

Рисунок 5
(на костюмированном балу)

Рисунок 6

Со временем коды сословных разграничений постепенно становятся менее заметными вследствие распространения общеевропейского костюма в ходе урбанизации и ослабления влияния традиций. Долгое время модный светский костюм демонстрировал высокий социальный статус и уровень свободы его носителя (дворяне). Однако во второй половине XIX — начале XX века светская мода распространяется и среди представителей других сословий. В частности, изменяется купеческая одежда, в которой начинают проявляться коды «европейского» костюма. В целом прослеживается тенденция движения к более простому, комфортному покрою платья и демонстрации своей образованности (профессиональной принадлежности). Так, деловой костюм, аналогичный английскому, становится выходным костюмом-тройкой, в 1860-х годах сюртук был заменен пиджаком, который ранее был частью охотничьего костюма, пиджак вместе с брюками и жилетом создаются теперь из одной ткани.

Купечество также не сразу принимает внесословный костюм. В пореформенную Россию он приобретает «смешанный» вид, соединяя европейские и национальные (старокупеческие) элементы (салоны, поддевки, косоворотки, сапоги). Как пишет ряд авторов, «дремучие» губернские торговцы и фабриканты, особенно из староверов, рядились мужиками — ситцевые рубахи-косоворотки, перепоясанные пестрыми кушаками, широкие шаровары, заправленные в разухабистые жирные скрипучие сапоги со многими складками, поверх рубах — поддевки-безрукавки из шерсти, но чаще из рыхлого восточного бархата с толстой цепочкой карманных часов [24]. Постепенно купеческое платье разделяется на «немецкое» и «русское», что объясняется ростом числа купцов не только из крестьян, но и из дворян, решивших заняться коммерцией. Современники часто критиковали купчих, предпочитающих «русский стиль», в излишней «бохатости» нарядов: они носили чрезмерное количество бус, колец; предпочитали слишком яркие сочетания цветов (рис. 7); у «русских» купцов кодами статусности были меховые шапки, карманные часы на цепочке, чуйки, бороды, поскольку для них принятие общеевропейского костюма означало потерю своего положения, отказ от демонстрации своего статуса, что воспринималось «закрепощением», а не «освобождением» [24].

В городах купцы чаще старались одеваться в европейском стиле (рис. 8). Н.А. Варенцов ярко описал подобные примеры: «Продажей хлопка занимался я, но для продажи других товаров, как-то: шелка-сырца, сырнока, шерсти, кожи, каракуля — был бухарец Хусейн Шагазиев. Вид у него был щеголеватый: в галстучке булавка с большим бриллиантом, на указательном пальце перстень с таким же бриллиантом, на жилете висела толстая золотая цепочка с брелоками» [6]. Сословную принадлежность выдавали детали — слишком толстые цепочки и здоровенные карманные часы, дородные перстни, крепко сидящие на толстых пальцах, галстучные булавки невообразимых размеров, купцы своеобразно использовали европейские элементы одежды: «Ходили обыкновенно пить шампанское в винный погребок Богатырева, близ Биржи, на Карунинской площади. Прежде всего, Королев (Михаил Леонтьевич, московский городской голова) ставил на стол свою шляпу-цилиндр, затем начинали пить, и пили до тех пор, пока шляпа не наполнялась пробками от шампанского; тогда только кончали и расходились» [5. С. 16]. Купец

Веретенников быстро разбогател за счет наследства своего родителя, который рано умер, и подчеркивал свой достаток белым цветом: его костюмы, обувь, головные уборы — все было белым. Он носил только белые трости и галстуки, ездил кататься по купеческой Москве на отличной паре искристо белых лошадей, управляемой молодым кучером во всем белом. Обеспеченность в тот период приравнивалась к свободе.

Рисунок 7

Рисунок 8

Несомненно, существовали различия в принятии европейского костюма купечеством в зависимости от возраста и места проживания. В глубинке молодежь старалась одеваться на «парижский манер», но пожилые дамы предпочитали облачаться в исконно купеческий костюм: «Прежде все купчихи носили юбки и кофты, а на головах платки; платки были парчевые, глазетовые, тканые, с золотыми каймами, шитые золотом, битью, канителью; бывали платки по сто пятидесяти рублей; дома носили в достаточных и бедных домах бумажные вязаные колпаки. Ныне все молодые женщины, купчихи, одеваются точно так же, как и в столице. Кто придет прямо из Москвы или Петербурга, тот мало заметит разницы в одежде» [24]. Таким образом, достаточно продолжительное время «русский» и «немецкий» купеческий костюм сосуществуют, после чего происходит постепенное расширение сферы применения первого. Полный отказ от бывшего платья происходит лишь после смены поколений и превращения купцов в новорусских предпринимателей (как у прочих сословий для женщин был характерен более медленный отказ от бывшего костюма).

Несомненно, прослеживались различия и в одежде жителей разных городов. Так, например, москвичи одевались несколько иначе, чем жители Петербурга: «...ядро коренного московского народонаселения составляет купечество», которое

опирается па такое «многочисленнейшее сословие, как мещанство»; костюм этих сословий представлял собой «...дикое смешение русской одежды с европейскою» [17]. В XVIII—XIX веках Москва стала центром текстильной промышленности, где изготавливались все виды тканей на любой вкус и кошелек: хлопчатобумажные, льняные, шерстяные, шелковые и др., что позволяло городскому жителю проявить свою индивидуальность. Москвички того времени одевались пестро благодаря большому выбору тканей и мануфактурных изделий. Городской костюм включал богато украшенные вышивкой детали, колористическое богатство и разнообразие технических приемов, некоторые из которых были связаны с народным декоративным искусством и причудливо сочетались богатыми слоями особенно во второй половине XIX века (просвещенное купечество, предприниматели, промышленники, фабриканты, коммерсанты, биржевики и др.).

Что касается крестьянского костюма, то его, в первую очередь, определяло то, что жили крестьяне очень бедно, однако и на их костюме сказалось европейское влияние, особенно после 1860-х годов (рис. 9). Яркие национальные костюмы сохранили в основном зажиточные крестьяне, которые облачались в них по большим праздникам, а каждый день носили одежду европейского покроя. Зажиточные крестьяне могли себе позволить дорогие ткани (сатин и шелк) и «обуржуазиться» в костюме: мужчины сменили порты на брюки в городском стиле, стали носить высокие сапоги, заправляя туда брюки гармошкой; кафтаны и армяки были сменены на пиджаки (двубортные были кодом большей статусности и стоили дороже). Женщины стали носить кофточка, «польты» и шубки, а также зонтики и галоши: «...их одежда состояла из ситцевого платья, поверх которого они надевали нечто вроде кофты-пальто, доходившей до середины бедра, на голове — цветастые платки, завязанные под подбородком. Женщины помоложе носили чулки и башмаки, старухи, пренебрегая этой данью западной моде, по-мужицки обувались в грубые смазные сапоги» [24].

Рисунок 9

Помимо распространения европейского костюма формируется и особый костюм внесословных субкультур, чей внешний облик содержит коды оппозиции к самодержавию, сословному делению и дворянской идеологии. Как правило, выделяют две такие субкультуры — разночинная европейски ориентированная молодежь, настроенная демократически и оппозиционно к власти, и славянофилы. Обе группы стремились к упрощению городского костюма, предпочитали простой покрой, часто нарочито копировали народную крестьянскую одежду («под мужика» и «под сарафан»), хотя у славянофилов стиль «а-ля рус» состоял из элементов традиционного наряда представителей высоких сословий, а одежда разночинцев ориентировалась на низкие сословия. Поражение России в Крымской войне (1853—1856) стало толчком к росту националистических настроений и, в частности, к ношению национальной одежды. Многие студенты облачались в одежду, которая ранее могла бы считаться традиционно-нормальной для крестьян, а теперь содержала в себе коды протеста и стремления к новому уровню свободы. Демонстративный демократизм студенческого костюма усиливался нарочитой неопрятностью, воспринимался не только как вызывающий, но и как маскарадный, причем особенно возмущали публику длинные волосы [14. С. 207].

Безусловно, возраст влияет на усвоение и принятие кодов свободы в одежде. Молодость — не только время интериоризации и подчинения доминирующим культурным кодам, но и пространство эксперимента, переопределения заданных или сопротивления/избегания навязываемых практик общения с телом и костюмом. Среди студентов существовало разделение на «аристократов» и «демократов» по внешнему виду: «аристократы» носили аккуратную одежду с иголки, сюртук на белой подкладке, высокие накрахмаленные воротники; «белоподкладочники» были основой студенческой группировки «академистов», главным лозунгом которых был «Университет для науки, в нем нет места для политики».

Таким образом, в рассматриваемый исторический период в российском обществе «сверху вниз» начинает распространяться мода на европейский костюм, однако в силу интенсификации урбанизации в пореформенный период трансформация сословной структуры общества наиболее ярко просматривается в костюме средних и низших слоев. В целом коды свободы и закрепощения распределяются между социальными слоями неравномерно, в том числе и в рамках каждого отдельного сословия, поэтому можно говорить о следующих тенденциях: чем выше социальное положение индивида (в том числе внутри сословия), тем медленнее происходит трансформация костюма в направлении общего идеала эпохи (идеала свободного индивида); медленнее всего меняется костюм женщин высокого положения — по сравнению с мужским костюмом, а также платьем женщин из более низких социальных слоев; изменения в костюме начинаются раньше социальных и политических потрясений; несмотря на распространение внесословного костюма европейского типа, коды социальных различий сохраняются и легко считываются (ткань, отделка, аксессуары, детали, украшения, приближенность к моде); широкие возможности самовыражения в одежде формируются вместе с усреднением экономических возможностей представителей разных социальных слоев; тем

не менее, сохраняются коды «закрепощения», хотя нередко в нарочито-демонстративной форме (небрежная и бедная одежда у людей, которые могут позволить себе более качественную одежду) или вынужденно (бедная одежда из дешевых тканей у людей из достаточно высокого социального слоя, которые не могут себе позволить хорошую одежду, в отличие от, например, зажиточного крестьянина). В целом несоответствие декларативных свобод реальным возможностям, но расширение прав обуславливают бурный рост числа и разнообразия кодов свободы в российском повседневном костюме, что свидетельствует об общем переходе разных социальных групп от традиционных к новым представлениям и структурам, связанным с развитием капиталистического и гражданского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Арон Р. Эссе о свободах: «Универсальной и единственной формулы свободы не существует» // Политические исследования. 1996. № 1.
- [2] Балязин В. Неофициальная история России. Последний император. М., 2007.
- [3] Бергер П.Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. М., 1996.
- [4] Боханов А.Н. Александр III. М., 1998.
- [5] Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 1991.
- [6] Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 2011.
- [7] Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002.
- [8] Ворошилова С.В. Правовое положение замужней женщины в России XIX в. // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 3.
- [9] Ворошилова С.В. Правовое положение женщин в России (XIX — начало XX вв.) // Правовая культура. 2011. № 1.
- [10] Гвоздецкий В.Л. Индустриальное развитие Российской империи (1861—1917 гг.). М., 1988.
- [11] Дамские моды XIX века. Историко-художественная монография о женских нравах и вкусах. СПб., 1899.
- [12] Захарова Л., Эклоф Б., Бушнелл Дж. Великие реформы в России. 1856—1874. М., 1992.
- [13] Иванов П.И. Обзорение прав и обязанностей российского купечества и вообще всего среднего сословия. М., 2005.
- [14] Куприянов А. Дурацкие костюмы. Студенты, мода и национальная идентичность // Родина. 2009. № 1.
- [15] Рождественский С.В. Исторический очерк деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1909.
- [16] Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Т. 11. Л.—М., 1926—1928.
- [17] Русский городской костюм в России XVII — начала XX века // <http://iamruss.ru/russkij-gorodskoj-kostyum-v-rossii-xvii-nachala-xx-veka>.
- [18] Симонова М. Лекции. По следам «Русских Сезонов» в Томске: «Петушиный стиль», нарядные кормилицы и тайна коллекции Шабельской // <http://obzor.westsib.ru/article/471628>.
- [19] Троцук И.В., Морозова А.В. Дарение цветов: особенности ритуализированной практики в современном обществе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 1.
- [20] Троцук И.В., Морозова А.В. Одежда как индикатор степени свободы и социально-экономического состояния общества // Теория и практика общественного развития. 2016. № 11.
- [21] Троцук И.В., Морозова А.В. Социальные функции одежды: костюм как предмет социологического интереса // Обсерватория культуры. 2015. № 2.
- [22] Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995.

- [23] *Холландер Э.* Взгляд сквозь одежду. М., 2015.
- [24] *Хорошилова О.* Костюм и мода Российской империи. Эпоха Александра II и Александра III. М., 2015.
- [25] *Чибириев С.А.* История государства и права России. М., 1998.
- [26] *Шабанова М.А.* Социология свободы: Трансформирующееся общество. М., 2000.
- [27] *Шапиро Б.Л.* Городской костюм в контексте культуры пореформенной России: Автореф. к.и.н. М., 2014.
- [28] *Шульгин В.С., Кошман Л.В., Сысоева Е.К., Зезина М.Р.* История русской культуры IX—XX вв. М., 2004.
- [29] *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 2004.
- [30] *Яблочков М.Т., Лакиер А.Б., Петров П.Н.* История русского дворянства. М., 2009.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-592-612

THE IMAGE OF A FREE MAN IN THE RUSSIAN SOCIETY IN THE MIDDLE OF THE XIX — EARLY XX CENTURY: SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE COSTUME*

A.V. Pankova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198
(e-mail: anjanstja@rambler.ru)

Abstract. The article considers the possibilities of the sociological analysis of freedom by decoding meanings hidden in various elements of clothing. The author admits that it is extremely difficult to work with the concept of freedom in sociology due to both its elusiveness (empirical indicators are unclear and ambiguous) and universality (everyone has his own idea of freedom and ways to define it). The author does not claim to develop a model of the sociological evaluation of freedom through its external manifestations in the costume — just to outline the general sociological reasoning on the issue. First, the article considers some common interpretations of relations between freedom and causality, approaches to the study of freedom (its external and internal projections), analytical 'optics' to reveal the ways of self-expression in clothing (emphasis is made on the value-activity approach), and 'elements' of freedom (possibilities and limitations, liberation and enslavement as coded in the corresponding clothing systems). The main part of the article considers the embodiment of these elements reflecting a certain degree of individual/collective freedom in the Russian costume in 1861—1905, in the so-called 'post-reform period' that provided some opportunities for the democratization of society and its capitalist development. The author underlines the social-political differences of two stages: the eve of bourgeois reforms and first years after the abolition of serfdom; and the 1880s and beyond. The article focuses on the specific changes of the costume in the Russian society in general (for example, adoption and adaptation of the European urban costume) and in different (urban) strata (petty bourgeois, nobility, merchants, etc.) including generational, gender and other features of costume transformations.

Key words: freedom; clothing; codes; decoding; value-activity approach; Russian society in the post-reform period; trends of the urban costume transformations

* A.V. Pankova, 2017.

REFERENCES

- [1] Aron R. Esse o svobodah [An essay on freedom]: “Universal'noj i edinstvennoj formuly svobody ne suschestvuet”. *Politicheskie issledovanija*. 1996; 1 (In Russ.).
- [2] Baljazin V. *Neoficialnaja istorija Rossii. Poslednij imperator* [Unofficial History of Russia. The Last Emperor]. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [3] Berger P.L. *Priglasenie v sociologiju: Gumanisticheskaja perspektiva* [Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective]. Moscow; 1996 (In Russ.).
- [4] Bohanov A.N. *Aleksander III*. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [5] Buryshkin P.A. *Moskva kupecheskaja* [Merchant Moscow]. Moscow; 1991 (In Russ.).
- [6] Varentsov N.A. *Slyshannoe. Vidennoe. Peredumannoe. Perezhitoe* [What Was Heard, Seen, Thought About and Lived Through]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [7] Wirtshafter E.K. *Social'nye struktury: raznochincy v Rossijskoj imperii* [Social Structures: Commons in the Russian Empire]. Moscow; 2002 (In Russ.).
- [8] Voroshilova S.V. Pravovoe polozhenie zamuzhnej zhenshhiny v Rossii XIX v. [The legal status of a married woman in Russia in the XIX century]. *Pravovaja politika i pravovaja zhizn'*. 2010; 3 (In Russ.).
- [9] Voroshilova S.V. Pravovoe polozhenie zhenshhin v Rossii (XIX — nachalo XX vv.) [The legal status of women in Russia (XIX — early XX century)]. *Pravovaja kul'tura*. 2011; 1 (In Russ.).
- [10] Gvozdet'skij V.L. *Industrial'noe razvitie Rossijskoj imperii (1861—1917 gg.)* [Industrial Development of the Russian Empire (1861—1917)]. Moscow; 1988 (In Russ.).
- [11] *Damskie mody XIX veka. Istoriko-hudozhestvennaja monografija o zhenskikh nrvah i vkusah* [Ladies' Fashion of the XIX Century. Historical-Artistic Monograph on Women's Manners and Tastes]. Saint Petersburg; 1899 (In Russ.).
- [12] Zakharova L., Eklof B., Bushnell J. *Velikie reformy v Rossii. 1856—1874* [Russia's Great Reforms, 1856—1874]. Moscow; 1992 (In Russ.).
- [13] Ivanov P.I. *Obozrenie prav i objazannostej rossijskogo kupechestva i voobshhe vsego srednego soslovija* [A Review of the Rights and Duties of the Russian Merchants and of the Entire Middle Class in General]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [14] Kuprijanov A. Durackie kostjummy. Studenty, moda i nacional'naja identichnost' [Stupid costumes. Students, fashion, and national identity]. *Rodina*. 2009; 1 (In Russ.).
- [15] Rozhdestvenskij S.V. *Istoricheskij ocherk dejatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshhenija* [A Historical Essay on the Activities of the Ministry of Public Education]. Saint Petersburg; 1909 (In Russ.).
- [16] Rozhkov N. *Russkaja istorija v sravnitel'no-istoricheskom osveshhenii (osnovy social'noj dinamiki)* [Russian History in the Comparative-Historical Perspective (Foundations of Social Dynamics)]. Vol. 11. Leningrad—Moscow; 1926—1928 (In Russ.).
- [17] Russkij gorodskoj kostjum v Rossii XVII — nachala XX veka [Russian city costume in XVII — early XX century]. URL: <http://iamruss.ru/russkij-gorodskoj-kostyum-v-rossii-xvii-nachala-xx-veka> (In Russ.).
- [18] Simonova M. Lekcii. Po sledam «Russkih Sezonov» v Tomske: «Petushinyj stil'», narjadnye kormilicy i tajna kollekcii Shabel'skoj [Lectures. Following the “Russian Seasons” in Tomsk: “Cockish style”, smart foster-mothers, and the secret of Shabel'skaja's collection] // <http://obzor.westsib.ru/article/471628> (In Russ.).
- [19] Trotsuk I.V., Morozova A.V. Darenie cvetov: osobennosti ritualizirovannoj praktiki v sovremenom obshhestve [Giving flowers as a gift: A ritualized practice in the contemporary society]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2017; XX (1) (In Russ.).
- [20] Trotsuk I.V., Morozova A.V. Odezhda kak indikator stepeni svobody i social'no-ekonomicheskogo sostojanija obshhestva [Costume as an indicator of the degree of freedom and social-economic situation]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya*. 2016; 11 (In Russ.).

- [21] Trotsuk I.V., Morozova A.V. Social'nye funkicii odezhdy: kostjum kak predmet sociologičeskogo interesa [Social functions of clothing: Garments as an object of sociological interest]. *Observatorija kul'tury*. 2015; 2 (In Russ.).
- [22] Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape From Freedom]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [23] Hollander A. *Vzgljad skvoz' odezhdu* [Seeing Through Clothes]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [24] Khoroshilova O. *Kostjum i moda Rossijskoj imperii. Epoha Aleksandra II i Aleksandra III* [Costume and Fashion of the Russian Empire. The Epoch of Alexander II and Alexander III]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [25] Chibirjaev S.A. *Istorija gosudarstva i prava Rossii* [History of the State and Law of Russia]. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [26] Shabanova M.A. *Sociologija svobody: Transformirujuscheesja obshhestvo* [Sociology of Freedom: A Transforming Society]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [27] Shapiro B.L. *Gorodskoj kostjum v kontekste kul'tury poreformennoj Rossii* [City Costume in the Post-Reform Russian Culture]: Avtoref. k.i.n. Moscow; 2014 (In Russ.).
- [28] Shulgin V.S., Koshman L.V., Sysoeva E.K., Zezina M.R. *Istorija russkoj kul'tury IX—XX vv.* [History of Russian Culture in IX—XX Centuries]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [29] Eko U. *Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju* [The Absent Structure]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [30] Yablochkov M.T., Lakier A.B., Petrov P.N. *Istorija russkogo dvorjanstva* [History of Russian Nobility]. Moscow; 2009 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-613-627

ССОРА КАК «МОДЕЛЬ» ПОВСЕДНЕВНОСТИ: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СЕЛЬСКОЙ РОССИИ В ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Кушкова А.Н. КРЕСТЬЯНСКАЯ ССОРА:
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ДЕРЕВЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ПО МАТЕРИАЛАМ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА
XX ВЕКА. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2016. 318 с.**

«...Наша жизнь представляет собой паутину связей: с родственниками, коллегами, компаньонами, друзьями, начальниками, подчиненными. Мы хоть и мизантропы, не можем жить друг без друга».

М. Ридли

В последние годы в российской научной и публицистической литературе появилось немало работ о «менталитете»: как правило, за этим неоднозначным понятием (одни исследователи его категорически отвергают как пустое и идеологизированное, другие, наоборот, считают обобщающей характеристикой «духа народа», обуславливающего невероятное число особенностей прошлого и настоящего) скрывается попытка объяснить множество сложных событий действительности наличием некоего свода «законов», воздействие которых на социальные практики этнического (или иного) сообщества столь же сильно, как генетическая детерминированность множества индивидуальных черт. Подвергать критике или сомнениям понятие менталитета и возводимые на его основе концептуальные построения вряд ли имеет смысл — более оправданным для социологического изучения повседневности представляется использование иной аналитической «оптики»: историческая и социокультурная реконструкция повседневности в различные исторические периоды и в разной тематической фокусировке. Работа А.Н. Кушковой «Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности» — прекрасный пример подобного подхода: автор исследует российскую крестьянскую культуру второй половины XIX — начала XX века, рассматривая социальные отношения в крестьянском быту на примере деревенской ссоры и опираясь на огромный массив этнографических материалов, в том числе на малоизвестные тексты из архивов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (его деятельность внесла важный вклад в становление качественного подхода в российской социологии) и периодической печати.

* © Троцук И.В., 2017.

Книга включает в себя, помимо обязательных формальных разделов (введения и заключения), шесть глав и приложение, в котором представлены реальные документы (оригинальные тексты) информантов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева из собрания Российского этнографического музея. С первых же страниц читатель понимает, что держит в руках работу ответственного, скрупулезного и талантливого исследователя, которому увлеченность своей темой не мешает придерживаться систематического и категориально выверенного изложения материала.

Предваряя основное содержание книги, автор предлагает свою трактовку ссоры — это «особый тип взаимодействия людей в условиях повседневности», конфликтное «столкновение онтологически и/или ситуационно противопоставленных принципов, которое выражается в тех или иных формах в зависимости от контекста» (с. 7), сразу оговаривая, какие виды социального взаимодействия остались за рамками рассмотрения (деревенские драки, кулачные бои, словесные поединки, свадебные перепалки и прочие проявления ритуальных противостояний), что «ссора отделяется от многочисленных сопровождающих ее конфликтных практик и (полу-)криминальных видов взаимодействия, которые часто включены в сценарий конфликтной ситуации (драки, побои, сквернословие, пьянство, воровство, убийства, поджоги, различные формы бытовой мести и пр.)» (с. 8), что в работе не анализируются ссоры мифологических персонажей в разных фольклорных жанрах, но представлены лингвистические модели концептуализации ссоры (четкие границы своего предметного поля автор продолжает выстраивать на протяжении всей книги, например, уточняя в третьей главе, что не рассматривает отношения между деревнями, потому что они лишь условно подходят под категорию ссоры, а в четвертой главе — что традиция осмысления ссоры как одного из видов греха слишком обширна, чтобы и ее рассмотреть в книге). Цель автора — «предложить процессуальную модель описания повседневной деревенской ссоры» за рамками характерного для отечественной науки нормативного подхода, основанного на понятии институциональных структур/правил и трактовке ссоры «как девиации, аномалии, вряд ли способной претендовать на статус самостоятельной научной проблемы» (с. 9).

Ссора выступает в книге как «социальная практика, не только отражающая структурно-институциональную основу социума, в котором она происходит, но и являющаяся одним из механизмов ее изменения» (с. 10). Автора интересует, как специфика крестьянской культуры обуславливала появление и поддерживала функционирование различных практик регулирования конфликтов, которые в совокупности составляли обыденное право, т.е. сферу неправового или квазиправового (неформального) взаимодействия. В книге решаются три основные задачи: показана роль ссоры в функционировании таких крестьянских институтов, как семья и община; обозначены возможности анализа ссоры как «текста» (конвенции построения, ведения и связи с коллективными представлениями); рассмотрена система деревенского примирения (ее институциональные, правовые и неформальные аспекты). Автор привлекает обширный этнографический материал, обозначая его географические границы (центральные и северо-западные губернии России, частично украинские и белорусские кейсы), хронологические рамки — обусловлен-

ные наличием систематического этнографического материала (с реформы 1861 года и усиления модернизационных процессов в начале XX века) и «стратификационные» ограничения (не учитывается конфессиональная, профессиональная и этнокультурная дифференциация сельского населения). В методологическом плане автор также предельно честен: оговаривает и свою принципиальную ориентацию на многоуровневый анализ (ссора рассматривается и на уровне крестьянского семейного быта, и на общедеревенском уровне, внутри каждого из «измерений» выстраиваются «типологии», скажем, типы крестьянских семейных разделов в зависимости от степени их конфликтности, типы соседских ссор с учетом их зависимости от структуры публичного деревенского пространства и т.д.), и неизбежные ограничения любой аналитической оптики, в том числе его собственной: «для современных исследователей крестьянское сообщество XIX века [признаемся честно, и нынешние сельские сообщества], несомненно, является конструктом, и связано это не только с доступностью тех или иных текстовых и материальных свидетельств о нем, но и с тем, что сами ученые хотят увидеть в этих свидетельствах» (с. 15).

В первой главе «Крестьянская ссора: историко-этнографическая перспектива» автор «формирует проблемное поле как таковое, показывая значимость ссоры как вида социального взаимодействия для других, признанных в научном дискурсе проблем» (с. 19). Определенное игнорирование ссоры отечественной традицией автор объясняет двумя причинами: во-первых, повседневность, особенно исторически дистанцированная, всегда уступала приоритет более значимым или событийным аспектам культуры, поэтому как отдельная область концептуально оформилась недавно, во второй половине XX века; во-вторых, в восприятии ссоры в общекультурном и научном смысле долгое время доминировала ее трактовка как патологии, отклонения или нарушения нормативных моделей социального взаимодействия: «ссора не имела права на существование» (с. 20) или дискредитировалась, как прочие «нестроения» сельской жизни, посредством преувеличения ее негативных последствий (с. 21).

Третья проблема, связанная с исследованием крестьянской повседневности, состояла в том, что «авторами абсолютного большинства имеющихся в нашем распоряжении текстов о крестьянах были в основном представители других сословий — дворянства, мещанства, духовенства. Свидетельств, оставленных самими крестьянами, чрезвычайно мало. ...Тексты, написанные некрестьянами, в той или иной мере эксплицируют смыслы, внешние по отношению к крестьянской культуре» (с. 23). Однако «образованная публика часто была уверена в доступности крестьянского быта для наблюдения и осмысления извне: „Вся беда заключается в том, что всякий «народолюбец» считает себя чуть ли не полным и всесторонним «народоведом“». Несостоятельность подобной позиции проявляется по меньшей мере в отношении особенностей поля исследования вообще (т.е. специфики общения с крестьянами) и в том, что касается характера ссоры как культурно закрытого типа взаимодействия. Культурная дистанция между крестьянами и теми, кто их изучал, вряд ли могла обеспечивать адекватную коммуникацию; ...многие собиратели оставались в неведении относительно того, насколько могла быть далека от реальности та картина, которую им рисовали крестьяне... Ссора представляет

собой взаимодействие, в отношении которого существовал и существует имплицитный запрет на пересказ внешнему наблюдателю („Не выноси сор...“)» (с. 24—25).

В первой главе автор характеризует несколько групп «текстов различного происхождения, жанровой принадлежности и прагматики», которые затрагивают разные аспекты крестьянской ссоры и потому легли в основу исследования: этнографические описания главного ритуала жизненного цикла — свадьбы, но не столько самого свадебного ритуала, сколько мотивов брачного выбора невесты (в частности, от величины семьи жениха зависели внутрисемейные конфликты); заметки в периодической печати — событийного типа с минимальным контекстом, которые иллюстрируют подробные описания из других источников; литература о крестьянских разделах (статистические источники, материалы правительственных комиссий, изучавших принципы народного судопроизводства и пр.), включая «чиновничью этнографию» — «как правило, очерки волостного судопроизводства, описания отношений крестьян между собой и восприятия ими власти и закона, крестьянских представлений о суде и справедливости» (с. 35); обширная литература по обычному праву, «правовой области народной культуры, отличной от формального кодифицированного права» (с. 37); «небольшая группа текстов, которую можно назвать художественной этнографией — авторские произведения (очерки, заметки, повести) о жизни деревни конца XIX — начала XX века, представляющие беллетризованную форму этнографического описания» (с. 42); церковно-популярные поучения и толкования, поддерживавшие стереотипные представления о крестьянах и отличающиеся «общей нравоучительной топикой»; «языковые данные — примеры из словарей В.И. Даля и словаря русских народных говоров» (например, подтверждающие, что «поедание», «пожирание» — одни из наиболее распространенных метафор ссоры, скажем, «невестка заедает лишний хлеб, не свой кусок»).

Автор сочетает «прескриптивные и дескриптивные источники»: в первом случае имеются в виду разнообразные официальные документы, регулирующие социальные отношения в деревне; во втором — архивные материалы, в первую очередь князя В.Н. Тенишева, который «впервые выделил повседневную ссору в самостоятельную исследовательскую категорию, поместив в анкете бюро две группы вопросов: „Ссоры и драки между крестьянами“ и „Ссоры в домашнем быту“» (с. 41) (цитируется более 70 дел тенишевского архива). Кроме того, автору «очень близок тезис о том, что „вербальные констелляции“ и „перечни слов, употребляемые в ту или иную эпоху“, помогают выявить „главные сочетания коллективного сознания“ как эпохи в целом, так и какой-либо социальной группы людей, живших в эту эпоху... Языковые данные помогают лучше понять различные ссоры как способ взаимодействия, особенно в случаях очевидной эксплицированности внутренней формы обозначающих ее слов и метафор» (с. 50). Поэтому в книге представлены большие оригинальные цитаты, позволяющие увидеть лексические средства крестьянской ссоры.

Вторая глава «Семейная ссора в жизненном цикле крестьянской семьи: структура и взаимодействие» — наиболее методологически фундирована, в ней автор обосновывает свой подход к изучению ссоры: посредством анализа «базовой

структуры социальных отношений в деревне, выделив области повышенной конфликтности и попытавшись дать объяснение не столько поводов, сколько глубинных причин ссор, т.е. задача — сопоставление структурного и поведенческого уровней взаимодействия, в первую очередь с точки зрения того, какое влияние оказывала динамика структурных процессов крестьянского социума на происходящие в нем конфликты» (с. 53). Сначала автор рассматривает семью и семейные ссоры (сфера частного и закрытого), затем переходит к соседскому, или общедеревенскому, пространству, в обоих случаях работая с оппозициями «частное—публичное», или «закрытое—открытое». Событием, которое смыкает два «пространства», выступает ритуал середины жизненного цикла — свадьба, сопровождаемая приходом в дом невестки: «в послесвадебный период, когда проходило становление молодых в новом качестве, они находились под особым вниманием со стороны деревенского социума... „Первый год — да с перьем в рот. Если в первый год супружества молодая чета заслуживает худую молву“, что было не так уж сложно, поскольку «жизнь в больших крестьянских семьях бывает часто истинным адом... особенно бабы едма едят друг дружку» (с. 59).

Хотя автор отмечает наличие устойчивого стереотипа, связывающего женщину и ссору, речь идет о том, что «пространство крестьянской семьи... было иерархичным, строилось по принципу строгого подчинения... В рамках такой достаточно жестко заданной структуры конфликт возникает тогда, когда статусы участников взаимодействия либо не до конца им ясны, либо когда кто-нибудь из них сознательно выходит за рамки приписанного ему/ей статуса... Схватки за обладание властью в семье могли происходить только в том случае, если статусы их участников были сопоставимы друг с другом и если каждый из них потенциально мог претендовать на более высокий статус (...ссоры за обладание определенным набором преимуществ в домашнем хозяйстве велись в основном либо между снохами, либо между братьями)» (с. 63—64). Главной опасностью семейных ссор была их «тенденция развиваться по типу цепной реакции: начавшись как ссора между снохой и свекровью или несколько снохами, они постепенно превращались в ссоры общесемейные... “дело обыкновенно кончается дракой всеобщей, т.е. дерутся и женщины, и мужья, и их дети”» (с. 62). Иными словами, одна из важнейших функций ссоры — «экспликация несоответствия поведенческого и статусного, т.е. она выступает как метапроцедура по отношению к структуре отношений и взаимодействия группы людей, статусы которых взаимно определены» (с. 64). В частности, многочисленными были ссоры относительно имущества, поскольку наследование и семейные разделы были целиком отданы в раздел обычного права (в общеимперском законе в конце XIX века не существовало категории семейной собственности): «семья обладала общими материальными ресурсами, у каждого из ее членов были определенные права на их использование, но несогласие членов семьи, кто на сколько может претендовать в соответствии со своим статусом и семейным положением, а также представления каждого о своем статусе и положении (например, наиболее частой причиной ссор между женщинами было именно то, кто должен делать ту или иную общую семейную работу или работать „не в очередь“) порождали многочисленные семейные ссоры» (с. 67).

Безусловно, речь не идет о гиперконфликтности крестьянской семьи как таковой — ссоры чаще всего происходили из-за бедности, «материальной скудости, необеспеченности, заставляющей крестьян считаться между собой всякою безделицей, всяким куском и грошом» (с. 75): «хлебушка хватать не стало, перемолвочка стала». «Суть упреков сводится к тому, что каждый из участников той или иной ситуации превысил причитающуюся ему долю, прихватил себе из общей доли семьи. Чем меньше эта доля, чем беднее семья, тем сложнее произвести такое распределение, чтобы удовлетворить всех... Впрочем, ...ссорятся и там, где „денег курсы не клюют“, и где „с жиру бесятся“: ...в таких случаях также возникают проблемы с распределением доли, причем, в принципе, такого же характера» (с. 76).

Особым видом ссор были супружеские конфликты — от «прочки» до развода (расхода), среди которых наиболее значимыми автор считает следующие ситуации: мужья выгоняли жен из дома (необязательно в связи с конфликтом, причины могли быть чисто экономическими — «чтобы не кормить зимою», но «возвратить по весне»); мужья сами уходили из дома, бросая жену (чаще всего в местностях, где был развит отходный промысел); нетрадиционные и нередко курьезные модели разлучения супругов («продажа», «промена», «заклад», «уступка на время»); побег из дома (распространенный женский сценарий); развод (в крестьянской терминологии «расход» — временный или постоянный). Автор подчеркивает, что строго разграничить эти ситуации вряд ли возможно и предлагаемая дифференциация достаточно слаба, однако наиболее значимыми из них являлись побег жены из дома (как правило, семейный конфликт) и развод/расход (причиной обычно была именно ссора мужа и жены).

Ярко-образным и высоко-эксплицитным примером временного удаления члена семьи «от семейно-житейских невзгод» до окончания конфликта была прочка (также называлась и жена, которая сбежала из дома мужа к родственникам или соседям): «прочка была одним из видов „выноса ссора из избы“, в результате чего соседи становились не только свидетелями конфликта, но и нередко непосредственными участниками... В результате подобной экстериоризации ссора, как правило, не прекращалась, но, наоборот, продолжала развиваться дальше, ... „домашний“ цикл ссоры переходил в более публичный, „соседский“» (с. 83). Временный характер прочки определялся тем, что паспорт жена могла получить только с согласия мужа, он также мог удерживать у себя покормежный билет, по которому женщина могла временно работать на фабрике. Инструментов воздействия на мужа у жены не было, потому что «вопрос о том, мог ли кто-либо из членов семьи разрешить или запретить другому ходить куда-либо, не подлежал регулированию со стороны официального закона, но целиком находился в области традиционных норм обычного права» (с. 85).

Полный цикл прочки включал в себя уход и возвращение в семью и по другим причинам: во-первых, «структура крестьянского хозяйствования предполагала совместное участие как мужчин, так и женщин, и прочка... ставила под угрозу экономическое благосостояние, да и само выживание крестьянского двора» (с. 86); во-вторых, за мужем признавалось право требовать ушедшую жену обратно принудительно, по суду, который тем самым якобы восстанавливал нарушенную справедливость (виноватую возвращали в дом мужа); в-третьих, считалось, что убе-

жавшая из дома женщина рано или поздно начинает вести безнравственную жизнь (немаловажным был и аргумент о неприкосновенности освященного церковью брачного союза); в-четвертых, родителей убежавшей жены могли подвергнуть наказанию, от внушения до штрафа и даже розог (но если семья жены имела высокий статус, то она жила в родительском доме желанной гостьей, пока муж-обидчик не забирал ее лично «с повинною»).

Что касается крестьянского расхода, то он отличался от прочки: в случае временного побега жены из дома в суд обычно обращался муж, в ситуации расхода заявление о раздельном жительстве подавала, как правило, жена (развод «крестьяне в шутку называли „бабским учреждением“» — с. 97); расход был изначально менее конфликтной практикой, нередко были добровольные расходы «по согласу» или «по договору», без супружеских или семейных ссор. В конце XVII — начале XVIII века насчитывалось до 26 законных поводов для развода, но к концу XVIII века их число сократилось: доказанное прелюбодеяние, неспособность жить в браке, ссылка в Сибирь с лишением прав, более чем пятилетнее отсутствие без вести, уход в монастырь, близкое родство, т.е. супружеские ссоры вескими причинами для развода не считались. Однако в действительности, судя по этнографическим материалам, «двумя главными причинами развода были именно супружеские несогласия и проблемы в сфере половых отношений — „неспособность“ мужа и „развратное поведение“ жены, и последняя причина даже преобладала над первой». Часто расход мотивировался тем, что «супруги не сошлись характерами ...т.е. для крестьян... становится важна психологическая сторона брака, а следовательно происходит изменение всего комплекса гендерных отношений в деревне» (с. 101).

Сложное отношение крестьян к разводу объяснялось и тем, что его главным следствием, неизбежно провоцировавшим конфликты, было внебрачное сожителство (чаще право завести себе нового брачного партнера признавалось за мужчиной, а разведенная женщина нередко оставалась под контролем бывшего мужа), тогда как «со стороны крестьянского мира даже отношение к официальному браку, если он происходил повторно, было скорее негативным», но при этом общество снисходительно относилось к тем, чья жизнь прежде проходила в постоянных ссорах (с. 103).

К разводу как «средству поправить зло» (семейные раздоры) прибегали только в крайнем случае (когда драки, ссоры и взаимное «пиление» тянулось много лет), домашнее событие расхода выносилось на суд однодеревенцев (суд стариков) и иных инстанций обычного права, поскольку процедура официального развода была сопряжена со значительными финансовыми затратами, и подобные инстанции действовали в пользу примирения, а даже, разрешая развод, могли признать, что он не имеет официального статуса. Автор приходит к выводу, что крестьянам «был свойственен взгляд на брак не только и не столько как на таинство, сколько как на частный вид гражданского договора». Ссора выступала как одна из причин развода, однако «крестьянский развод представлял собой лишь одну из возможных моделей супружеского разделения, включавшего и другие, иногда достаточно неожиданные, практики расхода, а все вместе они составляли оппозицию разводу официальному, часто вообще неизвестному крестьянам» (с. 107).

Остальная часть второй главы посвящена описанию семейных разделов крестьян (с распределением имущества), которые объяснялись не только экономическими факторами (неравное распределение труда и материальных благ), но и ссорами внутри многопоколенческой семьи, хотя семейные разделы могли происходить и без ссор (например, когда старики хотели при жизни устроить своих детей или отец/большак мирно делил имущество между сыновьями), т.е. делиться крестьянские семьи могли «по ссоре и по сугласу / по любкам». Автор выделяет следующие типы разделов, отмечая роль семейной ссоры в каждом из них: отдел/выдел неженатого сына («самый конфликтный тип раздела, часто сопровождающийся ссорой отца и сына и нередко приводящий к длительной вражде разделившихся» — с. 114, поэтому семейная доля недостойного могла быть незначительной, что воспринималось крестьянским миром более спокойно, чем лишение наследства и родительское проклятие); отделение молодой семьи после свадьбы сына по самым разным причинам («как поженятся, сейчас ругаться, ну и делиться»), неповиновение молодых старшим и стремление к своеволию, снохачество молодой невестки и отца мужа); раздел братьев в семьях, где было несколько женатых сыновей (дольщиков), как правило, вследствие неравномерного наделения и/или несправедливого распределения работ между представителями нескольких семей («крестьяне ревностно следили за тем, чтобы вклад членов семей живущих вместе братьев в производство необходимых для общей семьи продуктов был равным, в противном случае начинались ссоры, которые могли кончаться разделом», особенно если члены большой семьи выполняли разные виды работ или в семьях братьев было разное количество работников — с. 124), хотя «на поверхности» в качестве причин крестьяне предпочитали называть «тесноту» жилища и «бабьи споры» (главными виновницами разделов считались женщины — либо невестки и свекровь, либо живущие под одной крышей невестки).

Завершая вторую главу, автор подчеркивает неоднозначность восприятия крестьянских разделов как их участниками, так и внешними наблюдателями: вторые видели в них и угрозу благосостоянию государства (измельчение и обеднение крестьянских хозяйств), и признак нравственного освобождения крестьянства (посредством распада большой семьи на естественные малые группы); крестьяне видели в разделах и «меру к устранению семейных ссор и недоразумений», и наступление худших времен (отход от традиций и веры, порчу нравов). Несомненно то, что «в результате разделов разрушалась структура большой крестьянской семьи, и из нее образовывалось несколько самостоятельных хозяйств. И хотя родственная связь между разделившимися, естественно, не прерывалась, их экономическая независимость делала их во многом схожими просто с соседями, подобно всем остальным жителям деревни» (с. 136—137).

Последующие четыре главы книги расширяют контекстуальные рамки рассмотрения крестьянской ссоры, показывая, как логика ее протекания определялась структурой деревенского пространства, особенностями конфликтной коммуникации в крестьянском мире, гендерными отношениями и традиционными для деревни способами примирения. Так, в третьей главе «Соседская ссора и структура деревенского пространства» автор расширяет понятие соседства до однодеревенцев, т.е. трактует деревню как семью — это «закрытая структура [статусов], взаи-

модействие в которой определяется положением, которое занимает каждый из участников... Соседство включало различные взаимоотношения и в каждом случае предполагало выбор той или иной стратегии поведения, обусловленной статусными, этическими, религиозными и другими нормами. Эта обусловленность проявлялась в отношении ссор как одного из типов соседских отношений и выражалась в представлениях о ее приемлемости или разрешенности, а также сказывалась на длительности ссоры, типах репрезентации конфликтного поведения и способе примирения» (с. 141—142).

Безусловно, ближайшее соседство было более важным, чем остальное деревенское сообщество в силу высокой осведомленности о быте друг друга и связанности взаимными обязательствами, поэтому ссоры с ближайшими соседями (как расширенной семьей) «имели свои особенности в той степени, в какой зависели как от величины информации, которой обладали эти люди друг о друге, включая детали, которые (пока) не известны остальным жителям деревни, так и от степени их зависимости друг от друга в повседневном быту, включая использование общих пространственных ресурсов. С одной стороны, ...в силу интенсивности происходящего обмена структура ближайшего соседства должна быть достаточно резистентной по отношению к возникающим в ней „помехам“, однако, с другой, более детальное знание различных сторон быта друг друга создает дополнительный ресурс для взаимных обвинений и „припоминания“ неблагоприятных подробностей... Иными словами, помимо определенных выгод и преимуществ, пространственная близость сама по себе могла потенциально создавать повышенную конфликтность» (с. 144—145). Вот почему соседские столкновения обычно сводились к мелочным, «патологическим» формам воровства («показалось утром бабе, что, кажись, за ночь дров из поленицы убыло, и она начинает ругать ближайшую соседку ...та, услышав ругань, бросает даже самое неотложное в избе и бежит на улицу, чтобы отчитать соседку за напраслину» — с. 146), нарушению механизма одалживания (невозвращение долга, возвращение не в срок и т.д.), «куриным ссорам» и «козьим потравам». Соседские ссоры очень семиотичны вследствие «несоразмерности объективной, или „вещной“, значимости того, из-за чего они происходят, с теми последствиями, которые при этом возникают», потому что «не дорога лодыга (вещь, предмет), дорога обида: чем мельче реально нанесенный ущерб и чем больший сыр-бор из-за него разгорается, тем сильнее проявляется знаковая, символическая составляющая конфликта» (с. 151). Ситуацию спасала интенсивность соседского обмена, в том числе инвективного, которая требовала скорейшего прекращения ссоры, поэтому нередко после быстрого обмена ругательствами ссора исчерпывалась сама собой, т.е. была максимально «сжатой» и максимально «симметричной» (с. 147).

В третьей главе автор переходит к рассмотрению отношений соседства в целом, чтобы выделить наиболее характерные виды деревенских ссор и наиболее традиционные способы их разрешения и предотвращения в будущем. В качестве регулярных мотивов конфликтов в деревне выступают: очередной передел/раздел мирской земли, или «нарезание земли», необходимость которого диктовалась увеличением числа душ в одних семействах и сокращением в других («когда иному покажется, что его заделили или отвели участок с плохой травой»); плохое со-

держание изгородей, порождающее сомнения в добросовестности отношения к земле; неаккуратность записи «очереди» несения общественных повинностей (нарушался принцип «на всех поравённо»); подозрения сообщества, что отклонения от средней нормы обеспеченности и благополучия крестьянской семьи объясняются вмешательством магических сил (отсюда стремление к уравнительности, по крайней мере, внешней).

Что касается инструментов «регулирования конфликтных отношений в крестьянском социуме — предотвращения возможных ссор в будущем (по преимуществу) и/или прекращения уже начавшихся ссор», то здесь обычно использовались структуры искусственного родства, хотя их задачей было скорее установление взаимоотношений нового типа, чем управление конфликтным взаимодействием. В качестве основных моделей искусственного родства в книге рассмотрены: кумление (в обрядовых текстах подчеркивается запрет на ссору между покумившимися, кумы становились посредниками в ссорах); побратимство (существовало даже «вынужденное» побратимство как инструмент примирения конфликта, который грозил выйти из-под контроля сообщества); более регулярный, чем первые два типа символического родства (кумовство могло быть временным, а побратимство пробным), институт крестных родителей (конфликты между воспитанником и воспитанницей, между ними и родителями ребенка или с крестником считались нарушением культурной нормы, этических и религиозных предписаний); белорусская сядрина (обычай территориального родства между соседями-однодеревенцами). «Общая логика функционирования всех этих институтов состояла в установлении иной дистанции (более близкой) и иного ритма (более интенсивного) взаимоотношений или, в широком смысле, обмена. Поскольку участники социального взаимодействия были включены в сложную систему деревенского родства, то они могли временно или постоянно состоять в отношениях родства искусственного и т.д., это должно было оказывать заметное влияние на характер происходивших в деревне ссор: возможность/ожидаемость их возникновения, образ их развития, способы примирения и т.д.» (с. 182).

Четвертая и пятая — самые короткие главы книги, потому что лишь пунктирно обозначают важные тематические акценты в изучении неформального крестьянского взаимодействия. В четвертой главе представлены «некоторые коммуникативные аспекты крестьянской ссоры», в частности их «регулярная особенность: конкретный предлог, с которого ссора начинается, сразу или постепенно отходит на второй план или совсем „забывается“, а вместо него возникает, на первый взгляд, совершенно не связанный с ситуацией пласт информации, вокруг которого и развертывается дальнейшее взаимодействие» (с. 186), т.е. совершается коммуникативная подмена. Высказываемые в ссоре обвинения могли относиться не только к ее непосредственным участникам, нередко были случаи «дискурсивного вовлечения третьих лиц», когда претензии начинали предъявляться к отсутствующим лицам, в первую очередь к кровным родственникам собеседника; часто ссора «цитировала», заново пересказывала предыдущие ссоры, актуализируя множество событий из семейной истории. Как иронично замечает автор, «припоминание неблагоприятных деталей совместного прошлого в ссорах бывает столь обильным, что размер таких текстов не позволяет цитировать их целиком или даже в сокра-

ценном виде» (с. 188), причем в ссорах ближайших соседей подробность и глубина «припоминания» прегрешений противоположной стороны могла быть особенно значительной (в силу хорошего знания друг друга на фоне отсутствия родственной солидарности).

«Область референции [ссоры] может значительно расширяться, захватывая все, что находится на памяти участников ссоры; воспроизводится и особым образом подается то, что можно назвать „отрицательным капиталом“ противника и его ближайшего окружения: „Бабы ругаются жесточайшим образом и чего только не наплетут в ссоре: называют друг дружку «паскудами», сволочами, б-дями, потаскушками, изложат биографию друг друга, начиная чуть не с младенчества, с мельчайшими подробностями; не позабудут упомянуть о неблагоприятных фактах из жизни матери, сестры, дочери и т.д.“» (с. 193). Лавинообразным в соседской ссоре было не только увеличение информации, но и вовлечение новых участников: «сбежались соседи посмотреть на камедь». Все это придавало соседской ссоре несколько театрализованной характер, поэтому она воспринималась как публичное зрелище, что отражено в ироническом обозначении ссор по названию церковных служб: «вечерняя, обедняя, заутренняя» (с. 198). Поразительным для внешних наблюдателей, но совершенно нормальным для крестьянской жизни было скорое и «незаметное» их окончание, причем внезапное примирение нередко случалось в момент кульминации ссоры.

Завершает четвертую главу суммирование значимых коммуникативных аспектов деревенской ссоры: изменение скорости речи; модификация форм обращения (в частности, могло исчезать обращение по имени); вариации от словесного и акционального обмена высокой интенсивности до полного прекращения взаимодействия между участниками; актуализация особой коммуникативной компетенции, которая обретала специфические функции (сквернословие, ругань, инвективы). «В целом элементами плана выражения ссоры потенциально могут стать самые разнообразные „языки“ и параречевые явления — слезы, смех, истерика — и другие продукты „гниения языкового сообщения... из которых и складывается язык в действии“. В сочетании с особенностями содержательного плана ссоры (воспроизведением обширного контекста социального взаимодействия, экспликацией знания определенного типа, находящегося в коллективной памяти, актуализацией символически значимых для сообщества социальных кодов и пр.) создается особая информативная и семиотическая насыщенность ссоры» (с. 203).

В пятой главе «Гендерная проблематика крестьянских ссор» автор обозначает, как в их текстах «конструируется категория гендера», отмечая, что этнографические материалы того времени создавались в основном мужчинами. Фактически вся глава посвящена иллюстрации и подтверждению тезиса, что «репрезентация „мужского“ и „женского“ в текстах о крестьянской культуре в целом свидетельствует о существовании в ней достаточно жесткой гендерной иерархии. Подчиненное положение женщины осмысливается как „божественное“ установление, свидетельством чего служит, например, обширный корпус церковных текстов — от канонических до популярных» (с. 206). Более низкий статус женщины был зафиксирован и в официальном законодательстве, и в крестьянском обычном праве (например, существовал высочайший указ об освобождении женщин от телесных

указаний и вера крестьян в бесполезность наказания женщины — «баба глупа и не понимает, что делает»).

Гендерное измерение ссоры задавалось специфическими характеристиками деревенского пространства: приватные, семейные его стороны считались женскими, общественные, публичные — мужскими, что определяло «локализацию» ссор, т.е. «женскими» считались, повседневные конфликты в женском гендерном пространстве дома и двора (для женщин самым сильным было обвинение в распутстве), а «мужскими» — ссоры в публичном пространстве сельского схода или кабака (для мужчин самым тяжелым было обвинение в воровстве). Тем не менее, устойчивой была тенденция к гипертрофированию конфликтных свойств женского характера, злости и склонности к ссорам («вздорная/злая баба — причина всех бед», «все ссоры из-за баб», «комар пищит, а баба сплетничает» и т.д.). «Стереотип бабьей сварливости регулярно связывается и с представлением об иррациональности женской ссоры» («по пустякам»), которая при этом может приводить к катастрофическим последствиям: «начинаясь с мелочей, женские ссоры мало-помалу совершенно отправляют жизнь в семье». Представление о женщине как главной виновнице ссор и о женских ссорах как обусловленных индивидуальными особенностями или специфическими обстоятельствами приводило к выводу, что противостоять этим ссорам могут только «мудрость и трезвая рассудительность мужчин» (с. 213). Впрочем, «можно избежать гендерных стереотипов при анализе крестьянских ссор, если рассматривать характеристику пола как составляющую понятия „статус, занимаемый человеком в структуре семьи и/или деревни в целом“, в таком случае поведение человека в ситуации ссоры невозможно будет свести лишь к тому, мужчина это или женщина» (с. 220).

Заключительная глава книги посвящена разным формам «деревенского примирения: от семейного совета до волостного суда». Автор сразу предупреждает читателя, что делать однозначные выводы о типах крестьянского примирения сложно, потому что, помимо общего признания, что «всякая ссора красна мировой», варианты прекращения ссор были крайне разнообразны (быстрое, полное, частичное, имитационное и пр.), что заставляет считать примирение условным окончанием ссоры (это ее «промежуточный этап, маркирующий смену конфликтных практик» — с. 224) и смиряться с тем, что далеко не всегда крестьяне считали примирение достойным письменной фиксации (не записывались пустяковые дела и дела, оконченные примирением), нередко уничтожались и письменные записи жалоб сельскому начальству.

Не ставя перед собой «задачу реконструировать всю обычно-правовую систему разбора и разрешения крестьянских ссор», автор выделяет основные элементы примирения на каждом ее уровне (с. 226). Во-первых, была широко распространена практика саморегуляции ссор, когда поссорившиеся примирялись сами, не прибегая к помощи других лиц («свои люди, побранятся — сами и помирятся», «рассорившиеся супруги ночь переспят и помирятся», «муж с женой ругайся, а третий не мешайся»): так, «коррелятом представления о супружеских отношениях как о саморегулирующейся системе было официальное ограничение на примирение супругов извне, выражавшееся, например, в исключении дел о супружеских ссорах из компетенции суда» (с. 227); аналогично считалось невозможным

разбирать извне ссоры между родителями и детьми; внезапно примирялись мелкие публичные соседские ссоры. «Примирение внутри семьи является одной из иллюстраций принципа семейной солидарности, поскольку неспособность справиться с ссорой своими силами, когда „домовладыка, несмотря на всю необъятность своих прав, признавался невластным выразить свою волю и привести ее в исполнение“, воспринималась как позор. Да и сохранение личной или семейной репутации в глазах односельчан было одним из сдерживающих механизмов, предотвращавших вынесение части домашних ссор вовне» (с. 231).

Во-вторых, у сельского сообщества был целый арсенал способов регулирования конфликтов: примирение с участием сельского старосты (низшее деревенское начальство), который должен был склонять стороны к миру по делам об оскорблении, клевете, угрозах и пр.; разбор дела старостой, но при участии «добросовестных» (избирались на определенный срок за хорошее поведение и добрую нравственность); привлечение соседей (к разделу хозяйства, разбору повседневных ссор, в качестве свидетелей в судебных инстанциях); третейский суд (в качестве судей выступали несколько избранных крестьян, решение которых считалось окончательным); суд стариков (разбирал прежде всего супружеские ссоры, пытаясь предотвратить или сделать менее конфликтными разводы, а также раздел имущества между наследниками и семейные разделы); сельский сход (решение финансовых, хозяйственных, административных и других вопросов, совместно/одновременно с судом стариков разбор крестьянских ссор прежде всего конфликтных разделов, чтобы не допустить их передачу на уровень волостного суда). «Главным отличительным признаком перечисленных инстанций было то, что разбирательство... носило примирительный характер и, за редким исключением, не преследовало цели вынести окончательное решение, приговор» (с. 240).

Далее автор кратко характеризует деятельность формальных институтов судопроизводства, обращая преимущественно к их примирительной деятельности. Первой такой инстанцией был волостной суд, где нередко «оканчивались примирением дела по таким проступкам, по которым, по общему законодательству, примирение не допускается», например, о кражах. Свойственное волостным судам «крайнее разнообразие... при разрешении одних и тех же вопросов» (с. 242) приводило к тому, что достигнутое по решению суда примирение могло стать началом другой ссоры (хотя и с другими участниками, потому что взаимоотношения между поссорившимися в той или иной степени восстанавливались), т.е. конфликт не завершился, а принимал другую конфигурацию. Выше инстанций «семейно-волостного круга» находились уровни обычного судопроизводства, не имевшие сословной специфики (суд мировой, окружной и пр.), однако обращение в эти судебные инстанции крестьян было скорее исключением, чем правилом, и волостной суд обычно было последней ступенью рассмотрения деревенских конфликтов.

Традиционными практиками примирения, помимо вышеперечисленных, были заговоры («делегирование примирения третьей инстанции, обладающей нечеловеческой природой» — с. 250) и «примирение на вине»: совместная выпивка была и своеобразным закреплением достигнутого примирения, и символическим закреплением новых отношений между помирившимися («вино ставится для скрепления мира, для приведения его посредством водки в дело»), и платой за посредни-

ческие услуги по примирению, и способом достижения согласия (платой за примирительное разрешение дела). «Ссоры нередко и затевались только ради того, чтобы выпить „примирительное“... что, видимо, в определенной степени объясняет, почему крестьяне так легко ссорились и мирились вновь... Не исключено, что часть деревенских ссор, в первую очередь, соседских, на самом деле представляла собой лишь псевдоконфликт или даже сознательную имитацию» (с. 253—254). Впрочем, «примирительные» выпивки часто заканчивались ссорами и драками, возобновляя старые и провоцируя новые конфликты, поэтому роль кабака в деревне была двойственной: «с одной стороны, кабак был одним из традиционных мест для примирения («ну, кланяйся в ноги, и айда в кабак»), ...а с другой — именно там начинались многие ссоры... В кабаке „отменялись“ как многие повседневные конвенции поведения, так и нормы взаимодействия в соответствии с обычным правом... „В кабаке можно бить кого угодно... Кабак — такое место, где все разрешается и никакие безобразия не наказываются“» (с. 255).

Завершая краткий обзор очень содержательно насыщенного текста, следует отметить, что характерная особенность книги, выгодно отличающая ее от множества других, состоит в том, что автор на протяжении всего повествования подчеркивает, что его определения, трактовки, модели и пр. «не являются единственно возможными, однако их эвристическая ценность... достаточно велика» (с. 8); предлагая «модель крестьянской культуры, ...надеется, что анализ будет обладать достаточным эвристическим потенциалом, чтобы можно было использовать его для изучения других моделей» (с. 12), «что исследование подтверждает изначальный тезис о том, что, изучая ссору, мы в конечном итоге изучаем саму традиционную культуру» (с. 262) через ссору как «обладающий созидательным потенциалом механизм адаптации к периодическим статусным изменениям» (с. 263). Автор критически оценивает собственные изыскания, например, говоря о «несколько искусственном выделении ссоры как самостоятельного вида конфликта» (с. 9), что «предлагаемая модель описания ссоры — выделение тематических групп „семейная ссора“, „соседская ссора“ и „институт примирения“ — вероятно, не является единственной», однако такой подход «помогает поместить ссору в контекст предшествующих и последующих ей событий; ...позволяет выделить два типа ссор, условно называемых точечной и континуальной (первая начинается и заканчивается в пределах ограниченного, обозримого промежутка времени, вторая длится дольше и подразумевает разные формы конфликтного взаимодействия)» (с. 9), и «показать эвристический потенциал изучения повседневной ссоры для изучения крестьянской пореформенной культуры» (с. 264).

Содержательная многослойность книги является одновременно ее достоинством и ограничением. Несомненно, работа поразительно (для данного жанра) захватывающа, и когда автор приводит зарисовки из реальных крестьянских ссор, читается почти как приключенческий роман. Особую жизненность тексту придает щедрая россыпь пословиц, поговорок и элементов фольклорных текстов, которые наглядно демонстрируют, сколь неизменными на протяжении столетий остаются многие социальные, семейные и поколенческие проблемы, с которыми каждый из нас лично или через знакомых сталкивается в повседневности: «родня — собачья голодня»; «ешшо с свекром жить бы можно, а с свекровью не могу; кажись,

завтра темной ночью к родной маме убегу»; «огарки делят, и то не без драки» и т.п. В то же время в тексте столько тематических линий, что многие из них оказываются (для требовательного читателя) недостаточно развернуты или завершены. Собственно, о подобной многослойности автор предупреждает читателя заранее, во введении, когда определяет объект своего интереса, ссору, и «как особо насыщенный текст, обладающий повышенным экспликационным потенциалом», и «как выполняющую метаструктурную функцию по отношению к контексту взаимоотношений, в первую очередь к его негативно оцениваемым аспектам», и «как одну из ситуаций трансляции повседневного знания» и т.д. В этой книге, видимо, изоморфна своему предмету — той мозаичной и подвижной области социальной действительности, которая ловко ускользает от попыток ее исследовательской стандартизации и формализации, — повседневным практикам, которые, судя по выводам автора и иллюстрирующим их этнографическим зарисовкам из весьма отдаленного прошлого, и сегодня сохраняют свои прежние функциональные, структурные и содержательные элементы, что позволяет лучше понимать как нынешние неформальные паттерны повседневного взаимодействия, так и их исторические истоки.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-613-627

**QUARREL AS A 'MODEL' OF EVERYDAY LIFE:
INFORMAL PRACTICES OF RURAL RUSSIA
IN THE HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC PERSPECTIVE**

REVIEW OF THE BOOK: Kushkova A.N. *KREST' JANSKAJA SSORA: OPYT IZUCHENIJA DEREVENSKOJ POVSEDNEVNOSTI: PO MATERIALAM EVROPEJSKOJ CHASTI ROSSII VTOROJ POLOVINY XIX — NACHALA XX VEKA* [PEASANT QUARREL: A STUDY OF RURAL EVERYDAY LIFE BASED ON THE DATA FROM EUROPEAN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURY]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo Universiteta v Sankt-Peterburge; 2016. 318 p.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-628-635

СВОБОДА В ХОРЕ», ИЛИ ИЗ ДВУХ ЗОЛ...*

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Аблеев С.Р., Золкин А.Л., Кузьминская С.И.,
Марченя П.П. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ. М.: ИПЛ, 2017. 192 с.**

В последние три десятилетия в отечественной общественной науке набрало силу стремление представить историю России в XX веке как часть глобальной истории человечества, устремленной в своем развитии к идеалам англо-саксонской демократии. Считается, что прежний методологический подход с позиций научного коммунизма дискредитирован самой жизнью и должен быть заменен теоретической моделью рыночного либерализма (нечто вроде «научного антикоммунизма»). Но это есть выбор «из двух зол», причем последнее — отнюдь не меньшее. Сам К. Маркс на позднем этапе своего творчества рекомендовал русским коллегам обратиться к изучению крестьянской общины в поисках цивилизационного кода истории своей страны, полагая, что описывать ее реалии в категориях капитализма и рынка нецелесообразно. Авторы монографии «Цивилизационный суверенитет России» показывают, как много в свое время было сделано в этом направлении К.С. Аксаковым, А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским, насколько интересна переключка их идей с содержанием работ современных исследователей российской цивилизации. Я не возьмусь предугадать, устоит ли в нашей гуманитарной науке словосочетание «цивилизационный суверенитет России» и, если да, то насколько скоро и это произойдет. Но, прочитав монографию с таким названием, вполне готов признать: чтение полезное и более чем своевременное. Авторство работы принадлежит квартету из представителей разных отраслей отечественного обществоведения, включая филолога, а ведь лингвистика — «самая точная из гуманитарных наук и самая гуманитарная из точных» [5. С. 49]. Да и авторитетность истории и социальной философии при рассмотрении подобных проблем никто не отменял, хотя здесь, конечно, споры идут довольно жаркие. Мне бы очень хотелось, чтобы и словосочетание, и стоящее за ним смысловое содержание поскорее вошли в круг наиболее актуальных междисциплинарных исследований. Надеюсь, некоторые мои размышления о книге будут этому способствовать.

Свобода не только в хоре, но и в дуэте, квартете и т.д. определяется гармоничностью звучания, когда партия каждого из исполнителей не мешает, но помогает донести до слушателя (в данном случае — до читателя) общий замысел и смысл произведения. С этой точки зрения доминантой представляется первая глава книги — «Россия как мир: поиск цивилизационных оснований» авторства А.Л. Золкина (с. 5—66). Текст главы можно представить как подробный и нетри-

* © Бабашкин В.В., 2017.

виальный ответ на вопрос: что есть патриотизм в современной России? «Патриотизм — это ...духовно организованная деятельность любящей свою Родину личности, а также понимающей, что такое его Родина» (с. 62). Выглядит, как аксиома, вполне устраивающая и условного Н.К. Сванидзе, и условного С.Е. Кургиняна, а ведь где-то между ними еще и условный В.В. Жириновский. Все упирается в то, сходным ли образом понимают они, что такое их родина, созвучны ли их историко-философские представления по узловым проблемам прошлого и настоящего России. И дело не только в том, чьи убеждения вызывают согласие большинства зрителей тех телешоу, в которых регулярно и очень эмоционально участвуют эти общественно-политические деятели. Значительно важнее, что написано об этом в учебниках истории.

Диагноз А.Л. Золкина суров: в российской образовательной системе предпринимается попытка изменения «цивилизационного кода» в изучении прошлого страны, поэтому богатые традиции образования дискредитируются, предаются умолчанию и забвению. «Следует вернуться к российскому цивилизационному коду в сфере образования, к „духовному суверенитету в сфере культуры“. Прежде и русском марксизме, и в русском либерализме наличное состояние общества и культуры трансцендировали с помощью идеала (коммунистического или либерального). В результате мы располагаем очень странной философией, которая делает нас чужими самим себе» (с. 63). Действительно, когда в начале 1980-х годов идеал научного коммунизма окончательно разбился о наличное состояние общества, мы отправились искать утерянную перспективу в либерализм и советологию. Известный английский специалист по русской цивилизации Т. Шанин любопытно объясняет, почему многие теоретики партийной истории и научного коммунизма столь охотно и непротиворечиво стали разоблачать «сталинизм» и исповедовать антикоммунизм [8. С. 16—18]. Но нас интересует не причина, а следствие этой деятельности: в наших учебниках обществоведения Х. Арендт и Ф. Фукуяма пришли на смену К. Марксу и В. Ленину (Сталин был изъят еще в «оттепель»). Даже само слово «обществоведение» как название учебной дисциплины было заменено на «обществознание» — очевидно, чтобы не путать прежнюю «плохую» науку об обществе с нынешней «хорошей».

Коллеги, кому знакомо содержание многочисленных пособий по натаскиванию десяти-одиннадцатиклассников к ЕГЭ по обществознанию, имеют представление, как в этих изданиях трактуются такие штампы, как «командная экономика», «тоталитарный режим», «демократия», «правовое государство» и т.д. В этих трактовках отчетливо прочитывается: «СССР — империя зла»; и это — все что угодно, только не обществоведение. Можно в этой связи увлеченно спорить, что лучше — коммунизм или антикоммунизм (что бесконечно продолжается в публицистике), но не пора ли вспомнить народную поговорку, которая подсказывает нам, какое из двух зол следует выбрать [1; 2]. А.Л. Золкин предлагает вообще не выбирать, так как оба — вариации на вечную тему общественного прогресса и его авангарда.

Вспоминаю ту растерянность и недоумение, что воцарились среди школьных учителей истории и обществоведения в начале 1990-х годов: что преподавать, с каких теоретических позиций? «Сверху» поступали установки, что формацион-

ный подход более не актуален, в гуманитарных кругах возникали смутные представления о подходе цивилизационном, крутились имена Н.Я. Данилевского, А.Дж. Тойнби, Л.Н. Гумилева. Но тогда создание соответствующего поколения школьных учебников по общественной науке казалось утопией — было ощущение, что Россия пришла к краху эволюции на собственной цивилизационной основе. Самопознание российского общества пошло по пути наименьшего интеллектуального сопротивления: коммунизм умер — да здравствует антикоммунизм! К счастью, это неприятное явление оказалось временным, инерционным: смерть коммунизма оказалась, естественно, и смертью антикоммунизма — просто слишком многие какое-то время отказывались это понимать.

Так куда же нам теперь? Вместе с Западом в постмодерн или вернуться к себе? Ответ в тексте А.Л. Золкина прочитывается вполне решительный: «Личность, обладающая способностью суждения в вопросах социальной, в том числе и цивилизационной, идентичности может рассматриваться как перспектива и цель образовательной политики» (с. 58). Добавлю оптимизма в эту формулировку, поскольку слова «перспектива», «цель» как бы относят такую личность в будущее, тогда как она уже и настоящее. Ведь мучительные размышления о собственной идентичности — неотъемлемое качество личности, а рассуждать об этом в категориях капитализма и рынка как будущего всего человечества сегодня уже вряд ли возможно. Даже отстаивание ценностей современного либерализма и их жесткая критика (к поддержке которой сегодня, согласно опросам, склоняется большинство наших соотечественников) — это уже спор в категориях цивилизационной идентичности.

Одна из сторон этого спора найдет для себя в первой главе монографии немало интересного материала. Так, обобщая некоторые размышления Н.Я. Данилевского, А.Дж. Тойнби и С. Хантингтона, автор приводит такое определение цивилизации: «Это не государство, не политический режим, не класс, не сеть, не сообщество, не группа индивидуумов и не отдельные индивидуумы. Цивилизация — коллективная общность, объединенная причастностью к одинаковой духовной, исторической, культурной, ментальной и символической традиции, члены которой осознают близость друг к другу, независимо от национальной, классовой, политической и идеологической принадлежности». По его словам, тут «приходится применять довольно смутный критерий: каждый сам знает, к какой цивилизации он принадлежит» (с. 12), но, по-моему, отличный критерий, потому что такой «каждый» — это личность, способная к суждениям в категориях цивилизационной идентичности.

Важным достоинством текста является изложение сложных вещей доступно и методично, но без вульгаризации. Красной нитью в главе проходит мысль: Россия — не просто не Запад, но едва ли не противоположное цивилизационное явление (с. 56—58). В подтверждение, помимо размышлений автора, приводится настолько удачная подборка выдержек из работ российских социальных мыслителей с начала XIX века до наших дней, что в этой части монографию можно считать неплохим учебным пособием для воспитания патриота России, каковым А.Л. Зол-

кин считает человека, имеющего внутреннюю потребность к размышлению о стране в цивилизационных категориях.

Хорошую пищу для ума в этом плане дает хрестоматийное сравнение К.С. Аксакова, в котором свобода общинного крестьянина уподобляется свободе хорового певца (с. 22). Тут обозначено принципиально разное ощущение свободы/несвободы людьми, принадлежащими разным цивилизациям. Свобода как воля — такое и на английский сложно перевести, недаром К. Маркс на просьбу В.И. Засулич подсказать русским революционерам, как потолковее подогнать его социальные теории к российским реалиям, посоветовал изучать общину [10. С. 97—126]. Чтобы помочь студентам научиться самостоятельно разбираться в том, что отражено в поговорке «Что русскому хорошо, то немцу смерть», я рассказываю им историю о первом контакте А.Н. Энгельгардта с общинным сходом. Бывший барин прибыл из Петербурга в родовое имение в Смоленской губернии и хотел сразу же привести в порядок свои отношения с жителями соседних деревень. Когда он на сходе предложил мужикам 30 рублей серебром за работу, едва стоившую и половину, странная реакция крестьян оставила его в полном недоумении. Потом его добровольный помощник Степан объяснил: нельзя, мол, здесь так — «по-петербургски» да «по-немецки» (т.е. за деньги), а нужно по-нашему — «из чести»... [9. С. 97—102].

В советской историографии общинная проблематика была негласно табуирована, в нынешних исследованиях она тоже пока остается за рамками «мейнстрима», поскольку это и есть тот самый цивилизационный подход, который заставляет привычный формационный, прогрессистский потесниться. В главе о поиске цивилизационных оснований для России интересно организована переключка между «Запиской о древней и новой России» Карамзина, основными идеями Аксакова, Хомякова, Киреевского и работами современных историков, политологов и правоведов. Становится даже совестно за тот снисходительный тон, в котором нам когда-то рассказывали, как далеки были славянофилы от «марксистского» понимания сути вещей. Но невозможно не порадоваться, насколько прочный фундамент был заложен мыслителями прошлого для сегодняшних немарксистских исследователей. Примером творчества последних может служить известная работа А.Г. Дугина «Четвертая политическая теория» [Дугин 2009], опираясь на которую А.Л. Золкин объясняет содержание понятия «цивилизационный суверенитет России». Классическая Вестфальская система предполагала юридический, формальный суверенитет национальных государств, недавний двухполярный мир от этого ушел, а нынешний многополярный — и подавно. «Следовательно, ...идея государственного суверенитета в том виде, в котором она существует, представляется на сегодняшний день юридической фикцией. ...Но переход от цивилизации как культурной и социологической данности к цивилизации как актору многополярного мира требует усилия. В этом плане идея цивилизационного суверенитета ...является пока философской метафорой» (с. 33). Иными словами, цивилизационный суверенитет государства находит свое воплощение в таких действиях, целесообразность и самостоятельность (суверенность) которых основываются на осознании себя как особой цивилизации.

Столь сильная подача основной темы монографии обязывает к тому, чтобы разработка оказалась не менее энергичной. Автор второй главы историк П.П. Марченя из ряда возможных вариантов продолжения темы выбрал такой: «Россия как Империя и Смута как расстройство ее цивилизационной идентичности». Конечно, «империя» — «это сильное и опасное слово», как сам Марченя признает, ссылаясь на такого международного авторитета в области «империоведения» (“Imperial Studies”), как Д. Ливен (с. 93). Опасность здесь, кроме прочего, в том, что современным российским обществом это слово может быть отвергнуто. В главе убедительно показано, насколько охотно и активно наши и зарубежные обществоведы пользуются этим понятием как аналитическим инструментом в попытках разобраться, что происходит с современной Россией, в какой фазе своей эволюции находится страна. Почти пять страниц текста составили только названия книг и статей, опубликованных в самое последнее время, в которых фигурирует это слово. Причем слово, видимо, до того сильное, что заголовки работ предельно выразительны, почти не нуждаются в комментариях, являясь чем-то вроде микро-рецензий на озаглавленные ими тексты (с. 79—84).

Вместе с впечатляющей картиной всплеска отечественной «империологии» дается разбор наиболее интересных работ, и нельзя не признать, что некоторые постановки вопроса глубоки и конструктивны. К примеру, автор выделяет из всего изобилия аналитических публикаций как минимум двенадцать, а как максимум порядка двадцати существенных (системных) признаков того масштабного историко-цивилизационного явления, которое можно обозначить словом «империя». Цитирует он и некоторые попытки дать ей общее определение. Собственная попытка П.П. Марченя сводится к следующему: «Империя не есть всего лишь масштабное многонациональное государство с обширными государственными интересами, у которого хватает воли, сил и средств вести „империалистическую“ политику, вовлекая в свою орбиту все новые народы. Империя не есть и просто форма государства, отличная от иных форм лишь техническими особенностями устройства и правления. Империя — это государство, осознавшее свою роль во всемирной истории и целенаправленно выполняющее ее как Миссию, находящуюся превыше локальных („всего лишь государственных“) интересов» (с. 103).

И все же вряд ли получится «сиять заставить заново» это опасное слово — слишком уж одиозное звучание в свое время ему придала советская общественная наука и политическая пропаганда. В ассоциативном ряду маячит что-то вроде «тюрьмы народов» или «жандарма Европы», а если вспомнить работу Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», которую на исторических факультетах советских вузов предлагалось местами заучивать наизусть, возникает просто переизбыток негатива. Не отрицаю, некоторые из вышеупомянутых системных признаков империи помогают лучше понять, почему распался Советский Союз, по которому сегодня ностальгирует русский мир. Но сомневаюсь, что слово «империя» сослужит хорошую службу в том объективном развитии событий, контуры которого обозначены сегодня набирающими силу центростремительными тенденциями.

Однако автор, похоже, так не считает. Резонно указывая на то обстоятельство, что русский народ без поисков некоей идеи существовать не может, он высказывает предположение, что эти поиски есть «попытки нащупать временно утраченную имперскую „почву“, лишь опираясь на которую Россия сможет сохранить собственный цивилизационный суверенитет и осмысленно продолжить свою историю» (с. 105). Вероятнее всего, так оно и будет, но насколько при этом в научной полемике и политической пропаганде будет востребовано само слово «империя», пока неясно. Российская история, по большому счету, явила человечеству некий симфонизм межэтнических, межнациональных отношений, который остается основой мощной потенциальной энергии, которая все чаще прорывается в кинетическую, вызывая обоснованные опасения у других стран. Так стоит ли тогда использовать трескучее неприятное слово, каким обществоведы привычно обозначают и Римскую империю, и Британскую и т.п.

П.П. Марченя в свое время опубликовал работу «Крестьянин и Империя: есть ли смысл у „русского бунта“?», где показал принципиальную несхожесть российской цивилизации и условной западной. Приведу две цитаты: «...Для русского крестьянина „своим“ является Обычай, а Закон всегда был „чужим“, и символом земного порядка выступал Царь, а не Конституция. Если западный человек законопослушен, то русский крестьянин — властепослушен, но послушен лишь до тех пор, пока власть права и сильна. Крестьянство жило относительно замкнутыми от внешнего мира общинами (своими „мирами“), организованными по принципу безусловного подчинения большинству (общинный коллективизм органически несовместим с либеральным индивидуализмом). Если власть ослабевала и допускала смуту, то „миры“ выступали уже готовыми „боевыми единицами“ („партизанскими отрядами“, „ополченскими дружинами“, „повстанческими формированиями“...) крестьянства в борьбе с „чужими“ за свою „Землю“ и свою „Правду“. А „Свобода“ понималась крестьянами как прежде всего Богом данная (внутренне присущая) „Воля“, т.е. свобода от всяческих ограничений извне (но никак не либералистская „осознанная необходимость“ действовать в рамках позитивного закона). Причем если для либерализма непреходящей ценностью являлась (и является) частная собственность, в том числе и на землю, то для крестьян было чуждо юридическое понятие частной собственности и совершенно неприемлема собственность на землю» [6. С. 91].

«Либерализм как идеология „среднего класса“, „умеренности“ и „золотой середины“ относительно благополучного в материальном смысле западного общества не мог вдохновить склонного к крайностям русского мужика, объединяющего в себе все противоречия далекой от размеренности и сытости русской жизни» [6. С. 91]. Как говаривали в Древнем Риме, куда уходят корнями столь непохожие на Россию империи Запада, „sapienti sat“ („умеющему думать достаточно“): если вдуматься в эти утверждения автора «Крестьянина и Империи», и революция-то русская, столетие которой мы отмечаем в этом году, имеет очень мало общего с тем, что западные историки обозначают словом „революция“ в истории своих стран. Хочется, конечно, авторам единого учебника истории для школ современной России вписать „Великую российскую революцию 1917 года“ в контекст

истории глобального человечества [7]. Но думается, что все же ближе к исторической реальности те, кто описывают ее не в категориях общественно-экономических формаций и их революционной смены, а в диалектической логике эволюции цивилизаций [4].

Лаконично и мощно написана третья глава «Архетипы массовой культуры и манипуляции массовым сознанием в контексте проблем цивилизационного суверенитета России». Здесь можно удостовериться, сколь убедительно звучит дуэт философа и лингвиста, и отметить, насколько жестко и бескомпромиссно язык фиксирует некоторые проблемы цивилизационного противостояния. С.Р. Аблеев и С.И. Кузьминская запечатлели в конкретных примерах такие приемы манипулирования массовым сознанием, как демонизация и криминализация образа оппонента, а также создание политической мифологии и продвижение ее незамысловатых догматов посредством «исторических прецедентных феноменов». Последние составляют мощный манипулятивный инструмент в руках не знающих финансовых трудностей западных (и прозападных) медиа. «Нам пытаются внушить, что англосаксонская демократия есть заоблачный идеал, к которому должно стремиться все население Земли, включая, видимо, и пингвинов в Антарктиде. Если в религиозной мифологии наиболее негативной характеристикой субъекта являлось отождествление его с дьяволом, то для апологета западного либерализма такой характеристикой является обвинение своего оппонента в отказе от англосаксонских шаблонов демократии» (с. 149—150).

В заключении авторы, как бы извиняясь за небольшой объем монографии, сообщают, что это лишь первая книга в серии о междисциплинарном осмыслении заявленной проблемы. Можно только пожелать, чтобы последующие издания были не менее информативны и читабельны, т.е. наполнены сильными словами при общем правильном направлении исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бабашкин В.В.* Два большевизма, или место Октября в Русской революции // *Россия и революция: прошлое, настоящее и будущее системных кризисов русской истории* / Под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. М.: ООО «АПР», 2012.
- [2] *Бабашкин В.В., Толстов С.И.* Особенности аграрного реформирования 30—50-х годов // *Историческая психология и социология истории*. 2016. № 2.
- [3] *Дугин А.Г.* Четвертая политическая теория. СПб.: Амфора, 2009.
- [4] *Кондрашин В.В.* Крестьянская революция в России 1902—1922 гг.: научный проект и научная концепция // *Аграрная история XX века: историография и источники*. Самара: Самарский университет, 2014. С. 341—347.
- [5] *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2007.
- [6] *Марченя П.П.* Крестьянин и Империя: есть ли смысл у «русского бунта»? // *История в подробностях*. 2010. № 6.
- [7] *Петров Ю.А.* Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // *Российская история*. 2017. № 2.
- [8] *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905—1907 — 1917—1922 гг. М.: Весь мир, 1997.
- [9] *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем 1872—1887. М.: Мысль, 1987.
- [10] *Shanin T.* Late Marx and the Russian Road. Marx and the “Peripheries of Capitalism”. N.Y.: Monthly Review Press, 1983.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-628-635

“FREEDOM IN THE CHOIR”, OR FROM TWO EVILS...

REVIEW OF THE BOOK: Ableev S.R., Zolkin A.L., Kuzminskaja S.I., Marchenya P.P. *TSYVILIZATSYONNYI SUVERENITET ROSSII: PROBLEMY I DISKUSSI* [CIVILIZATIONAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA: CHALLENGES AND DEBATES]. Moscow: IPL; 2017. 192 p.

REFERENCES

- [1] Babashkin V. *Dva bol'shevizma, ili mesto oktyabrya v russkoi revolyutsyi* [Two bolshevisms, or the place of the October in the Russian Revolution]. *Rossija i revolyutsija: proshloe, nastojashchee i budushchee sistemnyh krizisov russkoi istorii*. Ed. by P. Marchenya, S. Razin. Moscow: OOO “APR”; 2012 (In Russ.).
- [2] Babashkin V., Tolstov S. Osobennosti agrarnogo reformirovanija 30—50-h [Features of the agrarian reforms of the 30—50s]. *Historical Psychology and Sociology of History*. 2016; 2 (In Russ.)
- [3] Dugin A. *Chetviortaja politicheskaja teorija* [Fourth Political Theory]. Saint-Petersburg: Amphora; 2009 (In Russ.)
- [4] Kondrashin V. Krestjanskaja revolyutsija v Rossii 1902—1922 gg.: nauchnyi proekt i nauchnaja kontseptsija [Peasant revolution in Russia: Scientific project and concept]. *Agrarnaja istorija XX veka: istoriografija i istochniki*. Samara: Samarsky Universitet; 2014 (In Russ.).
- [5] Krongauz M. *Russkij jazyk na grani nervrogo sryva* [Russian Language on the Verge of a Nervous Breakdown]. Moscow: Yazyki slavjanskih kul'tur; 2007 (In Russ.).
- [6] Marchenya P. Krestjanin i Imperija: est' li smysl u “russkogo bunta”? [Peasant and the Empire: Is there any sense in the “Russian rebellion”?]. *Istorija v podrobnostjah*. 2010; 6 (In Russ.)
- [7] Petrov Yu. Rossija nakanune Velikoi revolyutsyi 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendentsyi [Russia on the eve of the 1917 Great Revolution: Contemporary trends in historiography]. *Russian History*. 2017; 2 (In Russ.)
- [8] Shanin T. *Revoljutsija kak moment istiny. Rossija 1905—1907 — 1917—1922* [Revolution as a Moment of Truth. Russia 1905—1907 — 1917—1922]. Moscow: Ves' mir; 1997 (In Russ.).
- [9] Engelgardt A. *Iz derevni. 12 pisem 1872—1887* [From the Village. 12 Letters 1872—1887]. Moscow: Mysl; 1987 (In Russ.).
- [10] Shanin T. *Late Marx and the Russian Road. Marx and the “Peripheries of Capitalism”*. New York: Monthly Review Press; 1983.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-636-644

ВРЕМЯ ИЗУЧАТЬ ПРИГОРОДЫ*

А.С. Бреславский

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирское отделение Российской академии наук
ул. Сахьяновой, 6/222, Улан-Удэ, Россия, 670047
(e-mail: anabres05@mail.ru)

2—3 июня 2017 года сектор социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук в Улан-Удэ провел Всероссийский научно-практический семинар «Что мы знаем о современных российских пригородах?», по итогам которого вышел одноименный сборник работ [7]. Идея встречи, в ходе которой специалисты получили возможность обсудить региональное многообразие пригородов крупных российских городов, масштабы, источники, направления и последствия роста пригородов назрела уже давно. Как мы отмечали ранее [2], при наличии внушительных перспектив для анализа эта сфера социальных исследований не избалована вниманием отечественных ученых, что порождает значительные проблемы в организации сравнительных и обобщающих работ теоретического и эмпирического характера. Конструирование общего предметного поля, постановка исследовательских задач, анализ тематических акцентов международных дискуссий в области так называемых «suburban studies» (исследований пригородов), поиск «работающих» концептов и оптимальных подходов к пониманию «русского» поля, разработка новых и/или адаптация и корректировка имеющихся методик изучения пригородов, критический анализ источниковой базы исследований, сбор и систематизация регионального материала, обобщение, типологизация и сравнительный анализ региональных кейсов, обсуждение результатов проводимых сегодня исследований — вот далеко не полный перечень задач, которые стоят перед специалистами, занимающимися разработкой интересующей нас темы.

Ключевые слова: пригороды; урбанизация; субурбанизация; Россия; пригородные исследования

Прошедший семинар позволил обозначить и обсудить перечисленные выше вопросы, собрав для коллективной дискуссии практически всех российских исследователей, кого интересуют пригороды и пригородный образ жизни в современной России. В семинаре приняли участие 13 специалистов (в основном социологи и географы) из Москвы (А.Г. Махрова, Н.В. Мкртчян, Е.В. Антонов), Красноярска (Л.А. Дорофеева), Иркутска (К.В. Григоричев, И.Ю. Корюхина), Улан-Удэ (Д.Д. Бадарасев, А.С. Бреславский, В.Г. Жалсанова), Владивостока (А.В. Винокурова) и Улан-

* © Бреславский А.С., 2017.

Статья подготовлена по итогам Всероссийского научно-исследовательского семинара «Что мы знаем о современных российских пригородах?», прошедшего в Улан-Удэ 2—3 июня 2017 года при поддержке Фонда Розы Люксембург (филиал в Российской Федерации).

Батора (Н. Галиймаа, О. Хатанболд). Заочно, в формате публикации докладов в сборнике по итогам встречи, в семинаре приняли участие еще два специалиста — из Калуги (А.Ю. Казакова) и Тюмени (А.В. Шелудков). Сравнительно небольшое количество участников — характерный признак развития нашего предметного поля, о чем будет сказано ниже.

Приглашенных докладчиков объединил не только интерес к пригородной тематике, но и то обстоятельство, что каждое из выступлений опиралось на эмпирические исследования, в том числе в конкретных городах современной России. Поскольку полные тексты докладов уже опубликованы [7] и находятся в свободном доступе в сети Интернет (<http://imbt.ru/?p=5604>), позволю себе лишь кратко остановиться на структурообразующих моментах прозвучавших выступлений. Так, во вступительном докладе «Пригороды и пригородные исследования в России» мне показалось важным задуматься над тем, какова социальная и академическая значимость пригородных исследований? Зачем нам изучать пригороды? Каким может быть российское определение пригородов? Какие зарубежные подходы к их изучению могут быть особенно полезны? Каковы сегменты и источники роста российских пригородов? Наконец, как их изучают отечественные исследователи? Все это далеко не прозаичные вопросы, и они важны для каждого ученого, изучающего пригороды, который стремится к продвижению собственной исследовательской программы, к включению результатов своей работы в общероссийские и международные дискуссии.

Вслед за этим Н.В. Мкртчян, опираясь на данные по 78 столичным городам России, внес желаемую ясность в вопрос о том, какие из этих городов генерируют рост пригородных территорий, а какие — нет. Это исследование по существу вносит определенность в то, какие крупные города России и окружающие их пригородные зоны демонстрировали бурный демографический и территориальный рост в период между 2002 и 2010 годами. Где-то пригороды росли вместе с городами, где-то быстрее или медленнее, где-то — вопреки «упадку» своего города. Все это рождает множество дополнительных исследовательских вопросов, на которые нам еще предстоит ответить.

Темпы роста населения пригородных территорий по стране в целом опережают темпы роста городов-центров. Это крайне важный и интересный вывод, который озвучил Никита Владимирович Мкртчян. В стране продолжается урбанизация, население стягивается в крупные города и их пригороды, одновременно набирает обороты и выезд самих горожан в пригороды (о реальных масштабах этого движения мы знаем пока крайне мало). Этот процесс в России получил наибольшее развитие в формате сезонной дачной субурбанизации, которой посвятила свой доклад А.Г. Махрова. Во многом благодаря исследованиям А.Г. Махровой и ее коллег по Институту географии Российской академии наук мы сегодня имеем представление о дачах и их типах в европейской части России [6. С. 283—436]. Дачи, наряду с коттеджной, усадебной и многоэтажной застройкой, по всей стране остаются одним из главных сегментов пригородных зон крупных городов, а переобустройство дач под круглогодичное проживание — значимым явлением в трансформации российских пригородов. Вот почему так важно понимать, в каком направлении

они развиваются. При этом российское дачеведение, конечно, нуждается в региональных исследователях, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке.

Нет необходимости говорить о том, сколь важно для понимания общероссийских тенденций городского и пригородного развития изучать опыт регионов на востоке России. Это показало и исследование Е.В. Антонова, которого заинтересовало, как трудовая миграция в разных ее формах влияла на локальные рынки труда в городах-пригородах Урала, Сибири и Дальнего Востока в последние годы. Существующие к востоку от Урала системы расселения, транспорта и экономические связи, действительно, задают специфические условия для развития городов-пригородов, для меж- и внутрирегиональных миграций. Стоит взглянуть хотя бы на расстояния между крупными городами — это также важно учитывать в оценках регионального разнообразия российских пригородов.

Сформированная первыми четырьмя докладами макро-оптика, количественная панорама из общероссийских данных, дала возможность взглянуть на интересующие нас явления и процессы в национальном масштабе. Важно, что дискуссия здесь учитывала известные проблемы с качеством, особенностями сбора и надежностью российской статистики, что требует критического анализа данных по регионам, их конкретизации и уточнения в полевых обследованиях. Ключевые тенденции в развитии пригородов российских городов, масштабы пригородного роста определяются часто с погрешностью, но этого, к сожалению, не избежать, пока карта региональных российских исследований не будет заполнена сколь-нибудь значительным количеством комплексных локальных работ. Именно они могут внести значимые уточнения в статистические данные, а, значит, в общее представление о городском и пригородном развитии современной России.

В рамках семинара прозвучало пять докладов о пригородах российских городов, основанных на полевых исследованиях. К.В. Григоричев, опираясь на данные наблюдений и интервью на дачах, в загородных поселениях и частном секторе Омска, Барнаула, Иркутска и Хабаровска, поделился своими размышлениями о развитии пригородного образа жизни в региональных центрах на востоке России. О субурбанизации и, в частности, субурбанизме как образе жизни в современной России написано пока недостаточно. Однако К.В. Григоричев отметил, что субурбанизм как образ жизни распространяется в сибирской провинции достаточно широко и уверенно, при этом, конечно, не синхронно и не повсеместно. Положительные ценности, которые несет в себе пригородный образ жизни, реализуются как в загородном строительстве, так и в развитии и переобустройстве так называемого «частного сектора» сибирских городов, сегменты которого могут занимать значительные по площади территории региональных центров. При этом жизнь в пригороде совершенно необязательно означает преимущества и выгоды, как это широко растиражировала по всему миру англо-американская модель. Пригороды крупных российских городов часто существенно уступают в развитии инфраструктуры, социальной среды, жилищных стандартах и пр. городам-центрам, а местные пригородные сообщества формируются порой как вынужденные, поскольку существуют, например, сложно преодолимые финансовые барьеры для

обустройства в центральных микрорайонах города. О таких негативных эффектах пригородного образа жизни, в частности, шла речь в докладе А.Ю. Казаковой из Калуги и моем докладе о стихийном росте пригородной зоны Улан-Удэ.

Нетипичный для России случай представила А.В. Винокурова, которая рассказала о развитии острова Русский — островного пригорода Владивостока, который с начала 2010-х годов стал активно обустраиваться и заселяться при поддержке и под контролем государства, что также пока редкий для нашей страны случай (можно вспомнить, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, пожалуй, лишь Сочи и Казань). В отличие от большинства отечественных континентальных городов морские города часто ограничены в территории: не имея возможности расти экстенсивно, вширь, им особенно важно эффективно использовать городские и пригородные территории.

Избежать стихийного освоения пригородных районов, учесть множественные инфраструктурные, экономические, транспортно-логистические, экологические и прочие эффекты застройки — вот над чем действительно важно задуматься крупным российским городам, в части из которых «балом правит» частный строительный бизнес, не всегда учитывающий задачи гармоничного развития осваиваемых территорий. О планировании развития пригородных территорий, учете эффектов города, который активно генерирует изменения за своими границами, говорила Л.А. Дорофеева, опираясь на данные по красноярской агломерации, являющейся одной из крупнейших в Сибири.

В целом проблематика агломерационного развития, лишь набирающая актуальность в современных процессах расселения в России, конечно, тесно связана с тематикой пригородных исследований. В обоих случаях нас интересуют множественные связи между городами-центрами и окружающими их поселениями (малыми городами, селами и пр.). Но региональных исследований городских агломераций, как и пригородных исследований, до сих пор крайне мало. Их фрагментарность не дает нам возможности делать уверенные обобщения и типологизации. Обзор известных мне работ и исследовательских программ, касающихся изучения пригородов крупных городов в современной России, опубликован в вводной статье сборника. Так, в 2000—2016 годах из 79 городов России, население каждого из которых составляет более 250 тысяч человек (на 2016 год) только в 7, судя по данным Российского индекса научного цитирования, проводились комплексные полевые исследования в области пригородного развития: это Иркутск, Калуга, Красноярск, Москва, Санкт-Петербург, Тюмень и Улан-Удэ. 7 городов из 79, т.е. менее 9%. Такое невнимание исследователей к пригородам крупных городов обескураживает, учитывая, какое значение крупные города и городские агломерации приобретают сегодня в экономике и системе расселения в стране. В списке, как мы видим, нет большинства городов-миллионников (Новосибирск, Екатеринбург, Челябинск, Казань и др.), не говоря уже о менее крупных городских агломерациях. Несмотря на некоторый количественный рост и профессионализацию городских исследований в стране в последнее десятилетие (точнее — исследований, проводимых в городах), пригороды получают внимание лишь со стороны

отдельных энтузиастов. Характерно, что за последние пятнадцать лет среди всех диссертаций по социологии, географии и экономике была защищена лишь одна, в названии которой присутствовало слово «пригород» [4]. Хотя понятие «пригороды»/«пригородные территории» определено в академических словарях давно [5], оно пока слабо востребовано и инструментально осмыслено теми, кто изучает города, системы расселения и территориальное планирование в России. До сих пор опубликовано лишь две авторские монографии по материалам исследований пригородов крупных городов России [1; 3].

В то же время именно пригородные территории становятся сегодня основной площадкой городского развития, поскольку земельные и инфраструктурные ресурсы центральных городских областей ограничены, а сами города часто не предоставляют комфортной среды для проживания. Игнорировать это обстоятельство не позволит как минимум продолжающийся рост населения крупнейших городов. Это касается не только Москвы и Санкт-Петербурга и других активно растущих городов, например, Тюмени и Краснодара, но и многих региональных центров, продолжающих стягивать внутрирегиональное население. Даже в тех городских агломерациях и крупных городах, где сочетание естественного и миграционного прироста не дает положительных показателей, процессы (пере)обустройства пригородных территорий могут протекать крайне интенсивно. К каким промежуточным результатам мы пришли за последние 10—15 лет? Что представляют собой пригороды крупных российских городов сегодня? Каковы их сегменты? Как они формируются? Каковы источники, движущие силы этого процесса? Что мы знаем о пригородных сообществах? С какими проблемами они сталкиваются? Формируется ли в регионах эффективная практика управления пригородным развитием? За исключением отдельных городов, мы до сих пор мало что знаем об этом.

Пригороды, несмотря на их бурную трансформацию в последние годы, как отметил участник семинара К.В. Григоричев, остаются в тени своих городов. Это касается не только официальной российской статистики, в которой пригородов вообще пока не существует как специальной категории, а есть только городское и сельское население, но и государственного и муниципального управления, которое делит страну на городские и сельские поселения и городские округа. Пригороды же — это специфическое, часто гибридное пространство между ними, включающее в себя черты обоих «миров», связывающее их (вокруг этого был выстроен доклад И.Ю. Корюхиной по одному из пригородных муниципальных образований Иркутска), которое требует специфического подхода к управлению, возможно, даже особой административной институционализации. Это становится понятно, когда мы, поработав с национальной статистикой, переходим к полевым исследованиям, погружаясь в повседневную жизнь пригородных сообществ.

Реалии территориального развития подчас обрушивают административные границы, это проявляется, например, в том, что отдельные городские окраины (микрорайоны) или сельские населенные пункты в границах городских округов по многим значимым параметрам не отличаются от пригородных поселений городских округов. К этим параметрам можно отнести: расстояние от общегород-

ского центра, плотность расселения, этажность застройки, качество и образ жизни местного населения (как интегральный показатель, складывающийся из состояния социально-бытовой, инженерной инфраструктуры, доходов, структуры потребления, досуга населения, нацеленности местных жителей на городской рынок труда и пр.). В каждом конкретном городе России без формальных административных границ будет непросто отделить городские территории от «пригородных», поскольку для жителей, строителей, чиновников и т.д. понятие пригорода может быть абсолютно разным. С другой стороны, административные границы часто препятствуют межмуниципальному взаимодействию, затрудняя решение общих для агломераций вопросов.

Критерии, которые используют российские исследователи в определении пригородов (расположение за границами города, наличие тесной связи с городом, особый административный статус, плотность заселения, этажность застройки, качество среды проживания и пр.), также отличаются друг от друга и от классической англо-американской модели. Это подтвердилось и в ходе подготовки семинара: в своем вступительном докладе я отметил два варианта определений, одно из которых может способствовать унификации предмета наших исследований для сравнительного анализа и необходимых обобщений, а второе — глубинной проработке локальных кейсов, пониманию сущностных черт пригородного роста в России и особенностей пригородного образа жизни в отдельных регионах страны [7. С. 6—11].

Региональные полевые обследования, очевидно, способны отобразить разнообразие мира российских пригородов, давая возможность понять происходящие в нем порой скрытые или мало обсуждаемые изменения. В рамках семинара мы рассмотрели несколько локальных кейсов — особенности развития пригородов Барнаула, Владивостока, Иркутска, Калуги, Красноярска, Омска, Тюмени и Улан-Удэ. Стало понятно, что в пространственно дифференцированной России процессы формирования новых сегментов пригородных зон и переобустройства старых приобрели многоукладный характер. Различия в уровне и возможностях экономического развития регионов, в емкости рынков труда, климатических условиях, источниках и характере продолжающейся урбанизации, масштабах разворачивающейся субурбанизации — все это определило разнообразие процессов пригородного развития, о котором мы знаем пока крайне мало.

В регионах России пригороды крупных городов приобрели разные формы: мало- и многоэтажные, только жилые или смешанные (промышленные, торговые, рекреационные и пр.), элитные, для среднего класса, бедных или смешанные, поли- или моноэтнические, застроенные государством (под его контролем), частным бизнесом или самими жителями самостоятельно, в том числе самовольно, запланированные или построенные стихийно и т.д. Где-то пригороды выстраивались на ранее неосвоенных территориях, а где-то — на основе возникших ранее сел, деревень, поселков, малых городов, путем их полной или частичной перестройки. В одних случаях пригороды разрастались вследствие продолжающейся урбанизации, демографического роста переполненных городов, в результате притяжения

в них сельского населения, населения малых городов, в других — вследствие набирающей масштабы субурбанизации, связанной с переездом жителей из центральных городских микрорайонов в пригородные в логике классической англо-американской модели или по иным причинам.

Более конкретно говорить об источниках пригородного роста в России в целом, о роли урбанизации и субурбанизации в этих процессах мы пока не можем из-за слабости российской статистики и малого количества региональных исследований. Однако, несмотря на ощутимые различия между городами в отдельных регионах страны, сегодня мы все же можем выделить основные сегменты их пригородных зон, обозначить (с определенной погрешностью) масштабы происходящих в них изменений, указать на текущие и возможные их последствия. Но без региональных исследований пригородов и истории их формирования, без определения их сущностных черт и особенностей, без изучения источников их роста и развития, миграций населения и систем расселения, связывающих села-пригороды-города, масштабов и результатов пригородного роста и т.д. дальнейшее развитие нашей предметной области невозможно.

Начать изучать пригороды сейчас, кажется, самое время. С одной стороны, более чем в 70 крупных городах России такие исследования вообще не проводятся, с другой стороны — экономика страны и ее население все более концентрируются в городах. Стихийность освоения пригородных территорий, которая не была в целом характерна для социалистического периода, невнимание к этим процессам со стороны регионов и государства в целом способны обернуться многими негативными последствиями, проявление которых — лишь дело времени. Концентрация бедности в пригородах крупных городов, проблемы с трудовой занятостью, правопорядком, реализацией муниципалитетами своих полномочий, экологические и транспортные проблемы становятся все более ощутимыми не во всех, но во многих городах страны. Особенности российского налогообложения, бюджетного кодекса, закона о местном самоуправлении, слабость межмуниципального взаимодействия часто становятся барьерами в решении обозначенных проблем. Не всегда региональные и муниципальные власти обладают достаточными и полными данными, принимая решения в области инфраструктурного, социально-экономического и демографического развития пригородных территорий. С академической точки зрения изучение российских пригородов важно не только для развития отечественной урбанистики и ее общественного статуса, но и для расширяющихся международных дискуссий в области так называемых «suburban studies» (пригородных исследований), которые с начала 2000-х годов включают в себя все больше исследований в странах развивающегося и постсоциалистического мира [8; 9].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Бреславский А.С. Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014.
- [2] Бреславский А.С. Что мы знаем о современных российских пригородах? // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. Т. 15. № 4.

- [3] Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013.
- [4] Григоричев К.В. Пригородные сообщества как социальный феномен: формирование социального пространства пригорода: Автореф. дис. д.с.н. Иркутск, 2014.
- [5] *Пригород* // Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д.И. Валентей. М.: Советская энциклопедия, 1985.
- [6] Между домом и... домом: возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016.
- [7] Что мы знаем о современных российских пригородах? / Отв. ред. А.С. Бреславский. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017.
- [8] *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe* / Ed. by K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Wiley-Blackwell, 2014.
- [9] *Suburban Constellations. Governance, Land and Infrastructure in the 21st Century* / Ed. by R. Keil. Berlin: Jovis Publishers, 2013.

DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-4-636-644

IT'S TIME FOR SUBURBAN STUDIES*

A.S. Breslavsky

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Sakhyanovoy St., 6/222, Ulan-Ude, Russia, 670047
(e-mail: anabres05@mail.ru)

Abstract. The sector of sociology of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences organized the All-Russian scientific seminar “What do We Know about Contemporary Russian Suburbs?” on June 2—3, 2017. Based on the seminar results, the collection of papers with the same title was published. The idea of the meeting was to allow the experts to discuss the regional diversity of the suburbs of Russian cities, the scale, sources, directions and consequences of the Russian suburbanization. Despite considerable prospects for theoretical and empirical analysis, this field of social research is still ignored by Russian scientists, which determines serious problems in conducting comparative and generalizing studies to ensure a broader understanding of the nature of the Russian suburbanization. Developing a common research field, setting research aims and hypotheses, summarizing international discussions on suburban studies, search for optimal concepts and approaches to the analysis of the Russian suburbanization, developing new methods for studying suburbs and adaptation of the existing ones, critical analysis of sources, collecting and systematization of regional data, generalization, typologies and comparative analysis of regional cases, discussing the results of today’s studies — these are just some issues set by the experts in the suburban studies.

Key words: suburbs; urbanization; suburbanization; Russia; suburban studies

REFERENCES

- [1] *Breslavsky A.S. Nezaplanirovannyye prigorody: sel'sko-gorodskaya migraciya i rost Ulan-Udje v postsovetskij period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period]. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN; 2014 (In Russ.).

* © A.S. Breslavsky, 2017.

The article is based on the results of the All-Russian scientific seminar “What Do We Know about Contemporary Russian Suburbs?” held in Ulan-Ude on June 2—3, 2017 with the support of the Rosa Luxemburg Foundation (the Russian branch).

- [2] *Breslavsky A.S.* Chto my znaem o sovremennyih rossiyskikh prigorodah? [What do we know about contemporary Russian suburbs?]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 15(4) (In Russ.).
- [3] *Grigoriev K.V.* *V teni bol'shogo goroda: social'noe prostranstvo prigoroda* [In the Shadow of a Big City: Social Space of the Suburbs]. Irkutsk: Ottisk; 2013 (In Russ.).
- [4] *Grigoriev K.V.* Prigorodnyie soobshchestva kak sotsialnyiy fenomen: formirovanie sotsialnogo prostranstva prigoroda [Suburban Communities as a Social Phenomenon: Development of the Suburban Social Space]: Avtoref. dis. d.s.n. Irkutsk; 2014 (In Russ.).
- [5] Prigorod [Suburb]. *Demograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar*. D.I. Valentey (ed.). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1985 (In Russ.).
- [6] *Mezhdum domom i... domom: vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home and ...Home: The Return Spatial Mobility of the Russian Population]. T.G. Nefedova, K.V. Averkieva, A.G. Mahrova (eds.). Moscow: Novyi hronograf; 2016 (In Russ.).
- [7] *Chto myi znaem o sovremennyih rossiyskikh prigorodah?* [What do We Know about Contemporary Russian Suburbs?]. A.S. Breslavsky (ed.). Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN; 2017 (In Russ.).
- [8] *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Ed. by K. Stanilov, L. Sykora. Oxford: Wiley-Blackwell; 2014.
- [9] *Suburban Constellations. Governance, Land and Infrastructure in the 21st Century*. Ed. by R. Keil. Berlin: Jovis Publishers; 2013.

НАШИ АВТОРЫ

Акулич Мария Михайловна — доктор социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (e-mail: m.m.akulich@utmn.ru).

Бабашкин Владимир Валентинович — доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vbabashkin@ranepa.ru).

Батырева Мария Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (e-mail: m.v.batyreva@utmn.ru).

Бреславский Анатолий Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (e-mail: anabres05@mail.ru).

Воронцов Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор кафедры процессуального права Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: raven_serg@mail.ru).

Голованова Юлия Игоревна — студентка магистратуры кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета (e-mail: ulianagolovanova@gmail.com).

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, главный редактор научно-теоретического журнала «Социология» (e-mail: a.danilov@tut.by).

Киселев Александр Георгиевич — доктор социологических наук, главный редактор журнала «Президентский контроль» (e-mail: alexandr.profession@yandex.ru).

Кравченко Сергей Александрович — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: sociol7@yandex.ru).

Кумса Эйлмейеху — кандидат философских наук, доцент кафедры исторической социологии Карлова университета (Чехия) (e-mail: alemayehu.kumsa@fhs.cuni.cz).

Маршак Аркадий Львович — доктор философских наук, главный научный сотрудник группы конфликтогенности миграции Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, главный редактор научного и социокультурного журнала «Поиск» (e-mail: marshak_al@mail.ru).

Назарова Инна Борисовна — доктор экономических наук, директор Аналитического центра и ведущий научный сотрудник Центра социального предпринимательства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: inna-nazarova@mail.ru).

Никулин Александр Михайлович — кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: nikulin@ranepa.ru).

Зеленская Мария Петровна — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: maria_petrova@mail.ru).

Орлова Ирина Викторовна — доктор философских наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: iksi02@rambler.ru, iv.orlova@migsu.ru).

Панкова Анастасия Викторовна — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: anjanstja@rambler.ru).

Перова Анастасия Евгеньевна — аспирантка кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: aeperova@yandex.ru).

Перфильев Юрий Сергеевич — аспирант Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: perfilyev.yuriy@gmail.com).

Петров Степан Геннадьевич — студент бакалавриата Финансово-экономического института Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (e-mail: st27petrov@mail.ru).

Подойницына Ирина Ивановна — доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (e-mail: Irena_ivan@mail.ru).

Понеделков Александр Васильевич — доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и этнополитики Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru).

Розанова Нина Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры управления Смоленского государственного университета (e-mail: rozznina@yandex.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Федорова Айгына Анатольевна — студентка бакалавриата Финансово-экономического института Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (e-mail: f_aigy_sher@mail.ru).

Шарков Феликс Изосимович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, главный редактор Международного научного журнала «Коммуникология» (e-mail: sharkov_felix@mail.ru).

Шилина Светлана Александровна — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы образования Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (e-mail: supershili2012@yandex.ru).

Яковлев Петр Игоревич — студент бакалавриата Финансово-экономического института Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (e-mail: pyakovlev14@gmail.com).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 26 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии АМА. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ◆ **аннотация** (резюме) объемом 200—250 слов на русском и английском языках;
 - ◆ **список 7—8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
 - ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность,

ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес.

Решение о публикации выносится в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and inter-disciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 26 to 50 thousand symbols for articles; from 12 to 20 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 200—250 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7—8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address.

The decision as to publication is made within three months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors’ consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.